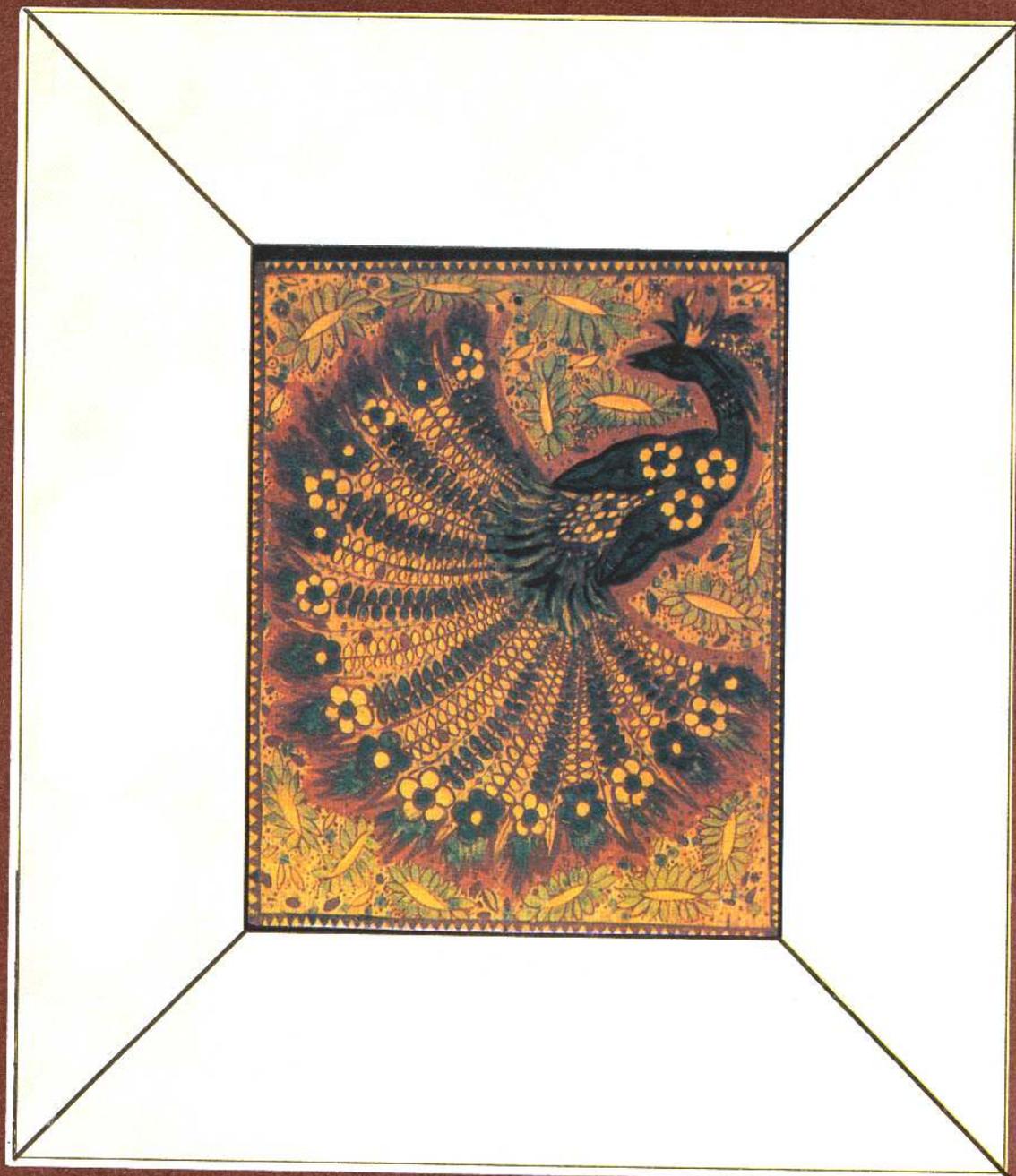

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕГОНЬИМ

ISSN 0134 - 241X

URAL STALKER

4'1994

К очерку "Крест с берегов Арала" (стр. 2-3)

Бронзовый крест, найденный
около мыса Байшура.
Лицевая и оборотная сторона

Православный крест, найденный
близ поселка Мергенсай.
Лицевая и оборотная сторона

УЧРЕДИТЕЛИ —

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РФ,
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ,
ВОЗОБНОВЛЕН В 1958 ГОДУ.

РЕДАКЦИЯ:

Виктор КЛОЧКОВ

(главный редактор),

Виталий БУГРОВ,

Юний ГОРБУНОВ,

Маргарита ГОРШКОВА

(художественный редактор),

Герман ИВАНОВ

(заместитель главного редактора),

Андрей ПОНИЗОВКИН,

Юрий ШИНКАРЕНКО,

Нина ШИРОКОВА,

Леонид ШУНЯЕВ.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,

Владислав КРАПИВИН,

Станислав МЕШАВКИН,

Николай НИКОНОВ,

Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,

Борис СТРУГАЦКИЙ.

Компьютерная верстка:

Вячеслав ГУСЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

620219, ЕКАТЕРИНБУРГ,

ГСП-353, ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

223-662 (ФАНТАСТИКИ),

224-501 (КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),

220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,

ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,

МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала, 60 знаков
в строке, 28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Росвязьинформа»

Бракованные экземпляры отправлять
в Чеховский полиграфический комбинат.

Подписано к печати 18.02.1994.

Формат бумаги 84x108/16.

Бумага типографская N 2.

Офсетная печать.

Усл. печ. л. 8,82.

Уч.-изд. л. 13,64.

Усл. кр.-отт. 15,12.

Тираж 50 000 экз.

Заказ N 2356

С.-4

Отпечатано на Чеховском полиграфическом
комбинате Министерства печати и информации
Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской обл.

© «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 1994 г.

У Р А Л Ь С К И Й СЛЕДОПЫТ U R A L S T A L K E R

В НОМЕРЕ:

4/1994

Крест с берегов Арала

Валентина ГАРБУЗОВА, Владимир КОЛОСОВ 2

Заповедная Вишера

Маргарита ОЖИГАНОВА, Лев БАНЬКОВСКИЙ 4

Земля – орбита – Земля

Владислав ДЕБЕРДЕЕВ 6

В удачу верю и надежность друга. Стихи

Юрий СУХОВ 10

Бронзовый мальчик. Роман. Часть II. Продолжение

Владислав КРАПИВИН 11

Краеведческая копилка

35

Птица Сирин на ромашковом лугу

Людмила ЧЕКМЕНЕВА 40

Пути-дороги инока Паисия

Виктор БАЙДИН 41

Заочный КЛФ

45

Журнал в журнале «Аэлита»

Наработка на отказ

Александр ГРОМОВ 47 (83)

Дюжина индюков и еще много чего...

Галина АЮПОВА 73

Гонорар мистера Эренграфа

Лоуренс БЛОК 74

Мир на ладони

78

Земляничник

Александр СЕМЕНИН 80

Валентина ГАРБУЗОВА,
Владимир КОЛОСОВ

Крест с берегов Арала

Летом 1989 года наша экспедиция работала на северо-западном побережье Арала — изучала природные очаги болезней человека. На берегу живописной бухты Жаланаш (ныне пересохшей), около мыса Байшюра в остатках какого-то жилища мы обнаружили бронзовый нагрудный крест. находка поразила: как мог оказаться здесь, в исконно мусульманском краю этот знак православия? И мы попытались эту загадку разгадать.

Место, где был найден крестик, представляло собой остатки небольшого селения из трех саманных домиков. Стояло оно, повидимому, не очень долго, но план построек достаточно хорошо просматривался. Высота стен домиков достигала 20—40 см над уровнем поверхности. Сравнив степень разрушенности селения с аналогичными постройками, дата строительства которых известна (например глиняные мазары на могилах казахов), мы определили, что селение было брошено не менее ста лет назад.

Два домика были жилыми, расположены рядом, а выходящими ориентированы на юг, к морю. Шагах в 40—50 стояло более обширное помещение, видимо, хозяйственного назначения. В окрестностях видны оплывшие кучи золы, изобилуют крупные рыбы кости, остатки глиняных грузил от сетей и неводов, кованые железные гвозди, осколки стеклянных кубков фиолетового цвета и старинных толстостенных бутылок с глубоко вдавленным дном. Стекло от времени приобрело радужный оттенок, то есть произошла его кристаллизация. Стало быть, возраст стеклянных изделий весьма почтенный.

Кроме рыболовства, жители селения занимались земледелием. Видны следы полей орошения; водосборные каналы, арыки, поля в виде чеков. Арыки заросли кустарниками, и очень хорошо просматривается вся картина водосбора. Поселенцы пользовались водой тающих снегов, собираемой с пологих глинистых холмов, окружающих бухту, а также водой редких весенних дождей. Воду хранили в обширных ямах и природных котлова-

Медная пряжка с изображением льва

нах. Хватало, видимо, для выращивания ржи, ячменя, прося, каких-то овощей.

Вместе с крестом нашли мы и медную монету достоинством в две копейки, выпущенную в 1875 году. Оба предмета имели черную патину и прекрасно сохранились. Размеры креста 24×35 мм (верхнее фото на 2-ой стр. обл.).

Местный краевед Людмила Владимировна Сапожникова сразу и категорично заявила, что в этой части Аральского побережья православные поселения не известны и наша находка — открытие. Отправили фото креста в Ленинград, в Музей истории религии и атеизма, что в Казанском соборе, но ответа не получили... Пришлось искать его самим.

Кто же были эти люди? Беглые каторжане или переселенцы за лучшей долей? А может, в поисках Беловодья забрели они на берега Арала? Куда ушли затем? Где их могилы? Много, много вопросов...

В конце прошлого века за стойкость в расколе веры уральские казаки с реки Яика были переселены к казакам на Аму и Сырдарью, под надзор

властей. Крупные их поселения известны в поселках Казалинск и Кармакчи. Переселение как выяснилось, шло тремя «волнами».

Оренбургский шевченковед Леонид Наумович Большаков, кстати, давний автор «Уральского следопыта», писал, что во время службы на Арале ссыльный поэт Тарас Шевченко встречался с русскими староверами, прибывшими сюда вместе с ним или на год раньше. Сохранились даже их имена — Черторогов и Марков (последняя фамилия — нам еще встретится). Знаком был Тарас Григорьевич и с другими русскими поселенцами 1847—49 годов. Найденное нами селение как раз и могло принадлежать этим, гонимым за веру, уральским казакам.

Это первая «волна» русских переселенцев в Приаралье. Фактически — целенаправленная колонизация края. Ее началом следует считать время первых экспедиций по Аралу капитана флота Алексея Ивановича Бутакова, создание на реке Сырдарье

Казалинского и Раимского укреплений. За обозами капитана флота пошли через Каракумские пески вереницы простого люда — в неведомые чужие края, за лучшей долей. Не все шли добровольно, иных принуждали.

Любопытный документ нашли мы в экспозиции областного краеведческого музея города Кызыл-Орды (бывший Перовск, а ранее Ак-Мечеть). Это страница из журнала «Всемирная панорама» № 18. Имя автора и год выпуска журнала установить пока не удалось, но тем не менее стоит привести некоторые выдержки из статьи «Сыльные уральские казаки в Туркестане»: «Со времени усмирения пугачевского бунта более ста лет на Урале, прежнем Яике, было тихо... Но в 1874 году здесь опять начались волнения, в результате которых несколько тысяч уральских казаков были сосланы в Туркестан, в низовья Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, в негостеприимные приуральские степи.

...Вот уже 35 лет прошло с тех пор, как уральцы появились на берегах Сыр-Дарьи, а они все еще не могут примириться со своей участью... Нужно заметить, что, собственно говоря, ссылка явилась для уральцев не наказанием, а, если хотите, даже наградой, очень выгодной операцией... Сыльные от военной службы избавлены, решительно никаких налогов и податей не платят и до недавнего времени совершенно бесплатно пользовались правом рыболовства. Немудрено, что многие из них, придя сюда нищими, быстро разбогатели здесь. Большинство из здешних уральцев состоятельны и достаточны...»

Простим автору некоторые неточности, но главное здесь — сообщение о второй «волне» уральцев в Приаралье. Для них края эти стали второй родиной.

Обжившись на новых местах, уральцы-староверы начали осваивать низовья Сыр-Дарьи, восточное побережье Арала. На карте А. И. Бутакова (с добавлениями Л. Берга), изданной Военно-Топографическим отделом Генерального Штаба в 1907 году, на восточном берегу Арала уже обозначены «рыбачьи ватаги». А на музейных фотографиях мы видим простые и суровые лица русских рыбаков, стоящих у большой лодки, на которой они смело выходили на промысел в коварные воды Арала.

Жизнь их была беспокойной. На рыбацьи ватаги вихрем налетали воинственные отряды с южных пустынь, угоня христиан в рабство. Известно, что в конце своей службы на Арале Алексей Бутаков руководил военной экспедицией по вызволению из неволи русских пленников, захваченных хивинскими военными отрядами и томившихся в неволе в Кунграде.

Полевые изыскания в 1990 году близ развалин казахского рыбацкого поселка Мергенсай (Западное побережье залива Сары-Шеганак) выявили остатки небольшого селения, расположенного особняком от казахского поселка. На его развалинах мы неожиданно нашли второй православный крест (нижнее фото на 2-й стр. обл.). Рядом с крестом лежала прекрасно сохранившаяся медная пряжка с зооморфным орнаментом (фото на стр. 2). На ней изображен лев: хвост с кисточкой, косматая грива; зверь присел на передние лапы, приготовившись к прыжку, разинув пасть и нервно поигрывая хвостом. В углублениях орнамента еще заметны следы позолоты. Пряжка имеет размер — 45×55 мм.

Второе селение отстоит от первого, нами найденного, в шести-семи километрах. Оно более позднего происхождения и существовало более длительное время, о чем свидетельствуют обширные кучи мусора. Сохранились колодцы с каменной кладкой. Среди развалин найдены монеты 20-х годов нашего столетия и, что любопытно, опять-таки осколки бутылок с глубоко вдавленным дном. Занимались поселяне рыболовством.

Потомки уральцев, ныне живущие в пос. Джусалы (Кармакчинский район Кызыл-Ординской области), признали найденный нами крест. Подобные носят уральцы и поньше. На обратной его стороне начало молитвы, которая в переложении на современный язык звучит так:

«Да воскреснет Бог и расточатся врази его да бежит от лица его ненавидящий его яко исчезает дым да исчезнут яко тает воск от лица огня тако да погибнут бесы от лица любящего Бога и знаменующего крестным знаменем и веселых глаголющих радуясь пречистый и животворящий Кресте Господень прогонит беса силою на тебе пропятого Господе нашего Иисусе Христе во ад сошедшего и поправшего силу диавола и даровавшего нам тебе крест свой честный на прогнание всякого супостата. О пречистый и животворящий кресте Господень помогай мя со своею госпожой Девочою Богородицей и со всеми святыми во веки веков Аминь!»

История появления предков на берегах Сыра молодежь уже не знает, да и не интересуется этим. Но то, что они раскольники, помнят. Нынешние веруют до сих пор, хотя может быть и не ортодоксы, но все крещеные. Крестят свои старухи. Соблюдают праздники, обязательно — посты (старики особенно). Кроме крещения, интересен еще один обряд — купание в проруби в праздник Крещения — 19 января. Канануне, с вечера, начинается молитва. Часов в 10-11 идут на реку. Купаются в белых рубахах, предварительно прочитав молитву. Считается, что эта вода святая и, искупавшись в ней, очиститься от всех грехов. Воду набирают в сосуды и хранят в течение года — она не портится. В Рождество ходят славить Христа (вернее, ходили раньше). Сейчас молодых почти нет, все разъезжаются. На Пасху обязательно готовят куличи, крашеные яйца, читают всенощную молитву. По воскресениям грешно стирать и выполнять любую другую работу. Пожилые мужчины носят широкие окладистые бороды. Молодые этих правил уже не придерживаются. Еще интересно: если режут свинью, то сделать это обязательно должен уралец, иначе мясо не берут и не едят. На магазинное мясо это правило не распространяется. Живут уже не общиной, а каждый сам по себе, как и все мы, работают кто-где. Держат в хозяйстве кур, свиней, коров, у многих уральцев есть лодки, они рыбачат и охотятся, в степи держат огороды.

Можно еще добавить, что при крещении детям дают имена по святым, а по тому у здешних уральцев много старинных имен. Правда, в последнее время молодые этому обычаю противятся.

Вот те немногие сведения, что удалось нам собрать о жизни уральцев-раскольников, в прошлом веке поселившихся на Сыр-дарье и Арале. И в самом городе Аральске еще можно встретить потомков казаков, хотя большая часть их стинула в годы репрессий 30-38 годов, а многих выбила война. В списках сталинских жертв встречаем много русских фамилий и старинных имен. Вот список из 19 фамилий. Все — рыбаки острова Озун-Каир. Арестованы 16 февраля 1930 года. Среди них — Марков Федор Трифонович, 1873 года рождения. Уж не внук ли того Маркова, что в 1848-м встречался с Тарасом Шевченко? Среди репрессированных нет высоких чинов — все они простой трудовой люд: рыбак и сторож, плотник и сапожник, слесарь и пильщик, спецпереселенец и служитель религиозного культа. Остается сказать, что третья «волна» поселенцев пришлась на 1918 год, когда люди от голода бежали сюда на Арал — «на рыбу»... Уничтожены были все.

Такова история, которую поведал нам маленький бронзовый крестик, потерянный на берегу Арала безвестным россиянином.

ский лама Трехлебов проповедует ведические знания, хранителей которых на Земле считанное число.

Горы похожи на спящих зверей: Журавлиный камень, Муравей, Петушинный Гребень. Лучше рассматривать их от уровня реки, тогда видишь и гребешок петуха. И размах журавлиных крыльев. Ветер вечности несет с гор. Когда взглянешь на них с реки, а потом переведешь взгляд на поросший мхом мощный валун на берегу — те же времена — вечность вековая. Как сохранить ее, не оскорбив битым стеклом, пустой консервной банкой? Горы и ты. Поднимешься, взойдешь на вершину — значит прошел числительные. Возвращаются все другими.

С мансийского Ялпынг-Нер переводится как "Святой камень Урала", а седловина Пурухтын-Сори — "Седловина, на которой приносят жертвы". Если точнее перевести мансийское слово "ялпынг", то выливается такой смысл: "недоступный", "проклятый камень". Женщинам идти на вершину камня запрещено. Вот как характеризует мансийские языческие богослужения историк XVIII века Г. Ф. Миллер: "у вогулов есть обычай особо почитать некоторые горы... приносить их жертвы, или точнее сказать, главным божествам тех мест..."

В пути на южную вершину Молебного хребта мы увидели останки одной из таких жертв — шкуру оленя и отдельно лежащий олений язык у изголовья. Рядом простерся деревянный крест, на который была надета застегнутая на все пуговички детская болоньевая куртка. По-видимому, раньше этот идол стоял — до первых сильных горных ветров.

Доза-лама и его спутники опустились на колени перед южным отрогом Ялпынг-Нера, обратились к космосу, камням, животным и растениям, к горным стихиям с просьбой пропустить нас к вершине и не мешать возвращению в лагерь. Все существа гор получили сердечные заверения о наших мирных намерениях, об искреннем уважении ко всем исконным обитателям этих мест.

И горы сочувствовали нам. Огромная грозовая туча, надвинувшаяся с запада, отошла на север и рухнула там, оставив открытой нужную нам двугорбую вершину.

Одна из наших задач — краткое описание флоры в окрестностях и на вершинах Молебного хребта.

Несмотря на то, что истоки рек Велеса, Ольховки, Большой и Малой Мойв находятся к западу от главного Уральского хребта и поэтому, естественно, находятся в Европе, леса здесь сибирские. Они более всего населены типичными растениями сибирской тайги, хотя в них сохранились и реликты древних евразийских лесостепей — очанка, мелколепестник, селена-хлопушка, подмаренник, гвоздики, злаки и ряд бобовых растений. Изредка встречаются здесь и реликты европейских широколиственных лесов — перловник, сочевичник, копытень и другие.

В горных тундрах Урала всегда поражаешься могучей силой растений, которые не позволяют взять верх над собой никаким самым жестоким горным стихиям. Накипные лишайники въедаются в камни и образуют с ними неразделимое целое. Лишайник парнелия в солнечные дни на раскаленных камнях похож на хрупкую темную корочку и кажется совершенно безжизненным. На самом же деле он просто ждет оживляющих его дождей и туманов.

Среди суровых вершин Молебного хребта в окружении жестких осок, ситников, ожик, мхов и лишайников под защитой крупных

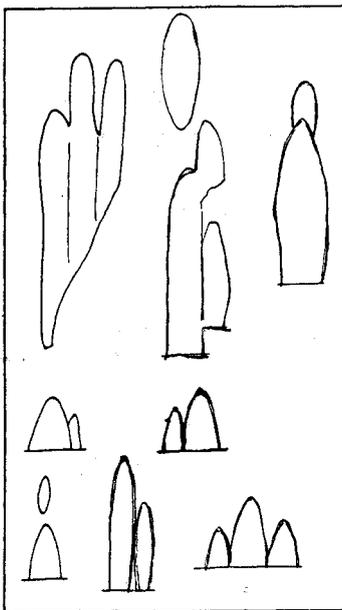
камней приютились странные микроазисы чуждых горной тундре растений: крошечные бело-розовые колокольчики типичного таежного обитателя линнеи северной, названной так в честь великого шведского ботаника Карла Линнея. Это на редкость жизнелюбивое и могущественное растение он любил больше всех других на свете. В других микроазисах "цветают" типичные таежные папоротники сибирского облика. Они так же, как и линнея северная, свидетельствуют: когда-то на привершинных склонах Молебного камня была тайга. Но горы растут, и деревья оказываются не в состоянии удержаться на вершинах. В горных тундрах царят неумные ветры, и все, что находится выше неглубокого снежного покрова, просто-напросто срезается острыми как бритвы ледяными осколками осенне-весенних горных снежных настов. Впрочем, у самых вершин хребта из занесенных сюда ветрами и птицами семечек прорастают совсем юные, пушистые деревца кедр и ели.

Два дня мы возвращались к тому месту, где были оставлены надувные плоты. И еще более недели выбирались на них в поселок Ваю, где находится управление заповедником.

У молодого заповедника много серьезнейших проблем. Первая из них — острый недостаток средств на содержание сотрудников, на становление и развитие материальной базы. Очень трудную, почти невозможную в наше время научную и организационную задачу поставил Р. К. Идрисов — вернуть местное мансийское население к традиционным занятиям. Решил прежде всего помочь им в развитии оленеводства. Это невероятно сложно потому, что многие манси совершенно отошли от кочевой жизни. Как снова сделать такую жизнь привлекательной и результативной? Как сохранить приплод оленей от хищников, болезней и других неблагоприятных условий и обстоятельства? Есть также "в-третьих" и "в-четвертых", а кроме того — еще десятки умопомрачительных проблем. В 1993-м году у заповедника не было никаких средств, чтобы авансировать хозрасчетную работу

Западно-Уральской авиабазы охраны лесов. И когда между Березовым Камнем и Вишерой в 151-м квартале вспыхнул лесной пожар, тушить его оказалось практически нечем и некому. Выгорело более пятисот гектаров заповедного леса. У заповедника нет пока возможности обеспечить даже очень немногочисленных своих работников жильем, продовольствием, снаряжением, транспортом, связью, создать хотя бы элементарные условия для инспекторской и егерской служб, для научных сотрудников. Но Рафаил Камилевич не теряет надежды, работает с полной отдачей сил. Пермские газеты публикуют его объявления о приеме на работу бескорыстных, любящих природу сотрудников. Эти объявления больше напоминают пламенные воззвания.

Вероятнее всего, заповедник не удастся сохранить, если думать о его судьбе будут только власти Красновишерского района. Заповедник — достояние всего Верхнекамья, всей Пермской области и всей России. Ему очень нужна неотложная помощь в первую очередь от Соликамска, Березников, Перми, от научных, туристских, коммерческих учреждений и организаций. При нас первая сильная, как ее называли "гуманитарная" помощь заповеднику пришла от администрации Соликамска. Кто следующий готов поддержать бедствующий заповедник? Заповедник святого Урала...

Мансийский язык дорог.
Затески на деревьях семейства
Бахтияровых

Владислав ДЕБЕРДЕЕВ

Земля — орбита — Земля

Комическая хроника

Впервые космический анекдот из уст космонавта мне довелось услышать от Павла Беляева — нашего земляка-уральца, который жил и учился в Каменске-Уральском, работал там на Синарском трубном заводе. Та памятная встреча произошла осенью 1966 года.

Это было время, когда пол-литра водки еще стоила меньше тройка. Но и такая цена казалась безумно, бешено дорогой (как и нам нынешние цены). А посему предпочиталось покупать вожделенный пузырек, скинувшись на троих «по рваному». И в этих условиях поиски третьего собутельника нередко становились проблемой.

П. И. Беляев — он был командиром космического корабля (КК) «Восход-2» при выходе в марте 1965 г. Алексея Леонова в открытый космос — начал свой рассказ так:

— Нас нередко спрашивают: а все-таки зачем Леонов выходил в космос? Ну, как же... Нас на орбите было двое — Леша выходил, чтобы недостающего третьего найти...

Анекдот этот мне шибко, говоря по-уральски, понравился. Сегодня в моем «фонде» спейсфольклора насчитывается около 70 «единиц хранения» — шутки и каламбуров, остроумных высказываний, метких слов и выражений, случаев, смешных ситуаций.

Самый первый выход человеческой цивилизации в безбрежность шестого океана связан с этаким шутейным эпизодом. Как известно, отсчет космической эры начался 4 октября 1957 года, когда в околоземное пространство был выведен артефакт-первенец — советский искусственный спутник Земли (ИСЗ). Сие сенсационное событие считалось началом космической эры, ее утром, ее зарей. Это знают все. Однако до самого последнего времени, до 90-х годов, лишь узкому кругу специалистов было известно, что дата 4 октября оказалась преждевременной.

Дело в том, что запуск нашего пер-

вого ИСЗ намечался на 5 число. Ракета-носитель со спутником уже стояла на стартовом столе космодрома Байконур, все его службы были приведены в готовность № 1. И вдруг накануне, за сутки с хвостиком до планового старта, по космодрому поползли упорные слухи о том, что США собираются запустить свой первый спутник именно 5 октября. Как потом выяснилось, этот слух был просто-напросто шуткой. Но в тот напряженнейший момент некогда было разбираться, насколько версия об американском запуске соответствует действительности. Главное — не допустить, чтобы «они» опередили «нас» в космосе. И руководители отечественного спейсведомства решили: вывести наш спутник на околоземную орбиту на день раньше. Сказано — сделано! Так, с подначки какого-то шутника «эпохальное» 4 октября 1957 года вписано в скрижали-анналы цивилизации как рождение космической эры, оказавшись своеобразным «выкидышем» космогонки двух супердержав.

До исторического запуска первого спутника, в небо стартовали на научно-исследовательских ракетах на высоты от 100 до 500 километров (полет свыше ста км квалифицируется уже как космический) подопытные собаки. Их подготовка к подобному вертикальному взлету-прыжку длилась обычно несколько месяцев. И вот тогда появился на свет следующий «собачий анекдот».

Поспорили две таких «научных» дворняжки: обладают ли люди разумом, или их поведением, поступками движут только условные рефлексы? Одна собачонка упорно утверждала: «У человека разум есть!». Другая настаивала на обратном: «Вот гляди, я сейчас ткну мордой в эту кнопку — зажжется вон та красная лампочка. И двуногие существа в белых халатах тут же притащат мне колбасу. Так что их действия обусловлены исключительно условными рефлексами».

К слову сказать, когда кандидаты в космонавты из первого набора, рассказали о заслугах собачьего племени перед космонавтикой, о том, что на ее славных представителях отработывались методики адаптации людей к условиям невесомости, режима питания в космосе и другие составляющие жизнеобеспечения, Валерий Быковский воскликнул: «Собака — лучший друг космонавта!». Он же, Валерий Федорович, будущий Космонавт-5, стал автором нового употребления слова «гастроном» — место на борту КК, где хранятся продукты питания. Этот термин в дальнейшем прочно вошел в арсенал «космолингвы», применялся даже в официальных радиопереговорах Земли с орбитой.

Если же говорить о юмористическом плане пилотируемой космонавтики, то здесь пальму первенства, пожалуй, следует отдать Колумбу Вселенной Юрию Алексеевичу Гагарину. В начале апреля 1961 года «стартовой шестерке» космонавтов предстояло вылететь на Байконур, где должен был состояться запуск «Востока» с человеком на борту. Перед вылетом в Казахстан старший лейтенант Гагарин шутливо сказал жене Валентине:

— Готовь чемодан с бельишком. В космос лечу...

В день, когда на орбиту был выведен «Восток-2» с Германом Титовым, Юрий Алексеевич гостил в Канаде у Сайруса Итона, видного деятеля пагоушского движения ученых за всеобщее разоружение. Гагарин решил немедленно послать поздравительную телеграмму космонавту-2. А какой же указать адрес?

— Да надо написать просто: «Космос, «Восток-2», Титову», — посоветовал кто-то из окружающих.

— Надо добавить: «майору Титову», чтобы не перепутали... — пошутил Космонавт-1.

Достойную лепту в космоюморию внесли также «небесные братья» Андриян Николаев и Павел Попович,

полетевшие через год после Г. С. Титова. Поздно вечером 11 августа Павла Романовича пригласили на последний предстартовый медосмотр. Доктор скрупулезно выслушивал сердце и легкие, измерял артериальное давление и пульс Поповича. Одновременно его инструктировал один из специалистов по проблемам ориентации корабля. И в этот момент эскулап говорит «пациенту»:

— Покажите язык!

— Доктор, он у меня, конечно, хорошо подвешен. Но вроде неудобно дразниться при столь ответственном инструктаже...

Веселый нрав Павла Романовича проявился и на орбите. Во время очередного «приема пищи» он съел кусочек воблы и начал расхваливать ее «райский вкус» своему космическому напарнику Николаеву, в рационе которого такого деликатеса не оказалось. В своем небесном дневнике Попович записал: «Подразнил Андрия воблой... Бедолага аж стонет, просит хоть кусочек». И под конец радиоразговора Космонавт-4 ехидно предложил:

— Подлетай поближе, так и быть поделюсь.

Зато, когда друзья-напарники уже после посадки встретились на Земле, Космонавт-3 отомстил «дразнилке» в том же духе. Потрепав «небесного брата» по щеке, Андриян Григорьевич сказал:

— А ты на вобле отъелся.

Это была двойная шутка, поскольку оба космонавта потеряли в полете по несколько килограммов...

Однако далеко не всегда анекдоты и каламбуры были мягкими и безобидными, особенно если дело касалось политики. С первых шагов пилотируемой космонавтики сложился определенный «наземный ритуал», который практикуется до сих пор. Перед стартом космонавты, а потом командиры экипажей докладывали председателю Государственной комиссии: «Готов (готовы) к выполнению полетного задания». После завершения орбитального рейса следовал адекватный доклад с оптимистической концовкой: «Готов (готовы) к выполнению любого нового задания».

По стечению обстоятельств первый полет многоместного корабля «Восход» с Комаровым, Феоктистовым и Егоровым пришлось как раз на последние дни «царствования» Хрущева, который еще успел поговорить с экипажем по радио, поздравить и пожелать благополучного при-

земления. Когда корабль вернулся на землю, брежневская клика уже сбросила Никиту Сергеевича с «трона». Родилась версия нового анекдота, по которой Владимир Комаров от имени экипажа доложил: «Готовы выполнить любое задание любого советского правительства!»

После возвращения из полета с пионерским выходом Леонова в открытый космос экипаж отчитывался перед специалистами. Представитель одного из космических КБ заинтересовался: как космонавты оценивают специально для них сделанную обувь?

— Очень хорошая обувь, удобная!

— ответил командир корабля П. И. Беляев. — Пригодилась, как нельзя лучше. Мы ее сразу после выхода на орбиту сняли и складывали в нее отснятые кассеты. Это было очень удобно!

...В истории отечественной космонавтики особняком стоит тема о чрезвычайных происшествиях, о «проколах» при запусках, полетах и прочих спейсневативах. Подобных случаев было, увы, слишком много, они нашли богатое отражение в устном народном творчестве, и только в нем! Официозные средства массовой информации (читай, дезинформации) хранили о таких ЧП гробовое молчание.

Наиболее подходящим эпиграфом к теме о «нештатной» космонавтике могла бы послужить следующая мрачная шутка космонавтов: «В полете если и происходят отказы, то непременно такие, которые не были предусмотрены в предстартовых имитациях». В этом лишний раз убеждают два случая, ставшие типичными.

Совсем нерадушно складывалось начало полета у Владимира Шаталова. Во-первых, его порядковый номер в отряде космонавтов был тринадцатым. Старт его корабля «Союз-4» планировался на тринадцатое января 1969 года, да еще в тринадцать же часов. К тому же этот день пришелся на «тяжелый» понедельник. Наконец Владимир Александрович занял место в кабине своего космического экипажа. Дана часовая готовность... получасовая... пятнадцатиминутная. И тут на борт поступила команда: «Старт отменяется, переносится на завтра» — непредвиденный сбой в пусковой автоматике.

Когда Шаталов спустился вниз, на стартовой площадке его встретили председатель Госкомиссии и руково-

дитель полета. И космонавт нашел в себе силы бодро отрапортовать:

— Побил рекорд точности — произвел посадку точно на старте! Достойн занесения в Книгу рекордов Гиннеса.

Друзья же, утешая и подбадривая Космонавта-13, шутили: «Не бери в голову дурацкий сбой! Это все путем: чертова дождина далеко не увезет. Да еще в понедельник. Зато вот завтра...» И действительно, на другой день, во вторник, все прошло «штатно».

Не от хорошей жизни шутил после приземления и наш земляк-свердловчанин Василий Лазарев.

5 апреля 1975 года он вместе с Олегом Макаровым — их позывной, кстати, был «Урал» — второй раз стартовал в космос на корабле «Союз-18». Однако на начальном участке работы третьей ступени двигательной установки из-за перебоев в подаче топлива параметры движения ракеты-носителя отклонились от расчетных. В результате автоматика выдала команду на прекращение программы. Корабль отделился от РН и пошел на посадку по баллистической, то есть неуправляемой, кривой, при которой перегрузки достигали 15-18 «же». Через 21 минуту 27 секунд экипаж оказался на Земле, в Сибири, пролетев 1574 километра.

После этой стрессовой посадки Василий Григорьевич сумел встретить прилетевших за экипажем спасателей грустной шуткой:

— Это был наш дебют в космическом родео, скачках то есть. Но выступление оказалось неудачным. Мы не смогли удержаться на орбите, которая, словно необъезженный жеребец, скинула нас, сбросила наземь. Зато у нас получился суборбитальный полет. Такого в истории советской космонавтики еще не бывало.

Разумеется, об этом «проколе» широкая общественность из официальных источников ничего не узнала. Для нее очередным космическим запуском КК под очередным номером «Союз-18» стал старт экипажа в составе командира Петра Климука и бортинженера Виталия Севастьянова — еще одного нашего земляка, уроженца Красноуральска, почетного гражданина этого города. В мае-июле 1975 года им предстояло выполнить на орбитальной станции «Салют-4» полет, продолжительность которого впервые должна была составить более двух месяцев.

Естественно, что такой срок тре-

бывал особых мер — как физиологического, так и психологического плана — для обеспечения соответствующего настроения, самочувствия космонавтов. По части собственно здоровья этому способствовали регулярные, ежедневные физические занятия небожителей на велоэргометре, «бегущей дорожке», в нагрузочном костюме. Кроме того, Центр управления полетом (ЦУП) постоянно заботился о моральном, душевном тоне членов экипажа, старался всячески их развлечь, развеселить. Вот почему при утреннем сеансе радиосвязи руководитель полета как-то запросил космонавтов:

— Чем сейчас занимаетесь?

— Физо, — кратко доложил Севастьянов и тут же расшифровал конкретно: — Я на «бегущей дорожке», а Петро — на велоэргометре.

— Тогда передаем для вас специальный вокальный концерт. Для Петра Ильича Климука русскую народную песню «Вдоль по Питерской», а для Виталия Ивановича Севастьянова — «Выхожу один я на дорогу»...

И еще о заботе матери-Земли о своих «звездных» сыновьях. Пожалуем в гости к Анатолию Филипченко и Николаю Рукавишникову, которые накручивали витки над планетой на корабле «Союз-16» в декабре 1974 г. Пролетая над Африкой, экипаж посетовал, что поверхность ее пустынь очень однотонна, а посему трудно ориентировать корабль. Шаталов, который в это время был в ЦУПе на связи, незамедлительно отреагировал на «орбитальные претензии»:

— Вполне понимаю вас, ребята. Со своей стороны обязуюсь срочно принять необходимые меры. Прежде всего заявим африканцам по этому поводу решительный протест. Если он не поможет, поручим космонавту-художнику Леонову взять краски и разрисовать африканские пустыни в самые яркие и контрастные цвета. Для лучшей ориентировки космических экипажей, в том числе и вашей...

Хотелось бы особо остановиться на ряде веселых эпизодов, связанных с пребыванием наших космонавтов на борту орбитальных станций «Салют-4» и «Салют-6». В январе-феврале 1975 года Алексей Губарев и Георгий Гречко, причалив свой «Союз-17» к «четверке», которая до этого летала в автоматическом режиме, открыли ее люк и проникли внутрь. И первое, что они увидели,

был бросающийся в глаза плакат с надписью: «При входе в дом вытирайте ноги!» Это был шуточный привет ответственным квартиросъемщикам от монтажников стартовой службы Байконура.

Что касается «Салюта-6», то однажды во время своей длительной экспедиции на его борту (175 суток) Владимир Ляхов и Валерий Рюмин, наблюдая за поверхностью планеты, обратили внимание на любопытное явление: вода в Атлантическом океане вроде как вспучивалась в виде длинного вала протяженностью около ста километров. Сообщили об этом в ЦУП. Космонавт Гречко, который был там на связи, деловито запросил:

— А как расположен вал? В широтном или меридиональном направлении?

— В широтном.

— Ну тогда это наверняка экватор.

Или вот что записал в своем космическом дневнике Валерий Викторович Рюмин 15 марта 1975 года: «Рассказывали в сеансах связи, как работаем паяльником... Пошел в дело универсальный электропривод, с помощью которого можно и гайки закручивать, и сверлить, и резьбу нарезать. Мы так расхваливали этот инструмент, что Земля язвительно поинтересовалась: а не пробовали ли вы им бриться?»

В ходе все той же полугодовой экспедиции на «Салюте-6» у Владимира Афанасьевича Ляхова вдруг куда-то «уплыли», пропали часы. В условиях невесомости — дело не удивительное. Шукал он их, шукал, сперва в легкодоступных местах, затем добрался и до «глухих, медвежьих углов». Все впустую! Тогда, вооружившись отверткой, снял панель спального мешка. Пропажи не оказалось и там. Зато Ляхов неожиданно обнаружил веселую надпись: «Чудак! Я здесь уже искал!» Это было космическое (или все-таки комическое?) послание от жильца-предшественника бортинженера Александра Иванченкова. Несколькими месяцами раньше он тоже что-то потерял в орбитальном доме, тоже добрался в конце-концов до панели «спальника», и счел нужным предупредить своего будущего последователя—растеряху...

Забавную мизансцену разыграл парадокс невесомости и с нашим земляком-уральцем Виктором Савиных. В полете на станции «Салют-7» он вел дневник. И уже под конец своей

168-суточной космической вахты, 15 сентября 1985 года, записал там следующее:

«Часто спрашивают о веселых ситуациях в космосе. Их, в общем-то, нет. Но сегодня повеселились над тем, как я взлетел в кресле к потолку во время ужина. Это сыграла со мной злую шутку... консервная банка, в которую я резко захихнул пакет из-под молока. Как известно, всякое действие имеет равное противодействие. А в условиях невесомости этот закон сработал так, что оно, противодействие в лице консервной банки, «выстрелило» мною вместе с креслом в потолок...»

Думается, пора уже выйти на международные орбиты — опять же в юмористическом преломлении. И в первую очередь поговорить о необъясненном, но воистину остервенелом (другого слова не подобрали) соперничестве-состязании двух великих держав: «нашего» СССР и «ихних» США. До конца 1968 года монополия в космонавтике на престижнейшую формулу «Впервые в мире!» однозначно, безраздельно, безоговорочно принадлежала только нам. Но после лунных достижений американцев наш приоритет в шестом океане лопнул, как мыльный пузырь.

Амбиции высших эшелонов власти, их непомерная гордыня нашла выражение в лозунге: «Социализм — лучшая стартовая площадка для завоевания (!!) космоса!». Под «мудрым» совковым руководством один за другим рождались проекты полетов, которые утерли бы нос американцам, переплюнули бы их в небесных сферах. Ничего не ведая об этих «высших» планах, народ наш выдал на гора свою версию возврата нам спейс-приоритета. Она родилась в форме анекдота, который звучал так.

Генерал Каманин, шеф подготовки наших космонавтов, вызывает к себе нового кандидата на «звездный» полет и по-отечески спрашивает его:

— Ты, сынок, ведь понимаешь, что мы должны непременно, кровь из носу, обогнать американцев? Высадиться в космосе там, где еще не ступала нога человека. Понимаешь?

— Так точно, товарищ генерал, понимаю... Неужели на Марс или Венеру лететь?

— Бери выше... то есть дальше! Это будет действительно, буквально звездный рейс. Мы тебя, сынок, — гордись доверием! — на Солнце пошлем. Есть уже на этот счет решение Политбюро.

— Так ведь там же страшная температура, в момент синим пламенем сгоришь!..

— Да ты не бойся, мы тебя ночью пошлем...

Тем временем, начиная с 1978 года, международные полеты набирали силу. Старт массовому паломничеству на околоземные орбиты космонавтов-исследователей из бывших соцстран на советских кораблях дала программа «Интеркосмос». В этих экспедициях тоже было немало смешных эпизодов, комических положений и, конечно же, шуток. В частности, не одну яркую искорку юмора высекла пресс-конференция при проведении телемоста «Земля-Космос» во время рейса 5-го международного экипажа «Орионов» — Валерия Кубасова и Берталана Фаркаши из Венгрии. Диалог проходил 30 мая 1980 года под руководством Владимира Джанибекова.

— Есть один деликатный вопрос, — подал в ходе переговоров реплику ЦУП. — Ходят слухи, будто Фаркаша уговаривают сбрить усы. Женская общественность Венгрии встревожена. Поступают телеграммы протеста. Просим внести ясность.

— Это просто недоразумение! — отвечала орбита. — Между «Орионами» был такой уговор: Берталан сбрасывает усы, если Кубасов их отращивает. Но Валерий делать этого не собирается. Так что успокойте женщин. Фаркаш вернется на Землю во всей своей усатой мужской красе.

Для участников пресс-конференции Берци (уменьшительное от Берталан) продемонстрировал также забавного медвежонка в скафандре — героя детских передач венгерского телевидения. А рядом с этой игрушкой плавал в невесомости его более крупный собрат — наш Миша, символ московской олимпиады. И Джанибеков не упустил повода пожуричь Фаркаша.

— Ты своего медведя плохо кормишь. Видишь, он меньше нашего.

— Просто он еще молодой, — парировал упрек Берталан.

Эти веселые пикировки проходили вполне дружелюбно. Устное же народное творчество весьма скептически приняло космонавтов из других стран, которые в 80-е годы пошли к нам косяком: Румыния и Куба, Сирия, Афганистан, и прочая, и прочая. Свое «особое мнение» о работе этих новобранцев космоса наш фольклор отразил в популярной форме интернационального анекдота.

Возвращается такой космонавт после «звездного» полета домой, на родину. Близкие, друзья и знакомые спрашивают его:

— Ну как настроение, самочувствие?

— Да вот руки побаливают.

— Это почему же?

— А потому, что как только потянешься к какой-нибудь кнопке, рычагу управления, тебя сразу же по рукам — бац, трах! Не трогай, не прикасайся, не замай!..

Преуменьшены ли этим анекдотом заслуги парней из, как мы сказали бы сегодня, среднего зарубежья, которые за время экспедиции посещения выполняли от 40 до 60 различных научно-практических экспериментов? Преувеличена ли пассивность космонавтов-исследователей (ежу понятно, что наша военная пилотируемая космонавтика и близко, даже шутки ради, не подпустила бы «посторонних» к управлению техникой)? Судить не берусь. Но ведь недаром народная мудрость гласит: нет дыма без огня. Или иначе — в каждой шутке есть доля правды.

...Сверхающей вершиной, однако, подлинным шедевром космической юморины стали взаимные розыгрыши советских космонавтов и американских астронавтов, выполнявших программу ЭПАС. Эта аббревиатура расшифровывается так: экспериментальный полет «Аполлон» — «Союз», который состоялся в июле 1975 года. С нашей стороны в проекте, который предусматривал стыковку и совместный полет по орбите «Союза-19» и «Аполлона», участвовал экипаж в составе Алексея Архиповича Леонова и Валерия Николаевича Кубасова, с американской — Томас Стаффорд, Вэнс Бранд и Дональд Слейтон.

Как наши космонавты, так и будущие их коллеги-напарники проходили соответствующие тренировки не только у себя дома, но и в чужих пенатах. Американцы занимались у нас в Звездном городке, в Центре подготовки космонавтов, где был установлен макет корабля «Союз» со стыковочным модулем «Аполлона». К нему, так же как и к орбитальному отсеку нашего КК, были подведены трубы от кондиционера. Несмотря на то, что последние изготовлены были из настоящего «космического» металла — титана, по внешнему виду они очень походили на самые обычные самоварные трубы.

Американские астронавты заинте-

ресовались: что это за трубы присоединены к орбитальному отсеку? Алексей Леонов на полном серьезе разъяснил им:

— Знаете, русские очень любят пить чай из самовара, эти трубы — для того, чтобы пар выходил.

— А зачем вы подвели их к нам, в стыковочный модуль?

— Да мы собираемся угостить вас чаем из русского самовара прямо на рабочем месте.

Астронавты поверили, но впоследствии о розыгрыше американцам стало известно, и они решили ответить тем же. Когда они после тренировок в Звездном вернулись в Америку, то сделали аудиозапись купания своих дочерей — с плеском воды, женским визгом и смехом. И взяла эту запись с собой на борт корабля, куда Леонов и Кубасов уже в совместном полете несколько раз ходили «в гости».

Уже после того, как «Союз-19» и «Аполлон» расстыковались, астронавты связались с нашими ребятами, которые должны были пойти на посадку раньше американских коллег:

— Чем вы сейчас занимаетесь?

— Заканчиваем подготовку к спуску с орбиты. А вы чем?..

— А мы все вместе душ принимаем, — ответили американцы и включили магнитофонную запись.

Леонов и Кубасов в первый момент разумеется были просто ошарашены. Потом все же поняли, что их тоже разыграли и в свою очередь включились в игру:

— Скажите ради бога, где вы скрывали своих прелестных попутчиц? Мы их так ни разу и не видели.

— А это секрет фирмы...

Моя коллекция спейсфольклора продолжает пополняться. Правда, в последнее время в ее «экспонатах» все чаще начинают звучать не столько веселые, сколько минорные нотки. В связи с пиковым скачком в 90-е годы коммерческих доставок спейсисследователей на орбиту, наши космонавты стали называть себя с грустной усмешкой... космическими извозчиками, а свою зарплату — невесомой.

А все-таки хорошо, что они, наши славные покорители космоса даже в этих стрессовых условиях «нештатного» рынка продолжают шутить.

В УДАЧУ ВЕРЮ И НАДЕЖНОСТЬ ДРУГА...

В ПУТИ

А скорый пронесится мимо,
И вот уже скрылся из глаз
Тот край, где родиться могли мы,
Где спрятано счастье для нас.

Там по лугу россыпь купавы,
Там дятлы удачу куют...
Две жизни я мог бы оставить
В таком благодатном краю.

А скорый, как мрачную штольню,
Безликую полночь прорвет,
И снова под сердцем невольно
Душа от восторга замрет.

Мне надо, немедленно надо
Оставить бездушный вагон!
Влюбленностью с первого взгляда
Иначе я буду спален.

Но скорый все мимо да мимо.
Пронесит меня стороной
Той женщины, кем-то любимой,
Но так и не встреченной мной.

О ней бесполезны распросы.
А кто там поет за рекой?
Постой, не она ли с откоса
Прощально махнула рукой?

Отброшено грохотом слово,
Лишь ветер вдоль окон свистит.
У скорого нет остановок,
У скорого нет остановок!
У скорого нет остановок,
С него невозможно сойти.

ВЕРЮ

Там, за гнетущими, гиблыми тучами,
Там, за осенним оскалом дождей,
Видится светлое, верится в лучшее —
В мир и согласие, в добрых людей.

Там, за метелями, за снегопадами,
Солнце в долины весна разольет.
Выдюжим, выстоим, как бы ни падали,
Волю упрямо направим вперед.

Там, за высокими, синими громами,
Ждет нас давно, как растаявший звук,
То, что когда-то оставили дома мы,
Вдаль улетающая из маминых рук.

Правды жестокой посконное рубище
Мы не меняли на бархат вранья.
Что там за завтрашним днем? А за будущим?
Путь по огню, по песку, по камням?

Пусть над какой бы немислимой кручею
Он испытаньем душе не пролег —
Видится светлое, верится в лучшее:
В ясное солнце за хлябью дорог.

ОСЕННИЕ ЛЕСА

Любовь моя — осенние леса!
Осины ярким пламенем пылают,
И ветер древней песней наполняет
Их алые, тугие паруса.

Далек ваш путь, громады корабли —
Грядущего хранители-ковчеги,
По курсу ветра и под знаком Веги,
За горизонт, на край большой земли.

Я в лес вхожу, как всходят на фрегат
Морские волки — побратимы страсти.
Над головой натруженные снасти
На весь сентябрь отчаянно гудят.

На гребнях волн качается заря,
Полны червонным золотом галеры,
И в даль глядят спокойно флибустьеры,
И подняты литые якоря.

Ни дьявола, ни бога не моля,
В удачу веря и надежность друга,
Они, подобно пахарю за плугом,
Пойдут туда, где ждет любви земля.

Но что искать, когда со всех сторон
Мир поделен, разорван, разгорожен
Коварством, ложью. Все одно и то же
И впереди, и в глубине времен.

Жесток исход трагической игры.
Безумство падших множит злые силы:
Визжат, грозя всему живому, пилы,
Занесены над мачтой топоры.

Скорее в путь! Идите в океан,
Минув ненадежные причалы.
О, как наш век жестоко раскачал!
И черно книжник не залечит ран.

ДОМА

Встречая утро, налегке
Сойду с крыльца. Сутробов глянец,
По ним скользит зари румянец,
Как у младенца по щеке.

Веселый скрип из-под саней
И звон бадейки у колодца —
Все это в сердце отзовется
И песней сложится во мне.

Задорно, звонко, как всегда
Звонит ведро о стенки сруба,
И сладко обжигает губы
Благословенная вода.

Снега нетронуты свежи,
Дымы растут, вздымая небо,
Морозом пахнет, теплым хлебом
И жить бы. Жить бы! Только жить...

Владислав КРАПИВИН

БРОНЗОВЫЙ МАЛЬЧИК

РОМАН

Вторая часть

"Тремолино"

Рисунки Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

ПИКЕТ

Отец и тетя Лиза не развелись официально: это дело требовало времени и немалых денег. И теперь оказалось, что у отца все права на прежнюю квартиру. Он туда и въехал опять. Виктору Анатольевичу сказал по телефону:

— А что такого? У меня тут еще и вещи кое-какие, и вообще... Чего пропадать жилплощади! Поживу, пока Лизавета в больнице, а дальше видно будет...

— Ну-ну... — только и проговорил дед. А Валерий Викторович вдруг спросил нерешительно:

— А Регишка-то... может, со мной поживет? Под родной крышей все-таки. И с отцом...

— Чего это ты вспомнил про отцовство?

— А я, между прочим, и не забывал. У меня удочерение оформлено было, документ есть...

Дед помолчал и ответил миролюбиво:

— Валерик, ну что ей твой документ? И посуды сам: ты целый день на работе, а за ней присмотр нужен. Из школы встретить, покормить, уроки проверить. Кроха ведь еще... Да к тому же, не документом надо махать, а спросить у девочки: как она сама-то хочет?

Регишка хотела быть только с Даней. Утром, когда он уходил, ее обезьянья мордашка горько морщилась, а когда Кинтель возвращался, она сияла.

Два дня Регишка в школу не ходила: не отпустишь ведь одну через весь город, а провожать-встречать некому. В понедельник пошел Кинтель к завучу Зинаиде Тихоновне и выложил ей все как есть. Зинаида Тихоновна по-женски поохала, не стала бюрократничать и определила Регину Рафалову в первый «А». Временно, до возвращения мамы из больницы.

Скорое возвращение, однако, не светило. Дед в первый же день навел в больнице справки и сказал тихо, чтобы девочка не слышала:

— С кровью у нее скверное дело. Кто бы мог подумать. Казалось, такая здоровая женщина...

Теперь Кинтель и Регишка отправлялись на занятия вдвоем, а потом она терпеливо ждала Даню, потому что у него бывало по шесть, а то и по семь уроков.

Дома Регишка тоже старалась быть рядом. Не то чтобы надоедливо липла, но все время как-то оказывалась поблизости. И следила преданным вопросительным взглядом: ты про меня не забыл? По правде говоря, сперва это даже раздражало.

Порой доходило до смешного. Вернее, и смех и грех. Пришел черед Регишке мыться в ванне. Она заявила, что искупается самостоятельно. Долго плескалась и вдруг запищала. Тетя Варя — к ней. У Регишки вся голова в мыле, ладони прижаты к глазам. И вопит жалобно:

— Не ходите, я вас стесняюсь! Пусть Даня придет!

— Регина, он же мальчик! Нехорошо же...

— Ну и что! Он зато брат, а вы не родная... Ой-ей-ей, скорее!..

Тетя Варя растерянно глянула на выскочившего в прихожую Кинтеля. Он чертыхнулся, отодвинул ее, шагнул. Набрал в таз теплой воды, выплил бестолковой девчонке на голову. Открыл душ, рывком поднял за локти это несчастное тощее существо, повертел под струями. Потом выдернул из ванны, замотал в простыню, унес в постель.

Регишка спать укладывалась в комнате Кинтеля, на раскладушке, за раздвижной ширмой, которая нашлась в тети Варином имуществе. Ночевать в большой комнате она отказывалась. Боялась одна или просто хотела, чтобы ночью брат был поближе...

Кинтель сунул Регишку за ширму.

Продолжение. Начало 11 части в № 3 1994 г.

— Одевайся, килька моченая... — Бросил ей дедов мохнатый халат.

Путаясь в этом халате, она через несколько минут выбралась из-за ширмы, села рядом. Он вздохнул, прижал ее. «Сестренка...» Регишка потерлась о его рубашку непросохшей всклокоченной головой, спросила еле слышно:

— А если мама не поправится... ты меня не бросишь?

Он испугался по-настоящему:

— Ты зачем так про маму-то?!

Регишка тоскливо молчала. Без слез. Ждала.

— Я тебя никогда не брошу, не выдумывай, глупая, — сурово сказал Кинтель. — А мама поправится. Обязательно.

Однако он знал, что это не обязательно. Даже наоборот...

Прошло уже две недели, а никакого улучшения не было. И лицо деда, когда говорили про тетю Лизу, делалось насупленным.

Кинтель наконец спросил в упор: есть ли какая-то надежда?

Дед посмотрел мимо него, сжал губы и медленно покачал головой.

— Совсем никакой? — выдавил Кинтель.

— Если не случится чуда... Что ты хочешь, лейкемия, быстро текущий процесс. Можно задержать на месяц-полтора, а потом... Наша медицина — это же каменный век. Да и спохватились поздно...

Кинтель помолчал, привыкая к безнадежности. Потом спросил:

— Толич, а помнишь, ты осенью про мальчика говорил? С такой же болезнью. Валюту искали, чтобы отправить за границу. Что с ним?

Дед рассеянно поморщился:

— Какой именно мальчик? Не помню. Таких мальчиков знаешь сколько...

Чтобы Регишка не скучала, брал ее Кинтель и к Корнеичу. Она там никому не мешала. А с Муреньшем они стали приятелями: сидят в уголке со «Сказками» Андерсена, и Регишка читает вполголоса, а Муреньш почтительно слушает. Или в шашки играют...

Разговоры у Корнеича шли теперь все больше об одном: о доме. Дело с домом двигалось. Кинтель, занятый семейными заботами, не очень вникал в детали, но знал, что кооператив «Орбита» потихоньку берет верх над городскими чиновниками. А тут еще появилась в «Молодежной смене» статья Корнеича. Д.Вострецов с жаром доказывал, что это просто идиотизм — разрушать добротные дома, когда в Преображенске тысячи ребят слоняются без дела. Когда нет приюта ни для подростковых клубов, ни для библиотек, ни для чего, что идет на пользу детям. Находятся помещения только для коммерческих магазинов и

видеосалонов... «Тремолино», если бы въехал вместе с «Орбитой» в этот дом, вырос бы в несколько раз. Можно было бы набрать до сотни окрестных мальчишек, построили бы эскадру! Как в прежние времена! А то наши власти вспоминают о детях лишь осенью, когда приходит очередной срок «спасать урожай»...

И кроме того, писал Д.Вострецов, что за свинство — уничтожать прошлое! Ну, пусть пока не доказано, что жил в этом доме декабрист. Но все равно дом — часть городской истории. Со своим лицом. Если отремонтировать — будет загляденье. Денег нет на ремонт? «Орбита» берет это дело на себя...

И что у нас за архитекторы! Как видят старый квартал, так у них зуд начинается: скорей послать бульдозеры. Не строят, а только пустыри плодят в городе. Теперь у них бредовая идея — ради выпрямления улицы снести дом, который еще мог бы служить и служить людям... А улицу, кстати, все равно никто выпрямлять не станет, нет у города на это денег! И появятся на месте срытого дома кооперативные гаражи, как это сделано уже в десятках других мест...

В общем, все Корнеич изложил как надо. Подробно. Доказательно... А еще через неделю, в конце февраля, он сообщил завопившему от восторга «Тремолино», что «комиссия по архитектуре рассматривает вопрос и скорее всего решит его в нашу пользу».

— Ну, подождите уж так-то орать! Всякое еще может быть. Враг силен и коварен.

В том, что враг коварен, убедились через несколько дней. Едва Кинтель и Регишка вернулись из школы, как позвонил Салазкин. Голосом звонким и отчаянным сказал:

— Добрый день! Там приехали ломать наш дом!

— Регишка, я побежал! Срочно! Нет, тебе нельзя! Ничего, посидишь одна, не дошкольница...

Оказалось, к Салазкину примчался маленький Рюпа из Джулиной компании.

— Санька, дом хотят ломать! Кран приехал с чугунной бомбой! Наши там стоят, не пускают...

Салазкин кинулся к телефону-автомату. К счастью, Корнеич оказался у себя на работе, в мастерской. Он скомандовал:

— Звони всем ребятам! И бегом туда!

«Достоевские» пацаны оказались молодцами. Встали перед машиной в цепочку. за руки взялись. Водитель и еще один дядька орали, матерились, но тронуть ребят пока не смели. Тем более, что собрались и несколько взрослых — тоже не в помощь «ломальщикам».

Один за другим подбегали ребята из «Тремолино», вставали вперемежку с «достоевскими». Кинтель встал между Салазкиным и Джулой.

— Шпана! — вопил водитель. — Расшибу всех, отвечать не буду, паразиты!

Его товарищ размахивал бумагой:

— У нас документ!

Ребята молчали. Стояли прочно. Ждали.

Примчался на мотоцикле Корнейч. А с ним, на заднем сиденье — кто бы вы думали? — Геннадий Романович, бывший учитель труда, а ныне член правления малого предприятия «Орбита». Подошли к орущим. Корнейч двумя пальцами взял бумажку, которой размахивал толстый небритый деятель в песцовой шапке.

— Разрешение некоего тов.Сапожникова... Беда, коль пироги нам печь начнет... Сапожников. Извините, не знаю такого. А у меня — вот. Копия решения исполкомовской комиссии.

— А я видел эту комиссию в белых тапочках! У меня свое начальство!

— Вот ты, дядя, и шагай к своему начальству, — предложил Геночка. И оглянулся на ребят. Узнал Кинтеля и Салазкина, подмигнул.

— Это ты сейчас зашагаешь, бандога! — голосил дядька. — Вон, гляди... — Из-за угла выкатил милицкий рафик. Это водитель крана успел оперативно сбегать к телефону-автомату. Рафик остановился, вышли шестеро в сером. В шнурованных высоких ботинках, с палками на поясе. Джула сказал вполголоса:

— Ну, парни, шас начнется. Я про такое раньше только по телику смотрел. Маленьких надо убрать...

Лейтенант, покачиваясь, подошел к Корнейчу:

— В чем дело?

— Мешают разбирать, — скандально сказал дядька в песцовой шапке. Изображают, понимаете ли, защитников Белого дома... У меня документ!

— И у меня, — сказал Корнейч.

Лейтенант взял две бумажки, почитал, покачал в пальцах, словно сравнивал: какая весомее? потом крикнул:

— Товарищ капитан!

Из рафика выбрался еще один. В фуражке и шинели... Ну, целое собрание старых знакомых! Андрей Андреевич Глебов! Жених (или уже супруг?) ненаглядной Дианы Осиповны.

Подошел, сказал:

— Здравствуйте, Даниил Корнеевич. Вот и правда встретились...

— Мир тесен...

Глебов мельком глянул в оба документа, пренебрежительно объяснил лейтенанту:

— Комиссия какая-то. Липа... А тут подпись самого Сапожникова. Ломайте... Даниил Корнеевич, убедите ребят.

— Едва ли у меня получится... А решение комиссии, значит липа? Это ваше официальное заявление?

— Не надо меня пугать... Лейтенант, уберите ребят.

— Ох, не надо этого делать, — вкрадчиво сказал Геннадий Романович. — Такие дела добром не кончаются. Вспомните рижский ОМОН. Даже в Сибири потом не спаслись...

— Не надо меня пугать, — повторил Глебов. — Гражданин Вострецов, вы уберете ребят?

— *Этих* — да, — отозвался Корнейч. — Идите, хлопцы. Теперь подежурят другие.

Выкатил еще один рафик, зеленый. Вышли восемь человек, штатские. В пестрых куртках. Но чем-то похожие друг на друга. Семеро молча встали впереди ребят (которые так и не разошлись). Разом закурили. Восьмой подошел к Корнейчу и милиционерам.

— Кто такой? — вскинулся лейтенант.

Подошедший улыбнулся широко, по-приятельски. Только глаза как у снайпера.

— Здравия желаю... Да вы меня, лейтенант Борисов, знаете. В декабре, на митинге студентов, мы малость... повстречались. Помните? Старший лейтенант запаса Гольцев, отряд «Желтые пески», общественная охрана порядка... Что это вы, братцы, все на молодежь? Ну ладно, там хоть студенты были, а тут ведь совсем пацаны...

— Афганцы, — шепотом произнес Джула. — Можно маленьких не уводить. Хана ментам...

— Товарищ капитан! — сказал лейтенант Борисов высоким голосом. — Я так не могу. Надо сперва разобраться, кто прав, а то мы им наломаем хребты, а потом с нас же спрос... Или давайте письменный приказ.

В шеренге «Желтых песков» тихонько засмеялись.

— Можно и письменный, — отозвался Глебов.

Афганцы разом бросили окурки и слегка расставили ноги. Один оглянулся, шепнул:

— Шли бы вы, ребята...

Но уходить не пришлось. Лейтенант опять заговорил:

— И вообще... Если бы несанкционированный митинг или свалка, а то обычный пикет. Разгонять пикеты указа не было.

— Но они препятствуют работе, — сухо заметил Глебов.

— А что за работа дома ломать! — у лейтенанта появились плачущие нотки. — С нас же потом и спросят. Вы-то с вашим юридическим образованием всегда найдете доводы, а все шишки на меня. И на них... — он кивнул на топтавшихся по снегу омонцев.

— Можете уезжать, — бесцветным голосом проговорил Глебов. — Я доложу в штабе о случившемся.

— Ну и докладывайте! А мы тоже не нанимались, чтобы во всякую дыру затычкой...

Глебов блеснул очками, поправил фуражку и пошел прочь.

— До свидания, Андрей Андреевич, — сказал бывший трудовик Геночка.

Лейтенант Борисов кивнул своим, те полезли в машину. Желтый рафик укатил.

— Все, господа, ваш спектакль отменяется, — сказал Корнейч шоферу и его напарнику. Шофер плюнул:

— А нам-то че! Пушай разбираются в конторе...

И автокран с подтянутой к радиатору «бомбой» начал медленно разворачиваться.

— Спасибо вам, Коля, — сказал Корнейч командиру «Желтых песков». — Извини, что потревожили. Выхода не было.

— Да чего там... Но гляди, опять ведь приехать могут.

— Сейчас пойду в исполком...

— Мы будем поглядывать, — пообещал Джула. — Если что, я сразу к Саньке.

— Или мне звони, — сказал Кинтель.

...Салазкин убежал домой за портфелем — опаздывал в школу. Остальные тремоллиновцы двинулись к трамваю. Конечно, собрались на место происшествия не все, а те, кого успели поднять по тревоге. Было их вместе с Корнейчем семеро. Кинтель шагал, заново переживая все, что испытал недавно, когда стоял в шеренге между Джулой и Салазкиным. И ясное ощущение правоты, и бесстрашие (пусть хоть убивают, сволочи!), и яростную готовность кинуться в схватку, несмотря на дубинки. И берущее за душу ощущение победы, когда встали впереди ребят афганцы...

Видно, и другие испытывали что-то похожее.

— Все-таки наша взяла! — вслух порадовался Не Бойся Грома.

— Ничья еще не взяла, — сумрачно отозвался Корнейч. — Опять придется разбираться...

Виталька, однако, не хотел терять свою радость.

— А все равно сегодня победили мы!

— Мы пахали, — вздохнул Дим.

— Паршиво это все, — сказал Корнейч. — Люди на людей... Вот представь, Виталик, такую ситуацию: среди тех омовцев твой старший брат.

— На фиг нам такие братья, — насупился Не Бойся Грома.

— Братьев ведь не выбирают, — негромко объяснил ему Паша Краузе.

А в Кинтеле все еще не растаяло боевое настроение. Похожее на отголоски песни: «Подымайся, мой мальчик, рассвет раскален...» И он не удержался:

— Они же сами на нас войной пошли...

— Послали их, вот и пошли, — недовольно отозвался Корнейч. — А война всегда дело пакостное, с обеих сторон. В любых масштабах.

Андрюшка Локтев, любивший все уточнять, заявил:

— Но по истории учат, что войны бывают несправедливые и справедливые, хорошие.

— Идеи бывают хорошие, — возразил Корнейч. — А когда эти идеи начинают с кровью мешать, всякая справедливость побоку. И больших, и маленьких громят с той и с другой стороны...

Он сегодня заметно хромал. Кинтель знал, что Корнейчу нужен новый протез, который стоит сумасшедших денег. А плату за две последние статьи Корнейч отдал фирме «Ласточка»; там обещали раздобыть по госцене рубашки из натурального хлопка для летней формы отряда «Тремоллино».

Кинтель представил себя в новенькой оранжевой форме среди «достоевской» компании и ощутил какую-то неуютность, несправедливость, даже.

— Корнейч... А вот те пацаны, с Достоевского... Они ведь за нас борются, дом охраняют. Когда будет у нас там просторное жилье, может их тоже... как-то к отряду? — И тут же испугался. Вдруг кто-нибудь скажет: «На кой нам всякая шпана!»

Но Корнейч отозвался обыкновенным тоном:

— Естественно. Все равно ведь придется набирать новичков. А эти, тем более, люди местные...

Паша Краузе, однако, трезво заметил:

— Захотят ли? Образ жизни у них... малость иной.

— Разница образа жизни тут в одном, — сказал Корнейч. — У нас впереди новый корабль, паруса, а у них никаких парусов нет. Убрать эту разницу, и остальное приложится...

РАВНОДЕНСТВИЕ

В середине марта сгорел телевизор. Дед плюнул и сказал, что «кинескоп не выдержал ежедневного сумасшествия». Действительно, творилось черт знает что. В Карабахе и между Арменией и Азербайджаном уже сплошная война, ракетные установки «Град» пошли в дело. Когда показали, что случилось под городом Ходжалы, тетя Варя из комнаты ушла. Потому что на экране — снежное поле, а в поле этом сотни трупов: и взрослые, и ребятишки... На Днестре тоже шла пальба — правый и левый берега в Молдове выясняли отношения. Чечня вооружилась до зубов и России уже не подчинялась. В Казани кое-кому тоже, видно, не жилось мирно: да здравствует референдум и самостоятельность. Дед боялся, что и там, чего доброго, начнется «заваруха», а это вовсе уж недалеко от Преображенска... У Кинтеля назойливо вертелось в голове: «Полыхает гражданская война от темна до темна...» Песня вроде бы, неплохая, но это если просто песня, из старого кино. А когда по правде такие пакостные дела...

В Преображенске было пока спокойно, однако и здесь всякие пожилые деятели собрали семнадцатого числа митинг: «Даешь обратно Советский Союз...»

— Никак в их отставные головы не вобьешь, что нет уже никакого «обратно», — ругался дед. — Как говорится, и рад бы в рай, да грехи не пускают...

Из-за митинга — на всякий случай — в школе отменили у второй смены занятия. Салазкин приехал к Кинтелю.

— Радуешься? — сказал Кинтель. — Лишний выходной...

— Чему радоваться? Потом лишних уроков навесят.

Но зато приближалось событие, отменить которое не могли никакие политики. Равноденствие!

В календаре значилось, что день становится равным ночи девятнадцатого марта. Но в «Тремолينو» по традиции отмечали Весеннее Равноденствие двадцать второго. Это был давний праздник морских ребячьих отрядов начиная еще с «Эспады».

В нынешнем году двадцать второе выпало на воскресенье. Удача! В полдень собрались у Корнеича. Сверкало за окнами солнце, веселись воробьи. Таня выбрала время, вместе с Маринкой нажарила пирожков с капустой. Устроили праздничное чаепитие, и у всех было прекрасное настроение, только Муреньш слегка дулся — от того, что не пришла Регижка.

Она сперва просилась с Кинтелем, но сообщая условила ее остаться дома: помочь тете Варе со стиркой и обедом. «Привыкай хозяйничать, большая уже девочка. Мама вернется, порадует, какая ты стала помощница». И Регижка согласилась. Она повеселела в последние дни, потому что на этой неделе матери стало наконец-то лучше...

После чаепития весь народ с Корнеичем отправился на водную станцию «Металлист», на Орловское озеро. Там в пристройке служебного домика была у «Тремолينو» своя комнатка. Начальник базы выделил ее отряду, чтобы хранить паруса и прочее флотское имущество, но ребята устроили там настоящий летний штаб. Жаль только, что зимой в этом штабе нельзя было собираться: и путь до базы не близкий, и в замороженной насквозь фанерной камерке не было никакой печурки... Но теперь, когда день стал длиннее ночи, пришло время готовиться к лету.

Было ясно, что шхуну в этом году уже не построить, но начальник пообещал Корнеичу отдать списанную шлюпку, ял-шесть. Подлатаете, мол, и плавайте на здоровье. Для хождения под парусом «шестерка» рассчитана была на восьмерых взрослых. А в пересчете на легковесных мальчишек — как раз для всего тремолинского экипажа.

Чтобы попасть на базу, надо было ехать сперва до трамвайного кольца у Дома культуры «Сталевар», а

оттуда — по пригородной одноколейке вдоль озера. Оно примыкало к западной окраине города, а дальше уходило в пологие лесистые холмы.

По дороге говорили, конечно, больше всего о доме. Корнеич сказал, что теперь дело почти решенное. Осталось получить на документах еще две-три подписи. Ближе к лету «Орбита» подвезет к дому стройматериалы и начнет ремонт. Уже договорились с бригадой. Во дворе, на месте старых сараев, поставят навес, под которым можно будет собирать корабельный корпус.

— По прежним чертежам будем работать? — деловито спросил Костик-барабанщик.

— Конечно, — сказал Корнеич. — От добра добра не ищут, Митин проект, он самый оптимальный.

Кинтель знал уже, что прежняя шхуна была спроектирована Митей Кольцовым, давним другом Корнеича. Они были вместе в «Эспаде». Потом Кольцов окончил в Ленинграде кораблестроительный институт, стал работать в Таллине, и вот что-то давно от него нет весточек из нынешней тревожной заграницы...

От кольца до Зеленого полуострова ходил по одноколейке старенький вагон. Маршрут номер двенадцать. Был трамвай сегодня почти пуст: дачно-садовый сезон еще не начался. Разместились по скамейкам, поехали с дребезжаньем. Слева потянулись домишки окраинной улицы, справа — сверкающее настом озеро с черной россыпью замерших над лунками рыболовов. Кое-где горбатились над ледяной равниной темные лохматые островки.

Миновали разъезд, где встретился такой же расхлебанный трамвайчик, ехавший до города. И почти сразу показалось за тополями кирпичное старинное здание с широким серебристым куполом.

— Что это? — спросил Кинтель у Салазкина.

— Хлебозавод.

— Будто замок...

— Разве ты раньше здесь не бывал?

— Ни разу. На пляж с пацанами ездили, но это с другой стороны... Здешняя улица как называется?

— Дачная... Корнеич рассказывал, что раньше, до революции, здесь дачи стояли...

Корнеич оглянулся.

— Верно. Только у нас ведь все задом наперед делается. Дачной-то улицу назвали как раз тогда, когда все дачи стали сносить. Под крики «долгой буржуев». Мне бабушка рассказывала, она из этих мест.

— Моя прабабушка тоже в этих местах на даче жила, — вспомнил Кинтель. — Когда еще была девчонкой... А тогда эта улица как называлась?

— В те патриархальные времена? Ильинская.

— Почему... Ильинская? — настороженно спросил Кинтель.

— Хлебозавод-то это ведь бывшая церковь. Тоже Ильинская. Вот по ее имени и улица...

Кинтель и Салазкин оглянулись на завод. Он был хорошо виден в заднем окне. Ярко краснел на фоне блестяще-белого озера.

— На мысу стоит... — прошептал Салазкин.

Они взглядами метнулись по озеру. Какой тут остров к вост-норд-весту от мыса? Но разве разберешься на ходу!..

— Надо сойти, — нервно сказал Кинтель. — Пройтись на мыс и проверить оттуда...

— Так ничего не выйдет, надо с компасом, — возразил Салазкин.

— Вы о чем? — удивился Корнеич.

Кинтель и Салазкин переглянулись. Никто, кроме Салазкиной, в «Тремolino» не знал про зашифрованное письмо на фотографии. Не то чтобы Кинтель считал это большим секретом, но зачем зря болтать-то? Раскрытия тайны все равно не предвиделось, а ворошить давнюю семейную жизнь без нужды не было смысла. Неловко даже. Будто девочка Оля и мальчик Никита могли обидеться.

Но сейчас... Неужели новый шаг к разгадке?

Кинтель решительно сказал:

— Корнеич, слушай...

Слушал, конечно, не только Корнеич. Все обступили скамейку с Кинтелем и Салазкинским. К «Тремolino» пришла тайна. Она была настоящая: с загадочным письмом, кладом, островом. Она давала отряду новую цель: плыть, искать, разгадать...

Неужели еще по правде, не в книжках, осталось на свете такое!

Не Бойся Грома решительно заявил, что завтра же надо идти к острову на лыжах и вырыть клад, пока его не откопали другие.

— Умник. Там же все промерзло сейчас, — сказал Сержик Алданов. — Динамит понадобится.

Сенечка Раух, который терпеть не мог лыжи, заметил, что если за столько лет клад не вырыли, то полегит он и еще немного. До той поры, когда сойдет лед и будет починена шлюпка.

— Надо еще выяснить: что за остров-то? — напомнил Салазкин. — Взять компас — и на мыс...

Корнеич сказал, что это ни к чему. На базе есть большая карта Орловского озера, можно определить по азимуту, какой остров на линии запад-северо-запад.

«А вдруг никакого?» — с замиранием подумал Кинтель.

База была еще под снегом. Только узкие тропинки темнели среди оседающих ноздреватых сугробов. Спали под навесом шлюпки. У пирса, на высоких кильблоках, грелись зачехленные крейсерские яхты.

Ребят встретил громадный пес Гром. На радостях от встречи попробовал вставать передними лапами на плечи всем подряд. Даже на незнакомого Кинтеля не загавкал, а приветствовал его, как и остальных. Только к Салазкину принохался сдержанно: возможно, учуял запах аристократа Ричарда...

Вслед за Громом появился сторож дядя Гриша — очень высокий, тощий, усатый. Он жил холостяком в здешней сторожке. От дяди Гриши чуть-чуть попахивало: наверно, в одиночку он отметил Равноденствие.

— Привет, ранние птахи, — хрипловато радовался он. — Тепло почували? Шеф сказал: шлюпка ваша — вон, крайняя под навесом. Можете хоть сейчас начинать капремонт...

— Успеется, — сказал Корнеич. — Ты, Григорий Васильич, отопри-ка нам контору. Надо взглянуть на схему озера.

— Уже в поход собрались, что ли? Ну, пошли...

Большущая, написанная масляными красками схема озера занимала полстены в главной комнате базы — в кают-компании. В правом верхнем углу ее остроконечным цветком пестрела старинная роза ветров. Кинтель отыскал мыс Заводской — с хлебозаводом. Глазами прочертил от него линию влево и немного вверх — параллельно лучу с буквами WNW. И этот стремительный путь по крашеной озерной синеве привел Кинтеля к острову с названием Каменный. К одному из самых дальних. И не его одного привел.

— Каменный! — зашумели все. — Точно на вост-норд-вест! Все совпадает...

— Кроме названия, — сказал Кинтель. — В письме-то сказано: ша-эн.

— Может, они, когда играли, свое название придумали, — утешил его Салазкин. Кинтель понимал, что это, конечно, могло быть. Но все-таки жаль, что не было полного совпадения.

Дядя Гриша стоял здесь же. Он заметил:

— С названиями у нас тут завсегда была полная путаница. В разное время по-всякому называли острова, я уж и не припомню все на старости лет. Где-то среди бумаг старый план имелся, можно поглядеть.

— А ну-ка... — нетерпеливо сказал Корнеич.

Дядя Гриша повозился со связкой ключей, отпер на фанерном кривобоком шкафу висячий замок. Дверцы разошлись, будто кто их толкнул изнутри. Повалились на пол конторские папки, брошюры и рулоны бумаг. Пыль столбом. Не Бойся Грома демонстративно чихнул. Дядя Гриша нагнулся и безошибочно выволок из макулатуры сложенный желтый лист.

— Вот он... С него и схему писали, только без лишней старины, конечно...

Мешая друг другу, развернули бумагу прямо на полу (она была протерта на сгибах).

В верхней части значилось: «Плань озера Орловскаго и прилегающих къ нему окрестностей города Преображенска».

В углу тоже была роза ветров. И, конечно, все метнулись глазами по лучу вест-норд-веста. И там, где на схеме был просто остров Каменный, на плане значилось: «О.Каменный (Шамань)».

Ура сотрясло кают-компанию.

На базе провели время до вечера (они были теперь уже светлые, вечера-то). Слегка поскребли — для почина — старую шлюпку, прибрались в своей штаб-квартире, похожей на крошечный морской музей. Попили чайку в сторожке у дяди Гриши — он выдал каждому по ложке сахарного песка и по крепкому черному сахарю.

Ради конспирации не стали говорить дяде Грише, почему всех на самом деле интересует остров Шаман. Корнеич походя сочинил легенду: будто есть сведения, что первые пионеры Преображенска зарыли где-то на Шамане письмо будущим поколениям. Хорошо бы найти для музея.

Григорий Васильич покивал:

— Лед сойдет и сплаваете. До того времени все равно искать бесполезно, снег еще. Да и по льду идти себе дороже, там рыбацких лунок полным полно...

Кинтель подумал, что теперь все весенние дни до того долгожданного плавания будут у него связаны с радостной тревогой и ожиданием... А вдруг в конце ожидания — неудача?! Нет, надо надеяться. И на эту разгадку, и... на другие.

Корнеич, прихлебывая чай, рассуждал — и обрдованно, и с досадой:

— Сколько лет бываю на базе, а про этот план и слыхом не слыхал. И что Каменный — он же еще и Шаман, тоже не ведал. Вот тебе и музейный работник... А про Каменный легенда есть. Будто, когда сложили плотину и появилось озеро, это в петровские времена еще, первый владелец здешних заводов, повелел навалить в воду гранитных глыб. Чтобы на этом искусственном острове поставить себе памятник. Да потом, видать, побоялся, что упрекнут в чрезмерном бахвальстве, или денег пожалел. А остров так и остался... Только скорее всего это сказки. Похоже что, когда озера тут еще не было, стояла на берегу Сожи каменная горка. Может, здешние племена на ней жертвы приносили да пляски устраивали, потому и Шаман...

— Мы, как... это самое найдем, тоже пляску устроим, — сказал Не Бойся Грома. На него посмотрели неодобрительно.

В город вернулись, когда уже были сумерки. Звонкие, синие. Кинтель проводил Салазкина и заспешил домой. Ужасно хотелось есть. У двери позвонил длинно и нетерпеливо. Открыл дед. Был он хмурый, смот-

рел мимо Кинтеля. Сказал как-то неловко, по-стариковски:

— Тут такое дело, звонили из больницы. Померла ведь Елизавета...

Кинтель мигнул, постоял. Потом в куртке и ботинках кинулся в свою комнату. Регишка уже знала. Ничком лежала на диване, вздрагивала. Кинтель поднял ее за плечи, прижал...

ТЕМНОЕ КРЫЛО

Целую неделю Регишка не ходила в школу. То плакала навзрыд у себя за ширмой или на коленях у Кинтеля, то каменно молчала. Так было и до похорон, и после. Но что поделаешь, надо жить дальше. И в следующий понедельник, с Кинтелем за руку, пошла опять Регишка учиться. Послушная, безучастная...

На девятый день собрались помянуть тетю Лизу. На Сортировке собрались, в ее квартире. Кроме деда, тети Вари и Кинтеля с Регишкой пришли еще несколько незнакомых женщин (они были и на похоронах). Отец, тихий, осунувшийся, расставлял рюмки и тарелки, женщины ему помогали. Посидели, выпили, поговорили о чем-то тихонько... Кинтель разговора не слышал. Посидев за столом пару минут, он ушел с Регишкой в другую комнату, помог собрать кое-какие игрушки и книжки.

Любимую куклу Анюту Регишка взять с собой отказалась.

— Пускай живет здесь. Она привыкла...

Когда уходили, отец подошел, погладил Регишку по волосам. И она... вдруг вцепилась в его рукав, прижалась к нему щекой и так стояла с полминуты при общем молчании. Ох как зацарапалась тогда в Кинтеле ревность, как заныла тревога...

Когда вернулись, дед сказал нерешительно:

— Слышь, Данила, поговорить бы надо.

Они сели рядышком на диване в большой комнате. Кинтель уже понял, о чем будет разговор. Дед повозился, выговорил:

— Как дальше-то с девочкой?

— А что? — вмиг оцегинился Кинтель. — Мешает? Или много ест?

Дед поморщился:

— Ну, ты только давай без этого... Не мешает, конечно, и не обьест она нас. Живи бы да живи. И Варваре одна радость, все о внучке мечтала...

— Ну так в чем дело?

— Легко ли такой маленькой-то круглой сиротой жить...

— Что же теперь делать, — скованно сказал Кинтель.

— Ты видел, как она к отцу прилипла сегодня... Она же всегда его родным считала.

— А он? — безжалостно хмыкнул Кинтель. — Наплевал да бросил... А сейчас... Подумаешь, по головке погладил.

— Кто кого там бросил, сейчас и не разберешься; — вздохнул дед. — Не нам судить их с Елизаветой... А про Регину он нынче говорил: надо, мол, чтобы девочка с отцом росла. Как же, мол, иначе-то...

— Хрен ему! — неумолимо сказал Кинтель.

— Но у него же права...

— А у нее?! У Регишки?! — взвился Кинтель. — Она же человек, а не кошка, которую можно из дома в дом!.. Ее, что ли, и спрашивать не надо?!

— Кто говорит, что не надо? Ее-то в первую очередь... Как она решит, конечно...

— Папочка надеется, что она меня оставит? Ха-ха... — сказал Кинтель с горьким злорадством.

— Не надеется. О том и речь...

— О чем? — Страх прошел по Кинтелю. Догадка.

— Просил он... чтобы, значит, я с тобой поговорил. Может, переедет, мол, Данила вместе с Регишкой ко мне. К нему то есть. К родному же отцу все-таки...

— Ну, ясно. А вам с... Варварой Дмитриевной я уже поперек горла, да? — выговорил Кинтель с тихим отчаянием. Без оглядки. Будто обрывал все нити.

Дед стукнул кулаками по коленям. Но не со злостью, а беспомощно.

— Так я и знал! Так я и думал, что ты начнешь эту чепуху нести. Главное, сам ведь знаешь, что чепуха...

— Зачем тогда хочешь, чтобы я уехал?

— Да не хочу я! И у Варвары этого в мыслях нет! Ни про тебя, ни про Регину!.. Только девочку-то жалко. Она к своему дому привыкла. И отца любит... И школа у нее там своя, привычная... И еще...

— Что? — натянуто спросил Кинтель.

— Я про Валерия. Хотя у нас отношения и не очень, сын ведь он мне... Легко думаешь, знать, что он в одиночку мается?

— Он, значит, сын, а я, выходит, уже и не внук...

— Ладно... — Дед устало поднялся. — Не получается беседа... Я, по правде говоря, думал, что ты взрослее. А ты еще... Впрочем, винить некого...

— Ну, давай, давай, пригвозди теперь меня, — Кинтель сидел, откинувшись и смотрел на деда снизу вверх. В горле ошутимо скребло. Дед отвернулся к окну.

— Дурачок ты. Будут свои дети, поймешь...

У Кинтеля не было сил обидеться на «дурачка». Он сказал совсем уже сипло:

— Вот о детях и надо думать. Регишка к отцу все и не просится... а вы...

— Пока не просится, и говорить не о чем, — не оглянувшись отозвался дед. — Ладно, поживем — поглядим...

Несколько дней прошли сумрачно и спокойно, без событий. Однажды вечером пришел Салазкин. Кинтель обрадовался, но и Салазкину не удалось развеять до конца его грустную, уже привычную озабоченность.

Поговорили о том, о сем. Салазкин сообщил, что Корнейч разговаривал со знакомым художником, тот пообещал после ремонта расписать в доме, в будущей кают-компании, стену. Как старинную карту — с кораблями и морскими чудовищами.

— Хорошо, — сказал Кинтель. Но получилось невесело.

И тогда Салазкин вдруг спросил тихо, но решительно:

— Дая, скажи наконец: ты все еще на меня сердисься?

— Санки, да ты что! С чего взял?

— Так показалось...

— Да за что сердиться-то?

— Я думал... может, за ту историю. Когда я скрыл, что Надежда Яковлевна болеет... Я понимаю, что у тебя в эти дни масса несчастий и забот, но мне казалось... Ну, будто ты и на меня злишься.

— Брось ты, Салазкин, — слабо улыбнулся Кинтель. — У меня в голове даже и не копошилось такое... — И он добавил, хотя это было чересчур по-детски: — Ну... честное тремолинское...

Салазкин тоже заулыбался. Виновато и с облегчением.

— Мама говорит, я такой ужасно мнительный...

— Правильно она говорит. А я... просто тут такое дело... — Он показал глазами на ширму, за которой тихонько дышала Регишка. Салазкин сразу понял:

— Мне домой пора.

— Ага. Я тебя провожу!

Когда вышли на улицу, Кинтель и поведал Салазкину свою печаль. И боязнь, что Регишка запросится к отцу и в то же время от него, от Даньки, отрываться не захочет.

— И что мне, Санки, тогда делать?

Холодно было, даже уши пощипывало. Апрельские лужи затянулись игольчатым ледком, он блестел под неласковым закатом. Салазкин поежился и сказал беспомощно:

— Даже не знаю, что посоветовать... Регишку тоже понять можно...

«Ну вот, и он туда же!»

А Салазкин вдруг начал рассказывать:

— Я на той неделе к вам заходил перед школой. Думал, ты уже дома, но тебя еще не было. Я с Регишкой стал разговаривать. Она спрашивает: «Скажи, когда сон снится — это совсем ничего или немножко по правде?» Говорит: «Я маму во сне видела. Как она меня на колени посадила и по голове гладит...» Я ей

тогда и рассказал... то, что читал в газете «Зеркало», про одно учение...

— Какое?

— Будто вокруг Земли есть еще несколько невидимых пространств. Семь, кажется. И люди никогда не умирают по-настоящему, а их энергетические поля, то есть души, переходят из одного пространства в другое. И те, кто друг друга на Земле любил, там обязательно встретятся...

— Она поверила?

— По-моему, да. Ей ведь очень хотелось, чтобы так было.

— А ты? — тихо спросил Кинтель. — Тоже веришь?

Салазкин сказал шепотом:

— Наполовину...

— Наполовину — это уже немало, — с печалью отозвался Кинтель.

В то, что мама не погибла, он тоже верил наполовину. Или, честно говоря, даже меньше. Но и этой надежды хватало, чтобы она согревала жизнь. И страшно было потерять ее.

Когда Кинтель вернулся, он сразу понял, что опять будет разговор. Дед шевельнул бровями и сказал обреченно:

— Отец твой звонил. С Регишкой разговаривал.

Ну и... как оно и предвиделось. «К папе хочу, домой...»

— Ну, а кто ее держит! — в сердцах бросил Кинтель.

— Ты... Без тебя не хочет.

— Пусть сама это скажет!

— Бойтся, что ты рассердишься... А Валерий мне сказал: пускай Данила хоть немного поживет. Не может быть, говорит, чтобы родные сын и отец не жились, не бывает так...

«Еще как бывает»...

— Говорит: если захочет обратно, если невмочь станет, кто удержит-то? А здесь комната твоя как была, так и будет. И вообще... можешь ведь хоть каждый день приезжать...

— Это уже не он, это ты говоришь, — сказал Кинтель. В душе росла безнадежность. Не нужен он тут... А раз так, стоит ли упрячиться? По правде говоря, к этому жилью с вечным шумом за окном, с чужими голосами за стенами — он так и не привык, неродное оно. Вот если бы из старого дома уезжать — совсем тошно, а отсюда...

Он ничего не сказал. Молча ушел и поехал туда. В сквер с остатками памятника. Загадал: если светится окно, тогда — пусть... Значит, судьба.

Окно светилось.

Кинтель вернулся уже в полной темноте. Его встревоженно ждали. Регишка стояла на пороге, смотрела похожими на мокрые сливы глазами. Но даже к ней

не было сейчас у Кинтеля сочувствия. Только усталая жалость к себе. Он имел на нее право, потому что все уже решил. Деду Кинтель сказал набыченно:

— Имей в виду, карту я заберу с собой.

С той поры жизнь приобрела суматошный ритм. Одна дорога до школы — час туда, час обратно. А еще пришлось приводить в порядок квартиру. Кинтель вымыл полы, отнес в прачечную белье, выстоял несколько очередей, чтобы выкупить по талонам хоть какие-то продукты.

Он вел себя, как недовольный хозяин, после долгой отлучки вернувшийся в дом и обнаруживший кавардак и запустение. Отец слушался его во всем. Порой проявлял даже излишнюю поспешность, выполняя поручения Кинтеля. Смотрел виновато и вопросительно. Кинтель один раз не выдержал:

— Ну, чего ты все время на меня так глядишь? Будто... пообещал шоколадку, а вместо этого сам съел.

Отец нерешительно засмеялся. Потом вдруг закашлялся и сквозь кашель проговорил:

— Слушай, Данилище... Я ведь никогда ничего плохого тебе не делал. Один раз только по дурости... ножницами...

— Да?! А как линейкой отлупить хотел, забыл? Когда мне шесть лет было, — сказал Кинтель. Сказал с ненатуральной такой придирчивостью, как бы нарочно показывая, что это полшутка. Отец подышал, успокаивая кашель, потоптался рядом. Вдруг взял Кинтеля большой ладонью за затылок, неловко прижал его голову к свитеру.

— Большущий ты вырос...

Под свитером толкалось шумное сердце.

— Ну чего... — пробормотал Кинтель. — Я же в чешуе весь, карасей чистил...

Но прежде, чем вывернуться из-под отцовской руки, он замер, постоял так две секунды...

В этой квартире, в трехэтажном «дохрущевском» доме, все было как в те времена, когда Кинтель жил здесь с отцом, Регишкой и тетей Лизой. Даже старая фотография висела над комодом: на ней они вчетвером. Регишка еще совсем ясельная, а Кинтель — шестилетний, в том нарядном костюме, в котором ходил записываться в гимназию. С пышной прической, лупоглазый, серьезный.

Кинтель над своим столом решительно приколотил старинную карту. А больше ничего менять в комнатах не стал. И фотографию со стены не убрал, хотя заметил, что Регишка подолгу стоит перед ней с мокрыми глазами.

А один раз он увидел, как Регишка забралась в шкаф и там, нахохлившись, прижимает к лицу платье тети Лизы...

Но в общем-то Регишка ожила по сравнению с первыми днями, Иногда улыбалась даже. Смотрела детские передачи, Кинтелю и отцу помогала возиться на кухне.

Салазкина Кинтель теперь видел еще реже, чем зимой. Иногда у Корнеича, а иногда в школе между сменами.

Но однажды вечером Салазкин приехал сюда, на Сортировку, с Ричардом. Видимо, взял пса для безопасности.

Все Салазкину обрадовались, даже отец. Салазкин сообщил, что со следующего воскресенья начинается ремонт шлюпки, надо будет в любое свободное время ездить на базу.

— Холодно ведь еще, — озабоченно заметил отец. — Руки стынуть будут. Да и всякая краска-шпаклевка в такую погоду плохо ложится.

— Синоптики обещают раннее потепление, — сообщил Салазкин.

«Ох, скорее бы...» Кинтель почувствовал, как он устал от зимы и от затяжного весеннего холода. Так хотелось тепла и зелени. А пока — будто темное крыло между ним, Кинтелем, и солнцем. И не в погоде, конечно, дело...

Но вот пришел Салазкин и пообещал тепло. А он, Салазкин-то, всегда говорит правду.

ЗЮЙД-ЗЮЙД-ВЕСТ

Кинтель думал, что за зиму он совсем не вырос. Все такой же шуплый и колючий. Алка Баранова, с которой они всю жизнь были одного роста, к весне сделалась выше на полголовы. Но нет, и он подросток. Это обнаружилось, когда Кинтель примерил прошлогодние джинсовые шорты. Дед купил их ему в начале того лета, перед путешествием, но они оказались велики, болтались, и Кинтель надевал их, лишь когда с артелью «Веселые брызги» ходил мыть машины. А нынче — в самый раз. И главное петли на поясе широкие — флотский ремень, который подарил ему Корнеич, пролез почти без скрипа...

Волосы Кинтель не стриг с осенних каникул, тетя Варя только подравнивала их, и впервые за несколько лет у Кинтеля появилась густая шапка волос. Алка однажды сказала:

— Данечка, тебе ужасно идет новая прическа.

— Само собой, — буркнул Кинтель.

Плохо только, что черный суконный берет с флотским крабом слабо держался на пружинистых волосах. И выйдя из дома, Кинтель свернул и сунул его под погончик оранжевой форменной рубашки. Тем более, что стояла уже вполне летняя жара...

Салазкин не обманул, в середине апреля пришли теплые дни. К маю уже зеленели деревья и буйно цвели по газонам одуванчики. Правда, первого мая пришло похолодание с дождем, но это уж такой закон природы в здешних местах: как «День солидарности трудящихся», так слякоть (независимо от политической обстановки). Впрочем, ни праздника, ни демонстрации в этом году все равно не намечалось.

Зато с понедельника опять началось тепло. Пуще прежнего. К этому времени как раз в мастерской подоспел заказ: покрашенные в огненно-апельсиновый цвет рубашки для «Тремолино». И Корнеич потребовал:

— Ну, народ, пора переходить на летнюю форму. На открытии навигации всем быть при полном параде.

Три последние недели ребята вкальвали на ремонте яла. Вспузырили паяльной лампой и ободрали старую краску, заделали пробойны, законопатили щели, зашпаклевали корпус смесью олифы и мела. Покрасили. Издалека на шлюпку глянешь — будто новая. Залатали старенькие серые паруса...

— Не шхуна «Тремолино», конечно, да ладно уж, сойдет, пока свой корабль не построили, — поговаривали ветераны. А Кинтелю казалось, что и шлюпка, названная добродушным именем «Тортилла» — отличное судно. И оставшиеся до первого плавания дни он жил в предпраздничном «напряге»... Тем более, что ожидалось не просто испытание «Тортильда», а экспедиция на Шаман...

В таком вот настроении и шагал сейчас Кинтель к автобусной остановке. Правда, кроме праздника, сидело в душе и смущение. Человеку со стеснительным характером нелегко, когда его разглядывает каждый встречный. Но в общем-то Кинтель уже притерпелся. С утра он ходил с Регишкой в «Стрелу» на сеанс мультфильмов — специально в тремолиновской форме. Во-первых, чтобы заявить в себе дурацкую стыдливость, а, во-вторых, после кино уже не осталось бы времени для переодевания. Он и так попросил у Корнеича разрешения приехать на базу не к двенадцати, как все, а к часу. Конечно, не следовало бы в день долгожданной экспедиции тратить время на другие дела, но Регина еще накануне запросилась на мультики про кота Леопольда. Корнеич, согласился что причина, разумеется, уважительная.

Салазкин сунулся было:

— Я с Даней! Можно?

Но тут Корнеич ответил:

— А работать кто будет? Шлюпку спускать надо...

Если дело касалось плавания, Корнеич никому не давал поблажек. И люди в «Тремолино» это понимали. Даже неугомонный Не Бойся Грома становился спокойным и деловитым, когда вступала в силу корабельная дисциплина.

— А иначе и нельзя, — как-то объяснил новичку Кинтелю Паша Краузе. — На воде это на воде, не на земле. Чуть что не так, и может кончиться, как в песне:

Будем лежать на дне,
В синей прохладной мгле,
Ля-ля-ля...

Салазкин после ответа Корнеича засмутился. Кинтель тоже почувствовал себя виноватым.

— Я бы не присил, да Регишка... Ей вот приспичило. Надо пользоваться случаем, чтобы хоть малость ее развеселить...

В кино, конечно, все плялились на Кинтеля. Рубашка — будто факел, и столько на ней золоченых якорьков, нашивок, аксельбантов. К тому же, кроме Кинтеля, никого из пацанов еще не было в шортах, не лето все-таки. От этих взглядов по Кинтелю бегали щекочущие мурашки. Но потом он увидел двух мальчишек из скаутской «Бытины» — в полном их обмундировании, веселых и независимых. И малость приободрился. К тому же Регишка так гордилась блестящим видом старшего брата!

А кроме того — праздники. Потому что воскресенье десятого мая было как бы продолжением Дня Победы. Вполне понятно, что в ребячьих отрядах могут быть всякие сборы и линейки, оттого и парадный вид. Вон ветераны, они ведь тоже в своих мундирах, гимнастерках и при наградах во всю грудь. На них тоже глядят кому не лень...

После сеанса Кинтель отвел Регишку домой, подхватил собранную заранее сумку — и на автобус. Но у самого подъезда услышал:

— Да-анечка! Какой ты... элегантный.

Алка Баранова! Откуда ее принесла нелегкая? Стоит, водит по нему своими шоколадными глазницами от кроссовок до макушки и обратно. И опять — мурашки. Чтобы прогнать их, Кинтель стал спокойным и язвительным:

— Да. А ты как думала! Теперь ты еще больше в меня втюрисься.

— Больше уже некуда... А что это у тебя за знаки различия?

Как съехидничать, Кинтель не придумал, буркнул примирительно:

— Знаки как знаки. Отряд такой. Парусный.

— Я и не знала, что ты моряк... Мой брат Мишка в судостроительном кружке занимался, в Доме пионеров, так у них настоящая морская форма была. Клеши, матроска...

— Настоящая — у настоящих, — сердито объяснил Кинтель. — А у них — маскарадная. Модельки строить — это не шкоты тягать. Попробовали бы они

в своих клешах на базе, у шлюпок, когда все время по колону в воде. Или за бортом оказаться...

Ни вкальвать по колону в воде, ни оказываться за бортом Кинтелю пока не приходилось. Но ответ вышел, кажется, ничего: как у бывалого.

Алка покивала, качая толстыми, но короткими, торчащими косами. Заметила:

— Ты прав. Такие штанишки тебе идут.

Он опять зарядился спасительным ехидством:

— А ты только сейчас заметила? Ты меня и раньше в штанишках видела, сколько лет смотришь влюбленными глазами.

— Раньше — это давно. Ты маленький был...

— А я и сейчас маленький, — сказал Кинтель с дурашливой беззаботностью. — Двенадцать лет — какие годы! Самое время для мальчика поиграть в ляпки да в пряталки... Это вы, девицы, раньше срока в рост пускаетесь. Во... — Кинтель вскинул над головой руку. — И во... — Он волнистыми движениями ладоней нарисовал в воздухе раздавшуюся дамскую фигуру. Хотя Алка, что касается ширины, была совсем не «во». Только на груди под тоненьким белым свитером — легкий намек на выпуклость.

Она не обиделась. Заметила чуть насмешливо:

— А тебе-то, игрок в пряталки, через неделю, по моему, уже тринадцать стукнет.

— Ай-яй-яй! — Он сделал вид, что ужасно удивился. Потому что удивился по правде. — Как это ты вспомнила?

— Вспомнила. Тебя еще в детском садике поздравляли, в старшей группе. Когда шесть лет...

— Верно! Ты мне тогда пластмассового зайчонка подарила! — Кинтель сбил невольную лиричность воспоминания комическим закатыванием глаз. — Это было так трогательно... Кстати, заяц до сих пор не потерялся.

— Ты путаешь, — вздохнула Алка. — Зайца я подарила в другой день. Эльза Аркадьевна взгрела тебя линейкой, и ты ревел в уголке за беседкой, а я тебя пожалела... А ты мне потом веночек из одуванчиков сплел.

— Сейчас бы я и не сумел уже, — вздохнул Кинтель. — Какие мы были талантливые в молодые годы.

— Ох, не говори... А на день рождения подарков я тебе никогда не дарила. Можно сейчас исправиться? — У Алки была замшевая сумочка. Открыв ее, Алка достала что-то круглое, завернутое в бумажную салфетку. — На...

— Что это? — сказал Кинтель слегка опасливо.

— Бери, бери. Это без подвоха...

Кинтель пожал плечами. Взял, развернул. Оказалось — расписное деревянное яйцо, размером с куриное.

От растерянности он спросил тоном «достоевского» пацана:

— В натуре, что ли, мне?
Она засмеялась:
— «В натуре»... Ох ты, Кинтель...
— Не ко времени, вроде, — опять малость съехидничал он. — Пасхальная неделя уже кончилась.
— А это не пасхальное. Специально для тебя...

Чтобы не лягнуть какую-нибудь непотребность, Кинтель осторожно помолчал. Потом хмыкнул:

— А внутри небось игла, как для Кащея. Разобью — и мне как... Или нет! Воткнется в сердце, и тогда я влюблюсь в тебя безоговорочно.

Впрочем, яйцо было тяжелое — видимо, сплошное.

Алка сказала без улыбки, скучновато даже:

— Ладно, пошла я... Не забывай, адмирал. — И зашагала прочь, помахивая сумочкой и качая твердыми коричневыми косами.

— Да уж ладно, не забуду как-нибудь до завтра, — сказал Кинтель ей вслед слегка растерянно. И добавил запоздало: — Мерси вам, сударыня...

Потом затолкал яйцо на дно сумки, под запасной спортивный костюм и сверток с бутербродами. И зашел к автобусу.

...Вот ведь, черт возьми, не повезло Кинтелю! Когда приехал к трамвайному кольцу у «Сталеваара», там на диспетчерской будке красовалось объявление, что двенадцатый маршрут не работает из-за ремонта линии. Ну что за свинство! Праздничный подарок садоводам и дачникам... Теперь, чтобы добраться до базы, надо топтать по шпалам с полчаса.

Впрочем, часы на ДOME культуры показывали половину первого, так что времени в самый раз. И Кинтелю потопал.

Скоро настроение у него опять стало лучезарным. По бокам узкоколейки зеленели низкорослые клены и рябины, между шпал в густой рост шла трава с желтым мелкоцветьем, над ней порхали бабочки. Солнце грело плечи. Слева, из-за горбатых низких крыш летел теплый, но плотный ветерок. Зюйд-зюйд-вест, самое то, чтобы курсом-галфинд, без лавировки, сходить на Шаман и вернуться. Справа синело Орловское озеро. По нему бежала мелкая безобидная зыбь.

Такое было вокруг солнечное умиротворение, что даже мысли о кладе на Шамане перестали волновать Кинтеля. Об этом думалось рассеянно, вперемешку с другим: с Алкиным подарком, с утренними мультиками, со всякой всячиной.

Трамвайная линия по прямой убегала вдаль и терялась в кустах, за которыми прятался разъезд. И долгое время было пусто впереди, а потом... Потом словно вдали на рельсах возникло большое зеркало, и Кинтель увидел себя. Идущего навстречу.

Конечно, это был кто-то из своих! В той же форме. Кинтель заспешил. И очень скоро — по слегка косолапой походке, видно, снова ногу подвернул, балда!) — Кинтель узнал Салазкина. Тот, наверно, от-

просился встречать его! Кинтель заторопился еще больше. Но уже с полусотни шагов разглядел, что радостной встречей тут не пахнет. Очень уж понуро шагал Салазкин.

— Что случилось? — еще издалека сказал Кинтель.

Случилось дело скандальное, для Салазкина просто постыдное. И главное, непоправимое. Потому что нарушения техники безопасности во время занятий парусным делом прощению не подлежали. Это в «Тремоллино» было законом с давних пор, и закон все принимали безропотно. Иначе кончится тем самым: «Ляля-ля, в синей прохладной мгле...» И если что-то нарушил по разгильдяйству или забывчивости — будь ты хоть самый лучший друг, хоть самый заслуженный ветеран — гуляй, голубчик, с базы домой и обижайся только на себя. Потом тебя никто упрекать не станет и будешь ты по-прежнему свой среди своих и хороший человек, но в этот горький день тебя к пирсу и близко не пустят...

Все это Салазкин знал прекрасно. Но словно какой-то бес толкнул его под копчик. Когда спустили «Тортиллу» со слипа и Корнейч назначил пятерых (Салазкина в том числе) перегнать шлюпку к пирсу, все, конечно, надели спасательные жилеты. А Салазкин забыл, прыгнул в шлюпку без него.

— Ты откуда упал? — изумился Дим. — А ну, за жилетом!

Но Салазкиным овладела какая-то необъяснимая беспечность.

— Чепуха! Тут же недалеко! Ничего не случится!

Ничего опасного в тот момент случиться и правда не могло.

Но случилось другое: все это увидел Корнейч.

— Саня! Марш за жилетом!

— Да ладно! Тут же двадцать метров до пирса! — И Салазкин взялся за весло. Тогда-то Корнейч и сказал железным тоном:

— Денисов, на берег.

А потом уже, когда все осознавший Салазкин с головой ниже плеч встал перед нестройной шеренгой, Корнейч горестно развел руками:

— Сам виноват. И что на тебя нашло?.. Шагай домой, чадо, ничего не поделаешь. Всем ты подпортил этот день...

Уже ни на что не надеясь, Салазкин прошептал:

— Можно я лучше целую неделю буду рынду драить?

— Это можно, — вздохнул Корнейч. — А домой идти все равно придется. Закон есть закон...

И Салазкин пошел, глотая слезы, и сдерживался до самой встречи с Кинтелем. А тут не выдержал. Разрвелся самым безудержным образом, когда стал рассказывать.

— Перестань, — понуро сказал Кинтель. Тошно ему сделалось. Вот ведь свинство судьбы: только что все было хорошо, и вдруг... Но на Салазкина злости не было, он и так горем умывается. Господи, что же делать-то? — Не реви. Давай сядем...

Салазкин всхлипнул и послушно сел на рельс.

— Подвинься, — сказал Кинтель, вспомнив старый анекдот. Но шутка не заставила Салазкина повеселеть. Он даже и не понял, подвинулся. Кинтель сел рядом.

Стали молчать. Салазкин съежился и все еще всхлипывал, ухитряясь вытирать мокрые щеки о колени. Потом сказал шепотом:

— Ладно, пойду я...

— Куда?

— Домой, конечно...

— Вместе пойдем.

Салазкин вскинул голову.

— Ты с ума сошел?

«Дурак ты. Как же я без тебя-то?» — подумал Кинтель и упрямо шевельнул спиной.

— Получится, что ты бросил экипаж перед плаванием, — испуганно объяснил Салазкин. — Так не делают. Вообще никогда... И к тому же без предупреждения...

— Хорошо, я пойду и предупрежу.

Салазкин понуро проговорил:

— Ну и будет еще хуже. Провалится все дело...

Помолчали снова. Салазкин шевельнулся.

— Пойду я. Сплаваете без меня, чего такого... Сам ведь я виноват, зачем вокруг меня еще что-то громоздить...

Все это было правильно. Он был кругом виноват. И ничего бы не случилось, если бы «Тремолино» сходил на остров Шаман без Сани Денисова. Но Кинтель представлял, как сейчас встанут они, повернутся спиной друг к другу и пойдут по рельсовой колее в разные стороны. И будут расходиться все дальше, дальше... И это было невозможно, несмотря ни на какие рассуждения о справедливости.

Салазкин теперь не опускал голову, смотрел перед собой, ощетинив сырые ресницы. Облизывал губы и ковырял на коленке выпуклую родинку.

— Оставь ты свою бородавку, — в сердцах сказал Кинтель. — Сдерешь когда-нибудь совсем.

— Ну и сдеру... Надоела.

— Схватишь гангрену какую-нибудь. И помрешь...

Салазкин горестно шмыгнул носом. Судя по всему, он был не прочь сейчас помереть.

— Или ногу отрежут. А зачем? Мало нам, что ли, одного такого Джона Сильвера...

Но и на эту шутку — глупую и даже хамскую — Салазкин никак не прореагировал. Только сильнее

придавил родинку мизинцем. Из-под него выкатилась кровавая бусинка.

— Во! — подскочил Кинтель. — Говорил я! Колупнул все-таки!

— Первый раз, что ли...

— Под ногтем знаешь сколько бактерий... Надо смазать чем-нибудь! У тебя есть аптечка? — У Кинтеля стремительно зрело решение.

— Откуда у меня аптечка? Она на базе...

— Вот и пошли на базу!

Салазкин повернул полосатое от слез лицо. Сказал грустно и понимающе:

— Ну и что? Потом все равно отправят домой.

— Видно будет. Пошли!

...Появление Салазкина вызвало неловкость и растерянность. Ребята опускали глаза. Корнейч сказал:

— Это что за явление? — И сердито глянул на Кинтеля: с какой стати, мол, вернул штрафника? Не знаешь правил?

Кинтель проговорил агрессивно:

— У человека нога в крови, а вы... Обработать же надо!

Корнейч пригляделся, куснул губу.

— Батюшки мои, какая травма... Смажьте ему зеленкой.

Маринка умчалась и тут же вернулась с аптечкой.

— Дай сюда, я сам... — Салазкин забрал у нее пузырек.

— Ну, все? — Корнейч глянул хмуро и нетерпеливо. — Теперь будешь жить. Ступай домой...

— Он хромает, — сказал Кинтель.

— Да, он хромает, — сказал Костик-барabanщик.

— Понял, — сухо согласился Корнейч. — Отвезу до кольца на мотоцикле.

— Да вы что! — вознегодовал тогда Кинтель. — Так же нельзя! Один раз прогнали, зачем снова-то! Так никогда не бывает, чтобы за одно дело человека дважды... казнили... Даже когда к расстрелу приговаривали и с первого раза не могли застрелить, потом человека прощали. У Высоцкого про это песня есть!

— Да, есть у Высоцкого такая песня, — авторитетно сказал Дим. И все вопросительно, выжидательно стали смотреть на Корнейча. Даже несгибаемые ветераны Сержик Алданов и Паша Краузе.

— Ясно, на чьей стороне общественное мнение, — проворчал Корнейч. — Ладно, оставайся... недостреленная личность.

Салазкин засиял еще не просохшими глазами.

— Я все равно буду целую неделю рынду чистить!

— Чисти. Может быть, умильстивишь судьбу... С одной стороны, конечно, Кинтель прав: за один грех дважды не спрашивают. Но с другой — мы сегодня из-за тебя впервые нарушили устав. Есть примета, что такое безнаказанно не проходит. Если случится какое ЧП, знай — по твоей причине...

Салазкин сопел виновато и счастливо. И какое ЧП могло случиться в этот безоблачный день с ровным теплым ветром?

Правда, дядя Гриша предупредил ворчливо:

— Вы долго-то не задерживайтесь. И вообще... глядите там. Катера-то пока еще на берегу, сезон не открылся. Ежели что, помощи никакой...

— Синоптики на всю неделю ровную погоду обещали, — сказал Корнейч.

— Синоптики эти...

— Вернемся нормально... Кинтель, труби сбор на линейку.

У Кинтеля что «сбор», что «тревога» — на все один сигнал, четыре протяжные ноты. Он сбегал в штабную каморку за горном и затрубил прямо с крыльца. Построились в шеренгу на пирсе. Салазкин, сам того не замечая, все еще празднично улыбался. А смазанная коленка сияла, как зеленый светофор: путь открыт! Флаг полагалось поднимать самому маленькому. Таким был Костик, но он — с барабаном. И поднимал Муреньш. Заплескалось под гафелем на береговой мачте оранжевое полотнище с белым лучистым солнцем и синим корабликом. Костик приветствовал его умелой дробью. И Корнейч скомандовал:

— Народ, по местам!

Те, кто в прошлые годы ходили на шхуне «Тремелино», вспоминали не раз ее легкость и стремительность. Но Кинтелю сравнивать было не с чем. Ему сейчас казалось, что и неторопливая «Тортилла» несется, словно клипер. Ветер, когда отошли от берега, стал еще плотнее, двойной шлюпочный парус круто выгнулся. Серый и полинялый, теперь, на солнечном просторе, казался он белым и чистым. Легкие гребешки ударили в звонкий борт, зажурчала кильватерная струя. Теплый зюйд-зюйд-вест вздохматил Кинтелю волосы, и он вдохнул восторг первого парусного плавания.

Несмотря на недавний ремонт, кое-где сквозь щели в обшивке сочилась вода. Но Виталик Не Бойся Грома деловито объяснил Кинтелю, что это не надолго: скоро дерево набухнет, все щели закроются, не бойся, новичок.

А Кинтель и не боялся. «Тортилла» была большой и надежной. Минут пятнадцать для испытания походили туда-сюда вдоль пирса, а потом — с креном на правый борт, курсом вест-норд-вест шлюпка побежала к темному пятнышку на горизонте — скалистому острову Каменному, который раньше назывался Шаман...

Орловское озеро слегка ершилось. Кое-где загорались пенные гребешки. Стала покачивать «Тортиллу» бортовая зыбь. И в этом неопасном покачивании, в искрящейся синеве, в журчании и плеске, в теплом ветре и трепете оранжевого флажка на задней шкато-

рине грота было такое счастье, что на какое-то время Кинтель опять почти забыл про главную цель путешествия. Ему дали держать кливер-шкот, и он ощутил властное давление ветрового потока на парусину. И ревностно следил, чтобы кливер не заполоскал, потерявши ветер...

Попались навстречу две гордые крейсерские яхты с высоченными мачтами. Кинтель проводил их глазами с восхищением, но без зависти. Чего завидовать чужому счастью, если есть свое... А больше парусов не было видно. Несмотря на теплую погоду, яхтсмены и шлюпочники окрестных спортклубов еще не раскачались, чтобы начать сезон...

Бежало время, проплывали мимо «Тортиллы» и оставались позади поросшие кудрявой зеленью островки: Петушок, Тополиный, Рыбачий... А серый, без единого кустика, суровый камень Шаман делался все ближе, ближе. И Кинтеля, уже притерпевшегося к радости плавания, все сильнее брало в плен волнение. Этакое замирание под сердцем.

Скоро — разгадка. И, наверно, ничего там не найдется, к этому надо быть готовым. Столько лет прошло, столько тысяч рыбаков и туристов побывали на Шамане, лазили по всем камням. Скорее всего, давно отыскали и унесли клад Никиты Таирова. А если он до сих пор там, то разве сейчас отыщешь валун с надписью «Б+Л»? Буквы наверняка давно стерло время... Но в самом этом плавании, в самом поиске был тревожащий дух Приключения. Старая книга, тайное письмо, необитаемый (ведь и правда необитаемый, без жилья!) остров... А в приключении всегда есть надежда, что оно кончится удачей.

А позади этой надежды жила и другая. Та, которую Кинтель не сумел бы объяснить никому, даже себе. Он и не пытался объяснять, но берег в себе странное чувство, что разгадка клада поможет другой разгадке — кто живет на улице П.Морозова? За тем окном на пятом этаже! Не было здесь никакой связи. Но непонятная надежда была, и от нее порой щемило душу...

Путь до Шамана занял чуть больше часа. И вот наконец «Тортилла» закрипела килем по песку, выползла крутым носом на отмель у нависших скал.

Все попрыгали на песок, заприплясывали, разминая затекшие ноги. Закрепили за камень швартов, опустили в шлюпку реек с парусом. Всем не терпелось кинуться на поиски.

— Люди! По камням не скакать сломя голову! — предупредил Корнейч. И, поморщившись, уселся на валун: видимо, опять болел натертый протезом сустав. — Держаться по двое, страховать друг друга!.. Не будем суеверными, но надо помнить о возможности ЧП... И по сигналу — сразу к шлюпке! Ладно, разбежались...

Кинтель, конечно, пошел с Салазкинм.

Островок в ширину был метров сорок. Но на этом клочке земли было столько нагромождений! Торчали скалы — холодные в тени и горячие на солнце. Грудами подымались валуны, между ними вились натоптанные тропинки. Кроме экипажа шлюпки, не было сейчас на Каменном никого, но следы посещений виднелись повсюду: желтые обрывки газет, консервные банки, осколки бутылок. Ох как умеют люди загадить любое хорошее место!..

Но, несмотря на мусор и затоптанность, был Шаман загадочен и красив. Похож на руины замка. Не росло здесь ни кустика, но валуны покрывал сухой узорчатый мох, горели среди гранитных обломков солнечные брызги одуванчиков. Камни громоздились друг на друга, уступами уходили к неровной верхушке острова. Пахло теплым древним гранитом и золой старых костров.

Все разбрелось, переключаясь. Где здесь искать валун с буквами «Б+Л»? Написано: к зюйд-осту от макушки. Но вон их сколько, камней-то! Проверять каждый — до заката не хватит времени. Тем более, что смотреть надо внимательно: скорее всего надпись теперь полустерта или покрыта мхом... Как она была сделана? Хорошо, если выбита железом. А если выведена непрочной краской? Могла совсем исчезнуть...

Надписей, кстати, хватало: «Гена + Люся», «Здесь были В.Д. и Ю.Ю.», «Яхта «Лотос» 1963 г.» «Да здравствует Метал» (с одним «л»)... Одни надписи четкие, другие слабо различимые. Но ясно, что все эти туристские отметки — советского времени. И никаких «Б» и «Л»...

Царапая ноги о гранитные гребешки, добрались Кинтель и Салазкин до вершины, где лежал похожий на спящего бегемота камень. С другой стороны поднялись Дим, Юрий Завалишин и Маринка...

— Ничего не нашли, — виновато сказала Маринка. — Вы тоже?

Кинтель досадливо молчал.

Они взгромоздились на спинку каменного «бегемота». Ветер обрадованно затрепал галстуки и распущенные рубашки. С высоты была видна вся солнечно-синяя ширь. Вспыхивали барашки. Блестел стеклами далекий город, темнели лесистые берега. Самый близкий берег был примерно в километре, там на склонах пестрели домики пригородного поселка Старые Сосны. Сосны — мохнатые, одинокие — и правда темнели над крышами. Позади поселка зеленой ящеркой бежала электричка.

Небо над озером оставалось ясным, синим, но теперь по нему бежали в сторону Старых Сосен мелкие светлые облака.

Кинтель бросил взгляд вниз, по каменистому склону. В направлении SO. Где там этот проклятый камень? Вон их сколько...

Недалеко от шлюпки, на прибрежном песке, возился с костром Корнейч. Дрова благоразумно прихватили с собой.

Корнейч поднял голову и закричал:

— Спускайтесь, обедать пора! Больше часа рыщете там!

Неужели больше часа прошло? И все напрасно...

Спустились — растрепанные, поцарапанные. Порастерявшие прежний азарт. Только Не Бойся Грома радостно сообщил:

— А я вот что нашел! — И помахал противогазом, неизвестно как попавшим на остров. Но находке не обрадовались.

Вскипятили в котелках чай, развернули бутерброды. Принялись за еду энергично, но хмуро. Виновато поглядывали на Кинтеля. А он тоже чувствовал себя виноватым: наговорил про клад, втравил людей в напрасные поиски.

Корнейч сказал:

— Оно и понятно: сразу разве отыщешь... А я вот нынче и совсем искадь-лазать не могу, деревяшка ноет так занудно...

Салазкин, деловито жуя, отозвался:

— Тебе и не надо. А мы поедем и еще поищем...

Он, сверкая зеленой коленкой, сидел выше всех, на пологом склоне с мелкой травкой. Привалился спиной к отвесному выступу торчащего из земли гранита. Корнейч посмотрел на него, потом вверх. Медленно возразил:

— Нет, братцы, сегодня искать больше не будем. Не нравятся мне эти быстрые тучки. Добраться бы домой, пока не рассветелось...

— Но как это! Уплывать не солоно хлебавши!

Теперь на Салазкина посмотрели все. И Маринка сказала:

— Кто-то сегодня уже спорил. Чем это кончилось?

Салазкин засопел и заерзал спиной по камню, словно у него зачесался позвоночник.

— Чучело гороховое, ты что делаешь! — Маринка кинулась к нему. — Камень-то в копоты, здесь костер разводили! Всю сажу на рубашку собрал... — Она заставила Салазкина встать, повернула спиной. Спина и правда была пятнисто-черная.

— Я же не зналко... — Салазкин вертел головой, пытаясь взглянуть на собственные лопатки. Не сумел, взглянул на злополучный камень. — Я думал, он от природы такой черный... Ой...

Камень уже не был черным. Копоть была счищена рубашкой с плоского серого гранита. Сажа осталась лишь в щелях и углублениях. И в точечных ямках, выбитых чем-то острым. Ямки эти явно складывались в долгожданный знак:

— Ой-ей... — осторожно сказали разом еще несколько человек. Придвинулись, присели у камня на корточках. Смотрели на буквы с полминуты. У Кинтеля не в груди, а где-то у горла нервно перестукивало сердце. Не Бойся Грома и Костик-барабанщик вдруг переглянулись, кинулись к шлюпке, вернулись с маленькой киркой и саперной лопаткой.

— Пустите! — Не Бойся Грома размахнулся киркой. Корнейч поймал ее.

— Пойдите, братцы... Давайте-ка без суеты. Встанем как надо.

Все знали, как надо. Встали в кружок, руки друг другу на плечи.

— Помолчим, — сказал Корнейч. — Загадаем хорошее и попросим судьбу, чтобы не обманула нас...

У Кинтеля одна ладонь на плече Салазкина, другая на плече Андрюшки Локтева. Кинтель зажмурился и в наступившей темноте (зыбкой, с зелеными пятнами) мысленно попросил те добрые силы, которые должны помогать людям: «Пусть найдется... Ну, пожалуйста...»

— Вот так... — выдохнул Корнейч. — А теперь, Кинтель, бери кирку. Твой удар — первый...

И Кинтель взял. И ударил в землю железным острием. У самого камня, под надписью...

Два фута — это сантиметров шестьдесят. Земля оказалась податливая, хотя и с каменным щебнем. Работали киркой и лопатой без перерыва, меняя друг друга. Слышались только удары, скрежет и частое дыхание...

И когда яма стала маленькому Костику чуть не до пояса, случилось то, что должно было случиться. Лопатка стукнула о твердое.

Никто не закричал ура. Молча и нетерпеливо вырыли сколоченный из полусгнивших досочек ящик. Размером с толстую книгу.

Дерево развалилось прямо под пальцами. В ящике оказалось заскорузлое, твердое (когда-то, наверно, промасленное) сукно. Разогнули, разломали его. И увидели железную коробку. Была она довольно тяжелой. Кое-где пятна ржавчины, а местами — в сохранившейся золотистой краске с цветным орнаментом. И сбоку различима была витиеватая надпись: «Паровая шоколадная фабрика М.Конради».

— Подождите... — Корнейч взял коробку, протянул Кинтелю. — Открывай.

Кинтель суетливо зацепил ногтями крышку. Она, видимо, приржавела.

— Возьми, — Корнейч протянул открытый складной нож. — Или дай все-таки мне, а то пальцы поуродуешь...

Корнейч сунул лезвие под крышку, надавил... И крышка отскочила, задребезжав.

— Возьми, — опять сказал Корнейч Кинтелю. Все замерли, сгрудились. Только посвистывал нарастаю-

щий ветер, В коробке лежало что-то завернутое в синюю шерстяную тряпицу. Увесистое.

Кинтель сжал нетерпение и не спеша развернул. Выдохнул тихонько и поставил на ладонь темную фигурку.

Костик-барабанщик вдруг засмеялся. Необидно, хорошо так.

— Ой, мальчик... — прошептала Маринка.

— Он золотой, да? — спросил простодушный Муреньш.

— Бронзовый, наверно, — сказал Корнейч. — Посмотрите, какой славный...

ИСКРА НА НОСУ

Мальчик был ростом сантиметров десять. Он стоял на крошечной квадратной площадке, в рельефе которой угадывалась примятая трава. Стоял в небрежной, несколько озорной позе: чуть выпнулся назад, отставил правую ногу, левый локоть оттопырил, а ладонь сунул в карман. Волосы были легко раскинуты косым пробором, на виске курчавился лихой локон. Круглолицый, курносый мальчишка задорно смотрел на тех, кто вызволил его из многолетней тьмы. И вот что главное! Правую руку он сжал в кулачок и поднял его у плеча. Он приветствовал «Тремолоино» давним салютом вольных ребячьих отрядов.

— Чудо какое... Привет, — сказала ему Маринка.

А у Кинтеля каждый нерв, каждая клеточка теплели от ласкового счастья. Чего угодно ждал он, но такого... Это было лучше золотых монет и драгоценностей. Лучше всяких таинственных рукописей и старинного оружия. Лучше всего — по своей радостной неожиданности, по живому ощущению счастливой встречи. Кинтель сейчас испытывал то, что бывало в лучшие минуты их дружбы с Салазкинцем, в те моменты, когда сознание вздрагивало от нового толчка: «Господи, как же хорошо, что есть на свете Санки...» Но сейчас еще было и другое. Еще и как бы мгновенно появившаяся нить, которая связывала его с давним временем, с живым Никитой Таировым...

... — Можно? — попросил Корнейч. Взял, покачал тяжелую фигурку в ладони. — Да, бронза... Ну, здравствуй, мальчик. Сколько же тебе лет? Наверно, ты из прошлого века...

По первому взгляду, это был деревенский мальчуган, только, скорее всего, не из русской, а из какой-нибудь прибалтийской деревни. Или с небогатой городской окраины. В сбившейся, распахнутой на груди рубашке с подвернутыми рукавами, в брючатах длиною до середины икр, в стоптанных башмаках. Судя по всему, не робкого десятка пацан. Вон как по-свойски, без смущения глядит на незнакомых мальчи-

шек. Будто на приятелей, которых встретил после долгой отлучки...

Осторожно, без суеты, по очереди брали ребята бронзового мальчика. Разглядывали, поворачивали. Подмигивали ему.

— Наш человек, — решительно высказался Игорек по прозвищу И-го-го и отдал мальчишке ответный салют.

— Давайте имя ему придумаем, — предложил Сенечка Раух.

— Это уж пусть Даня решает, — ревниво сказал Салазкин.

— А письма никакого в коробке не было? — спросил Юрик Завалишин.

«Зачем письмо? И без него все ясно», — подумал Кинтель. Он так и хотел ответить, но Корнеич вдруг сказал резко и недовольно:

— А ну, тихо, люди!

Кинтель даже обиделся. Но все уже разом отключились от находки и смотрели вверх. Мелкие быстрые облака все больше превращались в тучки. Среди камней нарастал зябкий шелест ветра. Поблекло солнце.

— Ох, не нравится мне это, — признался Корнеич. И остальным не нравилось. Даже неопытный Кинтель ощутил боязливый холодок. Корнеич, хромая и чертыхаясь шепотом, полез наверх. Ребята тоже. И позади всех Кинтель с бронзовым мальчиком в кулаке.

Сверху видно стало, что южная часть неба затянута серой дымкой, солнце еле светит сквозь нее, а клочковатая облачность на фоне этой дымки густеет на глазах. Взъерошенное озеро было сплошь усыпано гребешками, чайки металась и скандально орали. Ветер стал жестким.

— Кажется, лето кончается, — объявил Не Бойся Грома. Он ежился и подпрыгивал, потирая ноги и локти.

— Судя по всему, влипли, — задумчиво проговорил Корнеич. — Вот ведь паразиты эти синоптики. А еще бастовали, повышения зарплаты требовали.

— Надо сматываться, — сказал Дим. — А то будет поздно.

— Боюсь, что уже поздно, — сумрачно откликнулся Корнеич. — Шквалы пойдут, завалит на галфвинде... Вон как свистит уже... Черт возьми, это я виноват. Знал ведь, что такие штучки бывают в мае, не смотря на благостные прогнозы...

— Ни в чем ты не виноват, — сказал Андрюшка Локтев. — Плыть-то все равно было надо. Без риска не проживешь.

— Рифы на гроте возьмем — проскочим, — предложил Паша Краузе. — Нам бы только до Петушка, а там берег прикроет.

— До Петушка-то сколько пилить, — возразил Корнеич. — На траверзе Кленового мыса запросто

может уложить, там даже в нормальную-то погоду часто дует, как из форточки... Вон, поглядите, уже будто солью посыпано.

И верно, белые гребешки сплошь покрыли озеро. Видно было, как длинные полосы ветра срывают пену, словно стараются причесать взлохмаченную, посеревшую воду. Солнце совсем исчезло, в ветре прорезался зимний холодок.

— Пошли вниз.

У берега, под защитой скал, вода оставалась довольно спокойной, но видно было, как в сотне метров уже вырастают волны. Костер продолжал уютно потрескивать, ветер почти не залетал сюда. Но все равно не осталось и намека на недавнее тепло. Теперь не только Не Бойся Грома — все ежились и прыгали. Корнеич велел надеть спортивные костюмы.

Между тем день темнел, обещая серьезную непогоду. Корнеич подозвал к себе старших: Пашу Краузе, Сержика Алданова, Юрика Завалишина и Дима — тех, у кого на левом оранжевом рукаве было пришито по четыре золотых угольника с капитанским вензелем. Но и другие слышали разговор командиров.

— Кабы без малышей, — сказал Сержик Алданов.

— А что делать? Это надолго, — заметил Паша Краузе.

— Может, на веслах попробовать? — нерешительно предложил Дим.

— Смеяться-то... — вздохнул Юрик.

Корнеич решил:

— Придется подождать.

— Это надолго, — опять сказал Паша Краузе.

— Понимаю, что надолго. Но бывает, что при таком похолодании первый фронт быстро проходит, и дуть начинает ровнее. Время еще есть...

Была половина пятого. А потемнело так, словно уже совсем вечер. Брызнуло мелким дождиком.

— Этого еще не хватало! — возмутился Корнеич. — А ну, хлопцы, давайте навес!

Тут Кинтель увидел на практике, какой тренированный народ в «Тремолино». Все кроме него, Кинтеля, даже Муреньш и Костик, знали свое дело. Вмиг были связаны из скрещенных весел стойки, на них положили реек с гротом и кливером, укрепили парусину и весла веревочными оттяжками. Кинтель все же успел удачно помочь Салазкину наладить пару оттяжек...

Дождь уютно зашуршал по парусной ткани, от углей потянуло под навес теплом. Сгрудились все под зыбкой матерчатой крышей. Тесно было — тем более, что для тепла надели поверх костюмов спасательные жилеты. Но в этой тесноте опять стало хорошо, надежно. Снова вспомнили про бронзового найденыша (и Кинтель обрадовался этому).

— Давайте поставим его перед всеми, — предложила Маринка. Мальчика поставили на плоскую

плитку гранита, и он — неунывающий — держал у плеча вскинутый кулак: «Не бойтесь, ребята, я с вами».

Юрик Завалишин ухитрился устроиться с гитарой.

Ты лишний раз не говори,
Как бриз качает фонари,
Как он летит по присмирившим переулкам...

Остальные начали подпевать. А Кинтель слышал эту песенку первый раз. Нет, оказывается, еще не все он знал про «Тремолино». Песенка была вроде бы шуточная, хотя и слегка печальная: о мальчишке, убежавшем из дома и сделавшемся пиратом.

...И не беда, что он пират,
Таким пиратам всякий рад,
А кто боится их, пусть пьет побольше брома.
Мы о секретах ни гу-гу
И лишь споём в своем кругу
Как жил средь нас пират
Анри Не Бойся Грома...

Виталка довольно сопел, будто песенка и правда про него. Тем более, что в свое время родители долго не пускали его в «Тремолино», и он прибегал в отряд украдкой. Пока не вмешался Корнейч...

Потом на мотив «Катюши» спели «Пиратскую тещу».

...У бабуся от ударов гиком
Вся в могоучих шишках голова...

Но чего-то все-таки не хватало в этих песнях для ощущения полной дружеской прочности. И тогда Юрик ударил по струнам иначе:

Над волнами нам плыть,
По дорогам шагать,
Штормовые рассветы встречать...

Тут заметнее других зазвенел ясный голосок Салазкина. Это была его песня. А Кинтель не столько пел, сколько для вида шевелил губами. Не потому, что стеснялся, а просто какой из него певец. Не голос, а одно сипенье. Но сердце его было все в этой песне.

Скоро день расцветет,
Словно огненный клен,

Голос горна тревожно-певуч.
Подымайся, мой мальчик,
Рассвет раскален...

После этого ничего уже не было страшно. Пускай хоть африканский торнадо свистит... И Кинтель вместе с другими гаркнул ура, когда Корнейч решил:

— Делать нечего, братцы, выход один: с попутным ветром до ближнего берега, это около полумили. Там, у Старых Сосен, рыбацья станция. Оставим у них шлюпку, а сами — на электричке. А то родители небось уже в полной панике...

Ближнего берега тоже не было сейчас видно за мглой и моросью. Но Виталик Не Бойся Грома бодро сказал:

— Не океан, мимо земли не проплывем.

— Да, но левее базы подводные камни, — предупредил Корнейч. — Если промахнемся, хряпнет за милую душу... — И велел: — Маринка, надо сделать треугольник. Будем поднимать к топу.

Отшнуровали четырехугольный шлюпочный кливер. Заложили верхний угол так, чтобы парус превратился в треугольный. Маринка взяла толстенную иглу, суровой ниткой притянула угол и края рядом с ним к парусине.

Залили костер, погрузили имущество. Сдвинули шлюпку дальше в воду. Подняли к верхушке мачты маленький парус-треугольник. Он задрожал, забил-ся. Все сняли, спрятали за пазухи береты — а то за-просто сдует.

— Данилка, садись на пайолы, к мачте, — сказал Корнейч. — А с тобой пусть Муреньш и Костик.

Кинтель понял: его, как самого неопытного, вместе с маленькими сажают вниз, в центр шлюпки, для балласта. Но он и не подумал обижаться! Тем более, что Корнейч сказал непривычно и ласково: «Данилка». Сроду никто Кинтеля так не называл.

Послушно и быстро — это все, что он мог — Кинтель сел на планковые слани, лицом к форштевню и парусу. Спинай прислонился к дощатой банке. Обхватил за плечи Муреньша и Костика, которые притянулись справа и слева. Стуча протезом, к рулю пробрался Корнейч. Ветер (здесь еще не сильный) дергал его медные космы. Юрик Завалишин, Сержик Алданов, Дим и Паша Краузе встали на носу с длинными веслами, уперлись рукоятями с вальками в дно и в береговой песок. Остальные без суеты расселись по бортам. Не Бойся Грома привычно ухватил кливер-шкот.

— С Богом, — сказал Корнейч.

Налегли на весла, закрипел песок, потом «Тортил-лу» качнуло на свободной воде. Капитаны попрыгали вниз, уложили весла вдоль бортов.

— Кливер на ветер...

Шлюпку стало разворачивать, все быстрее, быстрее, парус дернулся последний раз и надулся теперь уже как надо. Остров оказался за кормой. Сквозь шум ветра стало слышно бурление кильватерной струи. Кинтель оглянулся. Берег заметно отодвигался. Ветер ударил хлестко, с промозглым холодом. Сверху сыпался не то дождь, не то крупа. Набежала сзади волна, подняла и резко опустила шлюпку.

— Началось, — негромко сказала Маринка.

Салазкин сидел на бортовой банке между И-го-го и Андрюшкой. Встретился с Кинтелем глазами, улыбнулся — неловко, на себя непохоже.

Да что они все? Думают, что если Кинтель новичок, то у него душа в пятках?

Он ничуть не боялся! Если был нервный холод в мышцах, то от зябкости, от ветра, от мороси. А ни в какие несчастья Кинтель не верил! Тем более, что с ним талисман — бронзовый неунывающий мальчишка. Кинтель сунул его под трикотажную фуфайку, и уголок подставки покалывал ему живот...

Волны стали крупнее, подымали «Тортиллу» все размашистей. Мало того, еще и качали с борта на борт. Потому что гребни шли теперь не прямо с кормы, а наискосок.

— Корнеич, ты привелся, что ли? — сказал Паша. — Гляди, уже не фордевинд, а бакштаг.

— Это ветер зашел!

— Снесет нас... доннерветтер унд таузенд тойфель, как говорили мои остзейские предки...

— И каррамба, — подал бодрый голосок Костик у Кинтеля из-под локтя.

— И тысяча дохлых медуз за шиворот синоптикам, — сказал Сенечка Раух.

— Не гневите небеса, мальчики, — попросил Корнеич. Но поздно. Небеса ответили таким хлестким порывом, что шлюпку круто положило на левый борт, а Маринка тихо сказала «мама».

— Слевого борта — на слани! Паша и Дим, открывайте активнее! — велел Корнеич. — Женщины и дети, без паники...

— Сам ты «женщины и дети», — жалобно огрызулась Маринка. — Между прочим, я плавать не умею...

Все засмеялись.

— Она это каждый раз говорит, — сказал Салазкин оглянувшемуся Кинтелю. — А сама как русалка.

— В такой воде все русалки мигом передохнут, — заявила Маринка. — Градусов пять, не больше... Ай, мама... — Это новая порция ледяной крупы ударила по щекам. Кинтель проморгался и глянул вперед. Берега не было видно — свистящая мгла. Остров Шаман за кормой тоже исчез. Переваливаясь и хватая иногда бортом воду. «Тортилла» неслась вовсе не по черепашьи. Казалось, прошел уже целый час... Ветер стал суше, и вдруг полетели снежные мухи...

— Окрестность исчезла во мгле, сквозь которую летели белые хлопья снега, — сказал Сержик Алданов. — А, Эс, Пушкин, «Повести Белкина», «Метель». Недавно писали изложение...

— И кто мог подумать тогда, в какую переделку мы попадем! — в тон ему подхватил Юрий Завалишин.

Снег летел все гуще, застревал в волосах, липнул к парусу. Дунуло крепче прежнего, плеснуло гребнем через наветренный борт.

— Я так не играю! — возмутился Не Бойся Грома. — Шкот не удержать, возьмите кто-нибудь еще!.. Данилка, возьми ты!

Кинтель ухватил конец пенькового троса. Сильно дернуло кожу на ладонях. Но вдвоем держать — это не трудно.

«А что они сегодня, сговорились, что ли? Все Данилка и Данилка...»

Где же он, берег-то? Судя по времени, давно пора ему быть, вон какая скорость.

Опять хлестнуло — по тем, кто откренивал.

— Подо мной совершенно мокро, — пожаловался И-го-го.

— И подо мной, — сообщил Андрюшка Локтев. И верный своей склонности все уточнять, добавил: — Но не думайте, не потому...

— Знаем, почему... — неуверенно пошутил Костик-барабанщик.

«Батюшки, а это ведь настоящий шторм... И... значит, конец может быть всякий?»

Сенечка Раух звонко пообещал:

— Если все кончится хорошо, буду всегда слушаться бабушку и делать зарядку!..

— Грех давать невыполнимые обеты, — сказал от руля Корнеич.

— Я буду выполнять! Ну, не всегда, а хотя бы по выходным...

Кинтель оглянулся на Салазкина: как он там? Салазкин мотал головой, отплеываясь от снега. Так по-будничному...

«Тортиллу» опять подняло на волну, и тогда сквозь мглу и летящий снег замаячило впереди желтое пятно.

— Огонь впереди! — завопил Не Бойся Грома. — Справа по курсу! Приводись!

Шлюпка пошла было носом вправо, но ход сразу упал. Новые гребни ударили в борт.

— Не вырезаться под кливером! — крикнул Корнеич. — Капитаны, на весла!

Не очень ловко (попробуйте при такой болтанке), чертыхаясь и путаясь, вставили уключины, выдвинули две пары весел. Сели на них Паша, Дим, Сержик, Юрий. В помощь им встали напротив И-го-го, Салазкин, Сенечка, Андрюшка. Взмахнули, налегли... Лопасты то зарывались, то чиркали по гребням.

Темной массой проступил впереди берег. Фонарь светил оттуда сквозь летящий снег, будто желтая звезда. И кто-то неразборчиво кричал в мегафон. Шлюпка пошла на огонь.

— Нормально, братцы! Навались еще! — крикнул Корнейч. — А, черт! — это килем грохнуло о камень. Раз, другой. Стали...

Муреньш под боком у Кинтеля вскрикнул. Костик сказал:

— Не бойся. Раз камень, значит, уже неглубоко. Выберемся.

— Я не боюсь. Я ногу отсидел, больно... — Муреньш завозился виновато и сердито.

— Двое с веслами на корму! Толкаться! — приказал Корнейч. Но еще одна волна милостиво сняла «Тортиллу» с камня.

— Отставить! Нажмите, люди! Вот так...

Справа возник пирс, на нем стояли двое: большой и маленький. У маленького в руках сиял электрическим огнем рефлектор.

— Бери левее! — гаркнул мегафон. — Теперь прямо! Вот так, лады...

Качать перестало. Волны безвредно бились о бетонную стенку гавани. «Тортилла» по инерции шла к причалу.

— Егоров, ты, что ли?! — крикнул с кормы Корнейч.

— Кто как не я!.. Ваш Васильич мне трезвонит каждые пять минут, волосы на себе рвет: как вы там на Каменном!.. И у него катера нет, и у меня мотор, по закону подлости, разобран. Хотели уже звонить «Буревестнику», просить, чтобы крейсерскую яхту за вами послали. Или милицию на ихней плавучей платформе...

— Этого еще не хватало, — сказал Корнейч.

Егоров оказался молодым дядькой со шкиперской бородкой. Его помощником — Федор, белоголовое существо лет восьми в резиновых сапожищах и ватнике до колен. Федор по-хозяйски сказал:

— Пап, я чайник на плиту поставлю. — И с фонарем зашагал к домику.

В шумном бестолковом разговоре, в сетованиях на подлую погоду закрепили у пирса шлюпку, убрали парус, вынесли на причал Муреньша, растерли ему ногу. Он стеснялся недавних слез, сопел. Паша Краузе взял его на руки.

Егоров повел ребят в дом. Корнейч поспешил вперед — звонить дяде Грише, чтобы не поднимал паники.

В дощатой комнате с табуретками и голым столом было тепло. Показалось, что жарко даже. Скинули спасательные жилеты, постыгивали промокшие спортивные костюмы. Хотели уложить Муреньша, но он уже ступал на ногу, только прихрамывал.

И-го-го сказал Кинтелю:

— Все по правилам. Приключение.

Мы давно уж ждали старта,
Не сиделось по домам,
И таинственная карта
Привела нас на Шаман.
Грунт на острове не мягок,
Но отрыли старый клад.
И сперва была штормяга,
А потом пошло на лад...

Это я прямо в шлюпке сочинил, прямо сейчас...

— Лермонтов, — сказал Кинтель искренне. — Евтушенко... — Он радостно ежился. Теперь казалось, что все это — волны и снежные вихри — длилось лишь минуту.

Салазкин проговорил покаянно:

— Все из-за меня. Корнейч правильно говорил: будет ЧП.

Андрюшка Локтев решительно восстановил справедливость:

— Если бы не ты, ничего бы не нашли. Это ведь ты буквы на камне отчистил!.. Данилка, ты Сане должен самолично рубашку выстирать. В благодарность...

— Ладно, — счастливо пообещал Кинтель.

— Вот еще, — притворно надулся Салазкин. Уселся на табурет, привалился к стенке, привычно потянулся к родинке на покрытом размытой зеленкой колене.

— Опять! — прикрикнул Кинтель. — Дам по пальцам!

Салазкин засмеялся, болтнул ногами в отсыревших кроссовках. Одна сорвалась, ее поймал на лету Сенечка Раух.

— Без выкупа не отдам!

— Возьми на память! — веселился Салазкин. — Чтобы не забыл, как обещал слушаться бабушку и делать зарядку!

— Только по воскресеньям!..

Кинтель вдруг ощутил толчок неожиданного горячего счастья. Оттого, что все именно так. Шторм позади, все вокруг радуются, а бронзовый мальчик — клад! — вот он, в кулаке. И еще от понимания, что именно сегодня он, Кинтель, Данька Рафалов (Данилка!) стал в «Тремолино» окончательно своим.

Пришел Егоров с пышущим чайником. Федор тащил за ним связку эмалированных кружек. Следом появился Корнейч. Сообщил, что успокоил по телефону дядю Гришу (а то он и правда хотел уже водную милицию о помощи просить). А еще позвонил Тане, чтобы всем родителям, которые начнут трезвонить и справляться о судьбе своих чад, сообщала: целы-невредимы, едут электричкой...

После чая все осоловели. Двигаться было лень, и даже разговаривать не хотелось. Сонно ждали, когда развешанные у горячей печурки высохнут спортивные штаны и фуфайки. Но скоро оказалось, что теплые костюмы не так уж нужны: за окном резко светлело и так же стремительно возвращалось тепло. Таяли на траве остатки снега, выкатилось солнце. Оно опять грело сквозь рубашки плечи, когда ребята выскакивали из дома. Недавно казалось, что на дворе поздний вечер, и вот, пожалуйста, опять день. В мае в семь часов — еще яркое солнышко...

Будто не было ни мглы, ни снежного шквала!

Когда шли на станцию Старые Сосны, выбрались на шоссе. По нему катил пустой автобус «Уралец». Наверно, с какой-то спортивной базы. Корнейч голоснул. Автобус затормозил. Корнейч поговорил с водителем.

— Ну, садитесь, — добродушно разрешил пожилой дядька. — Как не подвезти, если вы такие красивые... А я думал, пионеры у нас перевелись.

— Не все, — гордо сказал Костик-барабанщик. — Те, которые морские, они живучие...

Ух как уютно было ехать в этом, будто специально для них посланном «Уральце»! Он катил ровно, ласково урчал мотором. Кое-кто стал клевать носом. Но Корнейч вдруг сказал:

— Данилушка, покажи-ка еще нашего найденьща. Теперь самое время.

И все сгрудились у сиденья, где ехали Кинтель и Салазкин. Бронзовый мальчик опять пошел по рукам.

— Смотрите-ка, здесь что-то написано! — обнаружил И-го-го. — Латинские буквы...

По краю бронзовой подставки была выбита мелкая надпись: M.BAUER.

— Бауэр — по-немецки «крестьянин», — сказал Паша.

— А «Эм» — значит «маленький»! — сунулся Костик. — Маленький крестьянин.

— «Маленький» по немецки «кляйнер», — возразил Паша.

— Эм Бауэр — это, наверно, имя мастера, который делал статуэтку, — решил Корнейч.

— Виталик, он на тебя похож, — сказала Маринка.

— Конечно! — Не Бойся Грома выскочил в проход между сиденьями, встал горделиво — кулак над плечом. — Салют!

— Неужели тогда уже были такие салюты? — удивился И-го-го.

— А может быть, он скаут? — предположил Костик. — Они ведь были еще и до революции.

— Ну да! Без галстука-то! — заспорил Виталик. — И у скаутов не такой салют, у них три пальца вверх... Корнейч пригляделся.

— А по-моему, он что-то держал в кулаке. Взгляните-ка, кулак вроде бы просверлен...

И правда, под сжатыми пальцами был круглый проем. Словно когда-то кулак мальчишки сжимал не то палку, не то дудку.

— Может, подзорную трубу? — сказала Маринка. — Вдруг это маленький капитан?

«А если не подзорную, а сигнальную?» — подумал Кинтель. Но постеснялся сказать. Да к тому же сообразил: изогнутую трубу не просунешь в бронзовый кулак...

— Если и держал что-то, теперь уже не узнать, — заметил Дим. — Да и зачем? Пускай считается, что он приветствует нас...

Сенечка Раух взял статуэтку, повернул к свету.

— Весь темный, а нос блестит! Вот! — На задорном носу бронзового мальчишки зажглась от низкого солнца искра.

— Потому что нос — он самый выступающий, — внес ясность Андрюша Локтев. — Пальцами натерли, хватают все.

— Нет, — сказал Сенечка, — локти и кулаки тоже ведь выступающие, а не блестят. А то, что искра на носу, я сразу увидел. Там, на Шамане...

(Окончание следует)

В следующем номере: очерки Марка КОСТРОВА «Рдейский рай», Юния ГОРБУНОВА «Малуша-любчанка», окончание романа Владислава КРАПИВИНА «Бронзовый мальчик», главы из романа Конрада ЛИНЦА «Свет и кровь Галагара», НФ рассказы Сергея ДРУГАЛЯ «Закон равновесия» и Говарда ЛАВКРАФТА «Таинственный высокий дом в тумане»; интервью с Олегом Табаковым; материалы под рубриками: "Одиннадцать уроков из уральской истории", "Краеведческая копилка", "Страна топонимия", "Заочный КЛФ", "Музыка и мы", "Кто во что горазд", "Мир на ладони".

Напоминаем тем, кто по различным обстоятельствам не смог получить предыдущие номера за первое полугодие: стоимость одного экземпляра — 450 руб плюс почтовые расходы, которые вам назовут в местном почтовом отделении.

Журналы рассылаются в течение 10-ти дней после получения редакцией денежного перевода.

Наш адрес: 620219, Екатеринбург, ГСП-353, ул. Декабристов, 67

Геннадий БОРДИНСКИХ

Город без точки на карте

Судьба городов, как и людей, не одинакова. Одни доживают до глубокой «старости», жизнь других скоротечна. А некоторым и совсем не повезло. Одни превратились в деревушки и села, а другие остались только на страницах летописей, от третьих же не сохранилось даже имени.

Есть такие «исчезнувшие» города и в пермском Прикамье. Русские летописи, например, называют здесь пять городков: Чердынь, Искор, Покчу, Урос, Анфаловский. Из этих городков до нашего времени дожила только Чердынь, остальные, как города, прекратили свое существование.

В XVI-XVII веках возникли Соликамск, Кунгур, Канкор, Орел-городок, Нижний и Верхний Чусовские. Четыре последних тоже можно отнести к числу «исчезнувших». В конце XVII века на карте появляются новые города, но два из них — Обвинск и Дедюхин — не смогли сохранить свой статус. И, наконец, в советское время список исчезнувших городов пополнили Коспаш, Углеуральск, Боровск, Молотово (Мотовилиха, не путать с г. Молотов-Пермь).

Мы расскажем об одном таком «исчезнувшем» городе — Уросе. В русских летописях он впервые упоминается в 1472 году. Тогда в Пермь Великую Иван III направил русскую рать под командованием князя Федора Пестрого. Сам Федор пошел на Искор, а воеводу своего, как гласит летопись, отправил «на Урос, на Покчу, да на Чердыню.» Из этих городков Пермь Великой Уросу особенно не повезло. Им мало кто интересовался и какой стороны его истории ни коснись, всюду одни вопросы. В большинстве летописей городок именуется «Урос», а в местной Вычегодоко-вымской на-

зван Уромом. Когда он возник — тоже неизвестно. Что стало с ним после 1472 года, по завершению похода князя Федора Пестрого и где его искать на карте — тоже знаки вопроса.

Впервые попытался разгадать загадки Уроса В. Берх, автор хорошо известной краеведам книги «Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей.» В 1819 году он провел археологические разыскания в урочище Пустой Урол, близ д. Урол. Здесь, по преданию, были похоронены убиенные в какой-то битве. На могиле была поставлена часовня и дважды — в первое воскресенье петрова поста и 20 июля — сюда совершались крестные ходы. Однако раскопки ничего не дали. В. Берх пытается искать в соседнем урочище, называемом «Побоище». Там результат был более обнадеживающим. Нашли фрагменты «чудской» керамики, угли. И В. Берх пишет: «Нельзя оставить без внимания созвучие слов Урол и Урос... Это созвучие скрывает за собой тот потерявшийся город Урос, который взял Гаврило Нелидов после жаркого боя в 1472 году; если это не древний Урос, то от какой битвы осталась могила убиенных? Бывшие, после взятия Чердыни, набеги и происходившие при этом битвы сохранены народной памятью и отмечены церковью.» Логика здесь есть: в урочище Побоище происходит битва, убитых хоронят рядом в урочище Пустой Урол. Но В. Берх так и не нашел места, где стоял городок.

Известный пермский краевед начала нашего столетия И. Я. Кривошеков в «Географическо-статистическом словаре Чердынского уезда» выдвинул другую гипотезу: «Берх в 1819 году искал древний городок Урос, но не обратил внимания на деревни Кушеву и Уросову, (расположены на р. Бигичевке, притоке Колвы, в 2-х и 5-ти км. от с. Цыдва), где и жители даже носят

фамилию созвучную древнему Уросу—Уросовых, несомненно потомков жителей исчезнувшего городка. Летопись говорит, что городок Урос оказал такое же сильное сопротивление, как и Искор, почему и был уничтожен или вернее стерт с лица земли. Само название Кушевой, т.е. пустой или опустевшей деревни как бы намекает на местонахождение исчезнувшего чудского городка. Сопоставляя с этим близлежащее урочище Кочумову яму, можно надеяться в будущем воскресить исчезнувший городок Урос.» Кривошеков, как и В. Берх, посетил предполагаемое местонахождение городка, но каких бы то ни было следов его не нашел.

Шли годы, Уросом по-прежнему мало кто интересовался. Если и вспоминали, то обычно попутно с чем-нибудь, чаще всего в связи с походом 1472 года или с поисками Анфаловского городка. Практически все склонялись к гипотезе В. Берха, а о И. Кривошекове никто и не вспоминал. Лишь однажды промелькнула свежая мысль, правда, тоже основанная на созвучии названий — о возможном нахождении Уроса на р. Уролке, близ с. Уролка Соликамского района.

В 1954 году И. А. Лунегов, тогда директор чердынского краеведческого музея, между урочищем Пустой Урол и деревней Урол обнаружил городище. Занимало оно довольно значительную площадь — около гектара, было укреплено двумя валами и рвами. Раскопки были проведены только в 1981 году. Руководил ими В. А. Оборин, крупнейший специалист по средневековой истории Урала. Обнаружилось, что поселение было сильно укреплено и располагало металлургическим производством, действовавшим в XI-XV веках. В верхнем слое, который нас более всего интересует, была найдена вымская (предки коми) керамика и русская гончарная посуда XV века, несколько предметов вооружения.

В. А. Оборин предположил, что это и есть летописный Урос. Кажется, все сходится: есть укрепленное поселение, причем довольно крупное, в XV веке оно было обитаемо. Рядом с ним находится урочище Побоище, само название которого говорит о каком-то сражении, тут же часовня над древней могилой... Но вернемся к нашей летописи. В ней сказано, что по окончании похода в Пермь Великую 1472 году, «ратные люди пришли все в целости», «рать вся цела». Выходит, что жаркой схватки под Уросом не было, а значит не было и убитых. Значит, урочище Побоище и часовня над могилой к событиям 1472 года не имеют отношения. Таким образом, и эта версия сомнительна.

Возможны ли другие варианты? По нашему мнению — да.

На той же реке Челве, где находится описанное выше городище, есть другое древнее поселение. Местный краевед Ф. Чемов находил там в разное время средневековые предметы: часть жернова, фрагменты керамики, костяную рукоятку ножа, наконечник копья, боевой топор, части украшений... Все это хранится в Чердынском краеведческом музее. Но руки археологов-профессионалов пока не дошли до этого городища.

Другая версия тоже основана на созвучии. Кроме деревень и урочищ с названием Урос, в междуречьях Камы и Вишеры есть небольшая речка Урол. (Кстати, по мнению специалистов, изучающих топонимику, названия рек значительно устойчивее, чем названия поселений). На берегу этой речки тоже есть городище. В археологической литературе за ним укрепилось название Корнинское. Но это сейчас, а раньше, 500 лет назад, оно могла называться и по другому. Может быть, имя его было созвучно с названием реки? По площади Корнинское городище не меньше Урольского, а укреплено лучше — его защищают три вала и рва.

Пока же Урос (Уром), когда-то один из центров Перми Великой, так и остается «исчезнувшим» городом.

г. Соликамск

Аркадий КОРОВИН

Три «ипостаси» Ивана Белова

В начале прошлого века управляющим Нижнетагильскими горными заводами Демидовых состоял крепостной человек Дмитрий Васильевич Белов. Семья Белова являла собой яркий образец крепостной заводской интеллигенции. Все три его сына получили высшее образование в Петербурге и оставили след в русской уральской культуре.

Василий Дмитриевич был горным деятелем, членом Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) и автором нескольких историко-экономических трудов.

Краеведческими статьями другого его сына — А. Д. Белова буквально-таки пестрела уральская газетная пресса.

Но особенно благодарной памяти заслуживает третий сын управляющего — Иван Дмитриевич Белов, педагог, беллетрист, переводчик. На всех этих поприщах остался он фигурой заметной, незаурядной.

В педагогике был одним из тех, кто ввел в учебный процесс родиноведение. Будучи инспектором учительской семинарии в городе Павловске под Петербургом, он в 1874 году написал «Руководство к родиноведению», имея в виду «ознакомление ребенка с окружающим его миром при посредстве наглядного обучения». Этот труд не был у Белова случайным: до него несколько изданий выдержали беловские руководства для сельских учителей с приложением образцовых уроков по родино-

ведению, отечествоведению, естествознанию... Едва ли не впервые он ввел в эти руководства раздел краеведческой библиографии. Словом, Ивана Белова, нашего земляка, уроженца Нижнего Тагила, можно считать пионером методики краеведческой работы в школе.

Впрочем, по педагогике И. Д. Беловым написана и издана целая библиотечка книг: учебник «География для народных школ», «Руководство к педагогике», несколько методических пособий, «Педагогические письма матерям семейств», любопытные наблюдения учителя «Из жизни», где он настойчиво обращается к разуму, самостоятельности и творчеству учащихся.

Интересно, что с замечательным романом Даниеля Дефо «Робинзон Крузо» русский читатель второй половины XIX века знакомился в основном по переводам Ивана Белова. Ведь переводы эти выдержали несколько полных изданий. Первое под названием «Путешествия и удивительные приключения Робинзона Крузо» появилось в свет в петербургской типографии М. О. Вольфа в 1866 году, второе — через четыре года. А затем в 1874-м под грифом «Зеленая библиотека» читатели получили 500-страничный полный перевод уже ставшего знаменитым романа. Он повторялся в 1899, 1912 годах. А еще через три года роман в переводе И. Белова вышел в красочном исполнении.

Тагильчанин не только перевел художественную прозу, но и сам пробовал в ней свои силы. Его повесть «Винувата ли она?» выходила трижды. Им написаны и изданы два томика рождественских рассказов для детей. В форме дневника написаны «Путевые письма по Германии». А журнал «Русский вестник» в 1884 году напечатал оригинальное исследование И. Д. Белова «Русская история в народных поговорках и сказаниях».

Кстати, десятки беловских произведений остались разбросанными по страницам петербургских, московских, казанских, уральских журналов и газет. Известный историк литературы И. Ф. Масанов в своем четырехтомном словаре учел одиннадцать криптонимов и псевдонимов Белова, среди коих есть и такие: «Педагог без учеников», «Один из подписчиков»...

*г. Заречный,
Свердловской обл.*

Вера УСТЮГОВА

Смышляев в Палестине

Осенью прошлого года в Перми прошли третьи Смышляевские чтения, посвященные 100-летию со дня смерти уральского историка. Печатаем в сокращении одно из выступлений, прозвучавших на Чтениях.

Нам хорошо знакомо имя Дмитрия Смышляева — краеведа, земского деятеля, библиографа. С ним, например, связаны два выпуска «Пермского сборника» и 34 «Сборника пермского земства», без которых трудно себе представить историю нашего края. Но мало кто знает, что Дмитрий Дмитриевич был первым уполномоченным в Иерусалиме императорского православного Палестинского общества. Да он, собственно говоря, явился и одним из его создателей.

Еще в 1865 году под тяжелым впечатлением утраты дорогих ему людей у Смышляева возникает потребность посетить святые места Палестины, обрести утешение и душевный мир. Он почувствовал, что нуждается не в одном только интеллектуальном просвещении, но и в просвещении духа. Тогда-то столкнулся он с бытом и нравами русских паломников и

увидел необходимость помочь им.

Оказалось, что далеко не все они странствуют из благочестия, а подчас из страсти к бродяжничеству и тунеядству. «Смиранный прошатай милостыни... русский странник за границами России совершенно перерождается, — писал Смышляев в одном из очерков. — Он становится груб и неприступен; слова молитвы, привлекавшие к нему участие в отечестве, сменяются бранью и наглými выходками... Взаимные ссоры и препирательства не прекращаются в этой толпе, которая валит к святому граду, возбуждая к себе общее отвращение своей грубостью, нечистоплотностью и озорничеством. Находя в Иерусалиме прекрасные даровые помещения, странники не спешат обратным путешествием, питаются хлебом, луком и водкой, они бродят по церквам и монастырям, видимо, безучастно относясь к святыне...»

Что и говорить, хорошенькая картинка!

Впрочем, и европейцы, проживающие и путешествующие в Палестине, тоже не радовали Смышляева. Многие вели здесь подчёркнуто светскую жизнь, устраивали масонские ложи, клубы, пикники, танцевальные вечера и музыкальные кружки, разрушая тем самым духовную атмосферу.

Палестинское общество возникло в 1882 году под председательством великого князя Сергея Александровича. Оно вело научно-исследовательскую работу, поддерживало православие на Святой земле, укрепляло его позиции на Востоке строительством православных церквей и школ.

Участвуя в создании Общества, Смышляев надеялся внести порядок и благоустроенность в жизнь русских паломников, создать здоровый духовный климат в их православной общине. Он помогал строить и благоустраивать русское подворье в предместьи и в

самом Иерусалиме близ храма Воскресенья.

Его светлый ум, хозяйственные и организационные способности, опыт земского деятеля нашли здесь удачное применение и были оценены. Смышляева возвели в кавалеры Гроба Господня, избрали почетным членом Общества, он получил орден Св. Владимира III степени. Портрет нашего земляка был установлен в русском подворье в Палестине.

У Смышляева завязалась дружба с начальником русской духовной миссии отцом архимандритом Антоном. Это был человек широко образованный, начитанный, слыл библиофилом и лекционером. Кроме того, Смышляев нашел в нем земляка: архимандрит был родом из Пермской губернии, воспитывался Пермской духовной семинарии и даже приходился Дмитрию Дмитриевичу дальним родственником.

Смышляев много писал о своих путешествиях на Восток. Опубликованы его очерки «Синай и Палестина», «Мертвое море и нечестивый Пентаполь», «Воспоминания о Востоке» и другие. Много печаталось в периодических изданиях Перми и столичных городов.

Воспоминания и путевые очерки Смышляева образны и остроумны. Описание городов, храмов и других святых мест сопровождается экскурсами в их историю. Поражает при этом прекрасное знание автором библейских текстов, и всего, что написано о востоке историками и паломниками. Он наблюдает жизнь, быт, нравы, верования и обычаи разных народов, стекающихся в Палестину со сего мира, размышляет над судьбами различных религий, его огорчает их непримиримая вражда, а также плачевное положение православия на Востоке. Он считает, что только Россия может поднять его авторитет. И этой цели должно служить православное Палестинское общество.

Дмитрий Дмитриевич был в курсе всех современных ему исследований в области библейской истории. Науку он не противопоставлял религии. Наука, считал, это источник правоты и верности христианского учения. «Исследования и открытия последних лет в области археологии, филологии и Естествознания, — утверждал Смышляев, — не только не противоречат священным сказаниям, но зачастую поразительно, а для многих неожиданно, ясно подтверждают их истину». Примером тому, по его мнению, служит легенда о гибели городов Содомы и Гоморры и образование на их месте Мертвого моря. Ученые тогда установили, что южная мелкая часть моря была некогда сухой, затопленной в результате какого-то геологического катаклизма. Было сделано заключение, что здесь и существовали библейские города, подвергшиеся, по преданию, страшной каре...

г. Пермь

Игорь ПОРОШИН

Фон Зигель из Белой Холуницы

Более чем двухвековая история Белохолуницкого машиностроительного завода сохранила имена многих мастеров, но одно из них оказалось незаслуженно забытым — имя управляющего Холуницким округом конца прошлого столетия Андрея Андреевича фон Зигеля. Музеи, архивы, библиотеки, а также воспоминания его потомков помогли мне восстановить справедливость.

Зигели — старинная уральская семья обрусевших немцев. Андрей Андреевич родился в 1845 году. Отцом его был берг-гауптман. В чине поручика Зигель окончил институт корпуса горных инженеров и практиковался на уральских

Гороблагодатских заводах. Потом его командировали на Алапаевский завод для изучения устройства печи Сименса и в Нижнесалдинский завод — поучиться приговору широкогополосного железа.

1872 год А. А. фон Зигель провел в заграничной командировке на заводах Швеции, Бельгии, Германии и Австрии. По возвращении работал управляющим Серебрянского, а затем Баранчинского заводов, пользуясь уважением сослуживцев. Когда он в 1882 году уходил служить на Холуницкие заводы в Вятскую губернию, служащие конторы и инженеры округа поднесли ему золотые карманные часы.

Почти двадцать лет А. А. фон Зигель служил управляющим округом Холуницких горных заводов. При нем на Главногохолуницком (Белохолуницком) заводе обновилась пудлингово-прокатная фабрика с болваночным станом и гидравлическим двигателем, появились новая листокавальная и листопробивочная фабрики. На Климовском заводе сооружены тоже новые газовые рудообжигательные печи, воздухонагревательный аппарат и доменная печь, которая заменила две старые. Многие изменилось и на Чернохолуницком, Залазнинском заводах Вятской губернии.

Сотрудниками А. А. фон Зигеля в этих переменах были молодые русские инженеры, в частности, М. А. Павлов, будущий академик, герой Социалистического труда. В своих «Воспоминаниях металлурга» он так характеризовал Андрея Андреевича: «Приятный в обращении, мягкий и доброжелательный человек... У Зигеля управление основывалось на доверии к людям, которым поручалось то или иное дело... Контроль за работой никогда не переходил в форму мелочных придирок... Тем не менее железо Холуницких заводов продавалось на ярмарке по той же цене, что и омутнинское, а за двадцать лет управления Зи-

гелем заводами не утонула ни одна барка. Мягкое обращение и доброта Зигеля делали то, что в округе его никто не боялся, а любили почти все».

По сей день украшают Белую Холуницу здания главной конторы заводоуправления, дома управляющего (ныне школа № 2), каменного заводского магазина (ныне гастроном № 1). Заводские конторы и дома для служащих Зигель построил и на других заводах. В пору его управления появились пять зданий больницы Холуницких горных заводов, часть которых используется и ныне, построено семь зданий мужских и женских школ и мастерских, помещение зрительного зала (Народный дом, ныне заводская библиотека и музей). Здесь размещалась бесплатная библиотека, устраивались народные чтения с туманными картинками и любительские спектакли. Кстати, библиотека эта была основана на собственные средства Андрея Андреевича: он пожертвовал на книги 250 рублей (сумма по тем временам немалая) и еще ежегодно выделял по 25 рублей на газеты и журналы. Заметим, что это был не толстосум какой-нибудь, а всего лишь управляющий, живущий на жалованье.

В Белой Холунице А. А. фон Зигель возглавил потребительское общество, и при нем оно увеличило оборот с 50 до 150 тыс. рублей. По настоянию управляющего открылось в Холунице благотворительное общество, которое имело два дома и располагало солидным капиталом.

При Зигеле же была учреждена «эмеритальная заводская касса», из нее выплачивались пенсии заслуженным, престарелым и получившим увечья мастерам. Он попечительствовал над школами, библиотеками, Троицким церковным приходом... «Только тот, кто знает, как медленно двигался прогресс на Урале и с каким трудом приобретались там средства для обновления заводов, может

вполне оценить заслуги Андрея Андреевича», — писал «Горный журнал» 1906 года.

После Холуницы Зигель около двух лет управлял Нижнетагильским заводским горным округом. А в 1903-м Зигели переехали в Петербург, где Андрей Андреевич стал одним из директоров товарищества Сергино-Уфалейских заводов.

Умер фон Зигель на 61-м году жизни от грудной жабы.

На этом можно было бы и закончить, но любопытны и личности родственников управляющего. Упомянутый нами Михаил Александрович Павлов, служа в Холуницком округе, стал зятем Андрея Андреевича, женившись на одной из его дочерей — Ольге. Младшая дочь Зигеля — Варвара — одна из первых женщин России получила высшее медицинское образование. Выйдя затем замуж за Станислава Бендаржевского, тоже врача, она уехала в Польшу и многих польских женщин приобщила к медицине. Умерла она в апреле 1964 года в Варшаве.

Второй женой не молодого уже Зигеля стала 18-летняя Людмила Болеславовна Антошевская, дочь мирового судьи.

Из биографии С. М. Кирова известно, что когда из их семьи

ушел отец и заболела, а потом и умерла мама, с осиротевшими Анной, Сережей и Елизаветой пришла жить их бабушка по отцу Меланья Авдеевна Кострикова. В книге воспоминаний о Кирове «Это было в Уржуме» читаем: «Знакомых, которые помогали нам учиться, много. Стоит рассказать хотя бы об одной такой «покрывальнице». Тогда она нам представлялась по меньшей мере «доброй феей». Это изумительной красоты молодая женщина, дочь бывшего бабушкиного хозяина, барина Антошевского, ставшая госпожой фон Зигель. Она явилась в нашу бедную квартиру в кружевах, бархате, замше, серебре и еще бог знает в чем. Явилась проведать Меланью Авдеевну. Когда-то бабушка вынянчила ее на своих руках. Воспитанница очень привязалась к ней. И вот теперь, уже взрослая, пришла к своей няне.

Увидев, в каком затруднительном положении ее «няня Меланья», мадам фон Зигель достала из своей расшитой серебром миниатюрной сумочки какую-то сумму денег и вручила ее бабушке «на Анютино ученье». С тех пор она регулярно присылала немного денег, отдавала нам кое-что из одежды своих детей. Она помога-

ла бабушке до той поры, пока мы не подросли и не смогли своими руками зарабатывать себе возможность учиться...»

«Добрая фея» семьи Костриковых — это и есть вторая жена А. А. фон Зигеля Людмила Болеславовна. В Белой Холунице она пользовалась доброй известностью. Она открыла в поселке кружевную школу, где получили специальность десятки девочек из семей заводских рабочих и крестьян окрестных деревень. Наиболее способных отправляли даже для продолжения образования в Петербург, в Мариинскую промышленную школу. В 1900 году кружева из Белой Холуницы были отмечены золотой медалью на выставке в Париже...

Правнук Зигеля москвич Дмитрий Игоревич Павлов вспоминает:

«Людмила Болеславовна пережила своего супруга на 36 лет. Перед войной, кажется, занималась переводами с французского, польского... Несмотря на свой весьма преклонный возраст, у нее был очень веселый общительный нрав...»

Д. И. Павлов помог атрибутировать и публикуемый нами снимок.

*г. Белая Холуница,
Кировской области.*

На снимке: семья Зигелей с родственниками. Второй слева во втором ряду сидит А.А.фон Зигель, третья — Людмила Болеславовна фон Зигель, рядом с ней ее сестра Виргиния Антошевская, в третьем ряду второй слева М.А.Павлов, шестая — Варвара Зигель. Снимок сделан в Белой Холунице летом 1901 года.

Людмила ЧЕКМЕНЕВА

Птица Сири́н на ромашковом лу́гу

Когда екатеринбургскую художницу Вианору Вианоровну Вишню спросили, какими бы она хотела видеть людей, она ответила: «Улыбающимися». Ее декоративная роспись по дереву действительно одаривает радостью, помогает отключиться от тревог и забот, с оптимизмом смотреть в будущее. Ее искусство упорно не желает замечать человеческой алчности, корыстолюбия, жестокости, не хочет верить и в «роковую судьбу России», о которой сейчас так много говорят.

На выставку ее работ люди приходят зачастую сумрачные, в глазах озабоченность и тревога. И вдруг попадают в удивительный мир фантазии и сказки. Росписи словно излучают солнечный свет, он проникает в душу и рождает ответное тепло. Разноцветной радугой переливаются краски, превращаясь в сказочных жар-птиц, диковинных грифонов, девиц-красавиц. Искусство В.В.Вишни праздничное, ликующее.

Роспись по дереву - один из самых ярких жанров в народном искусстве, тесно связанный с бытом. Она широко использовалась в убранстве крестьянских изб, украшении предметов быта: прялок, посуды, игрушек.

В росписях Вианоры Вишни соединились традиции народного творчества с ее собственным оригинальным стилем, который отличают богатство фантазии, композиционное умение и мастерство колорита.

Когда же проснулся в ней художник? Может быть, еще в далеком детстве, на том ромашковом лу́гу возле тихой речки, заросшей ивняком?

Работая в мастерской, накладывая мазки, В.Вишня видит эту картину: деревенский домик весной - в буйном цветении черемухи, а осенью - в костре рябин...

В 1958 году Вианора Вианоровна поступает в художественную студию М. В. Дистергефта в г. Нижнем Тагиле, но занятия там были непродолжительными: появилась семья, надо было заканчивать УПИ (по специальности она - инженер-строитель). Настоящее увлечение искусством появилось с занятиями сына Игоря у требовательного и вдум-

чивого педагога Виктора Готлибовича Гардта. Это был их общий учитель и наставник. Под его руководством они с сыном работали над рисунком и живописью.

Цвет и фантазия доминируют в творчестве художницы. Ее талант буквально выплеснулся уже в зрелом возрасте. Она оставила работу инженера, престижную для женщины должность и занялась творчеством. Друзья не понимали, как можно решиться на такое.

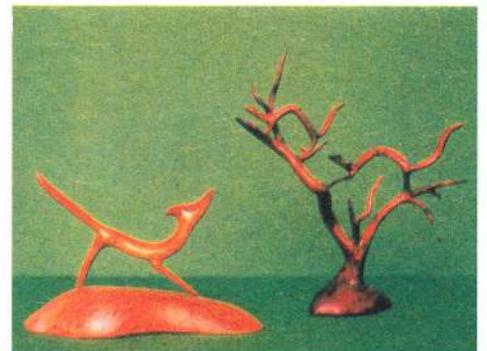
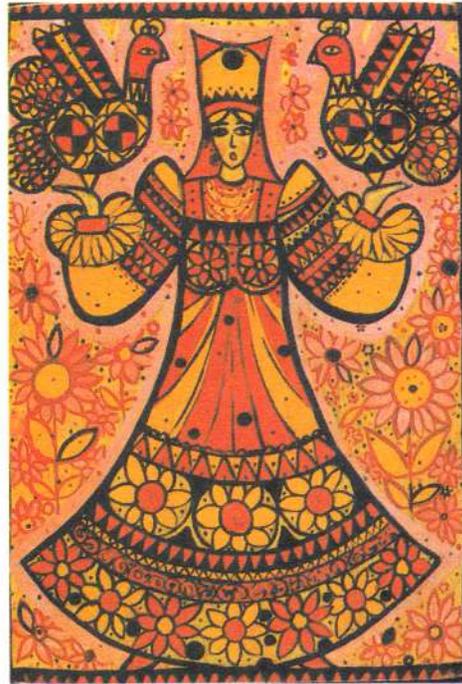
Искусство В. Вишни несет в себе отзвуки прошлых времен. На ее досках буквально оживают грифоны, жар-птицы, кони, петушки, пришедшие к нам из далекого далека. Птицы - ее излюбленный сюжет. Сказочно таинственные, они загадочно смотрят на нас из тончайшего хитросплетения узоров.

Много путешествуя по стране, а особенно по любимому ею «Золотому Кольцу», художница вглядывалась в изображенных на стенах соборов львов, драконов, цапель, лисиц и сказочную птицу Сири́н. Многие из них ожили теперь на ее досках. Рядом со сказочными персонажами в ее творчестве живут и реальные, опозитизированные: конь, корова, кот. Хотя порой и здесь есть элементы фантастики.

В росписях В. Вишни как бы воплотились разные виды искусства: иконопись, лубок, русская набойка и даже некоторые черты дымковской игрушки. Что-то игрушечное есть, например, в ее «Коньке», в «Коровушке» - крестьянской кормилице с рогами наподобие месяца и добрыми глазами. Как не улыбнуться, глядя на «Кота», напоминающего по изображению детский рисунок, на «Всадницу» в юбке колоколом, гарцующую на рыже-красном коне, точно сошедшую с лубочной картинки. Художницу «учит» и старинная икона, и игрушка, и лубок, и залитый солнцем разноцветный луг. Однако ее росписи «говорят» своим языком, их не спутаешь ни с какими другими.

Работы В. Вишни созданы не только красками, а душой и любовью ко всему живому и прекрасно-му.

Слайды В. Донецкого

ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ –

царство тундр и каменных россыпей.

Лес узкими лентами и отдельными пятнами сопровождает только долины крупных рек. В ветреную погоду жизнь в горной тундре течет незаметно, и можно прошагать десятки километров, никого не встретив. Лишь изредка пискнет где-то рядом лемминг или сорвется с места прямо из-под ног куропатка. Но в безветренные часы июльских дней в тундре трудно не заметить обитателей. Мириады комаров преследуют путника. То тут, то там мелькнет бабочка: рыжая – перламутровка, светлая – желтушка, коричневая – сатир энейс. Прогудит шмель или прынет с земли бабочка-совка...

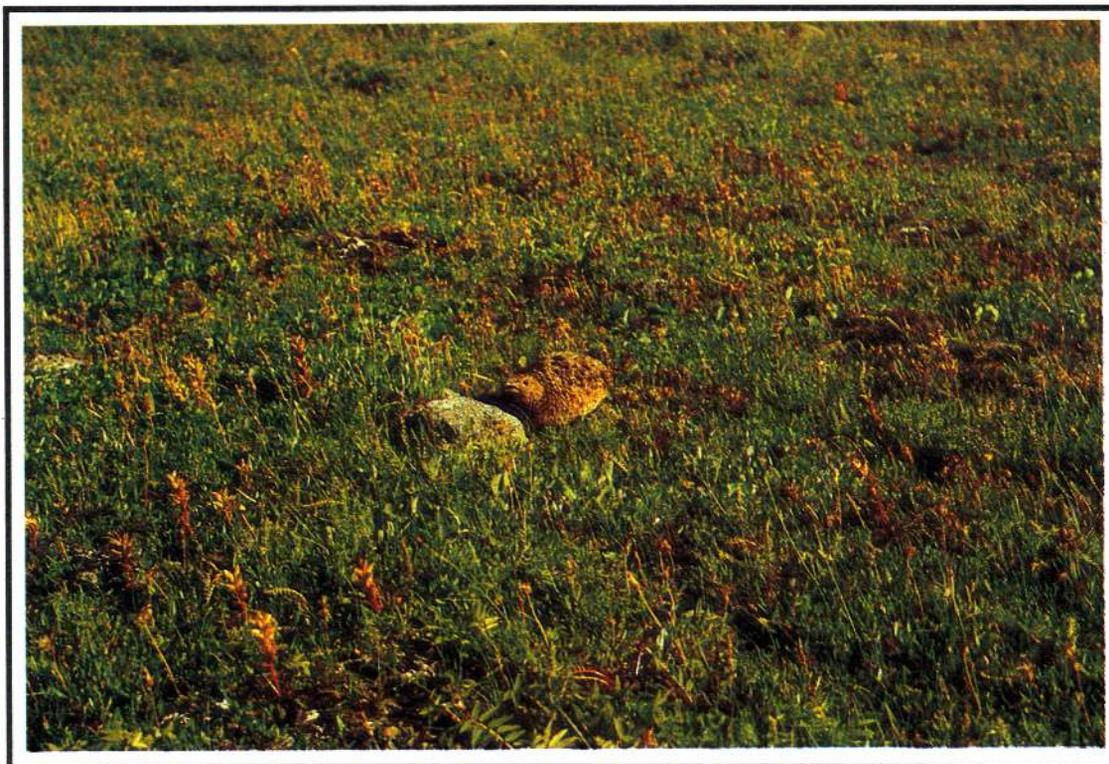
Бабочка энейс.

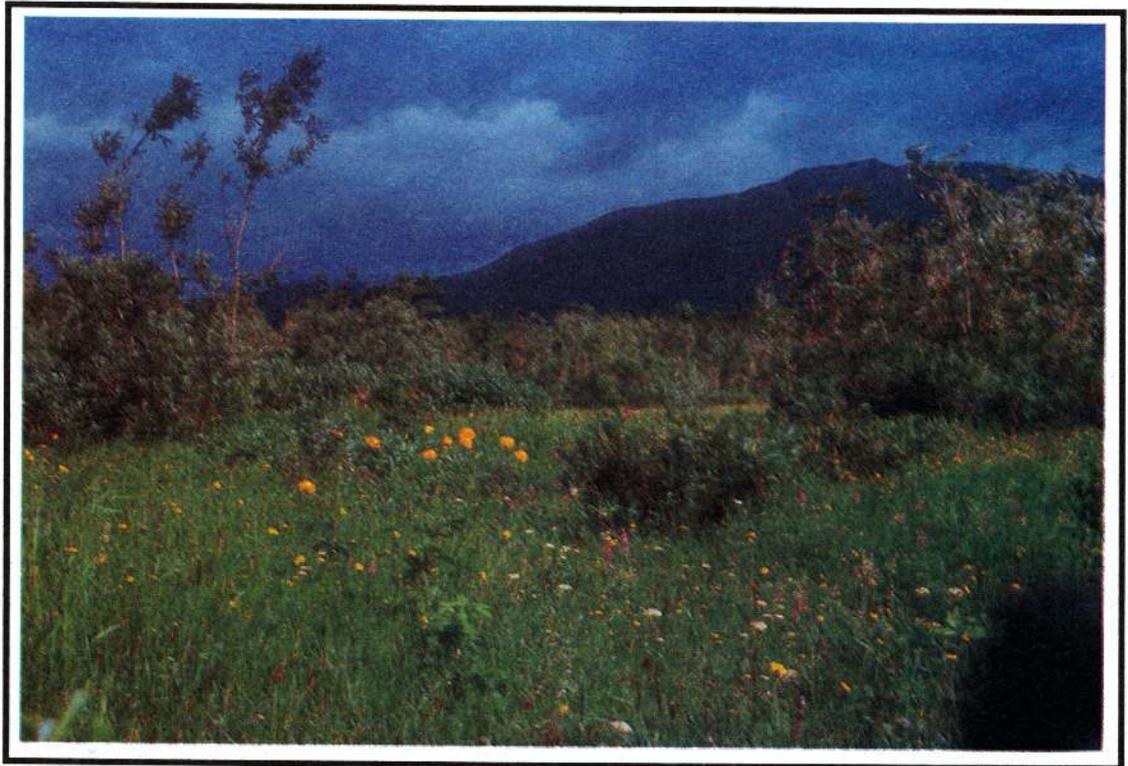
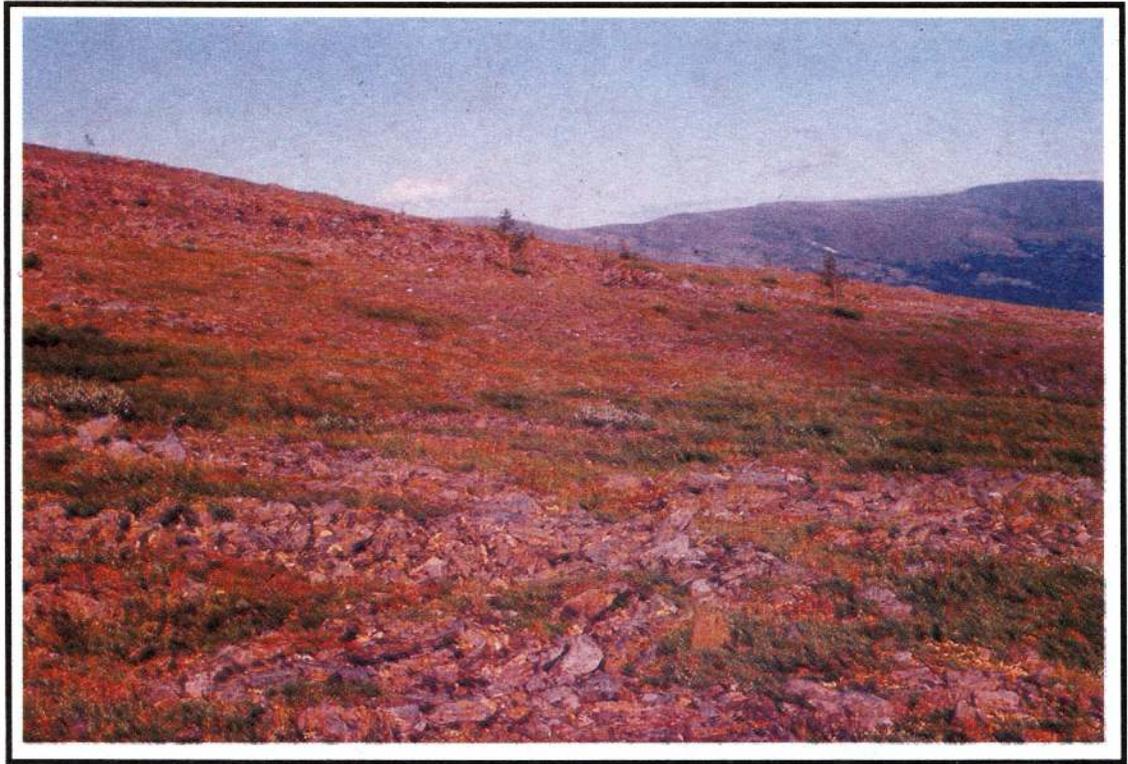
Тундровая куропатка.

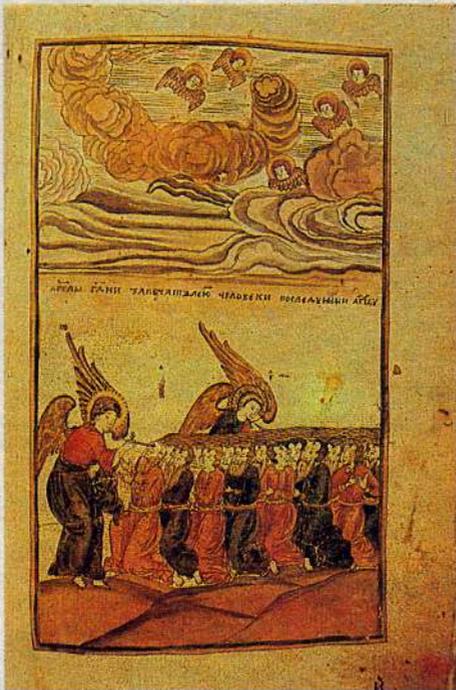
Горная тундра.

Разнотравный луг в долине реки Сось.

Слайды Павла ГОРБУНОВА

АГЛА ПАНИ ТАЩАПАЛЮ ЧЕДБЕКИ РОСТАМНИ АТЛУ

ИНАКЪ
АБЕЛНИ
ГОБЪ

Урок третий:
 российская власть и уральская провинция.
 Оппозиция в уральской старообрядческой литературе.

Виктор БАЙДИН

Пути-дороги инока Паисия

Во втором уроке (см. мартовский номер "Уральского следопыта") мы остановились на том, что и рукопись, и сами иллюстрации старообрядческого Апокалипсиса могут немало рассказать о художнике, который по известным причинам не оставил своей подписи.

Кто же этот человек, и что мы узнали о нем, "читая" его рисунки?

Это несомненно талантливый художник, знакомый со светским изобразительным искусством начала XVIII века, особенно с гравюрой, приемами которой он хорошо овладел. Скорее всего, был он старообрядцем-поповцем, человеком смелым и резко оппозиционно настроенным по отношению к властям. Бывал в Москве и воочию наблюдал Петра I, Екатерину и их ближайшее окружение, а также Анну Иоанновну накануне ее коронации. Жил, вероятно, за границей, на западно-русских землях, принадлежавших тогда Польше. Там, очевидно, и начинал рисунки к Апокалипсису. Но был этот человек уральцем, так как именно здесь, на Урале, в конце концов оказалась рукопись. И здесь же завершилось создание книги. Это — Петр Федорович Заверткин, в иночестве (монашестве) Паисий.

Полтора десятка лет назад Н. Н. Покровский впервые ввел в научный оборот и проанализировал рукописное старообрядческое сочинение "Родословие часовенного согласия". Его создал настоятель скита в Ялutorовском уезде Тобольской губернии Нифонт — по заказу Екатеринбургского собора старообрядцев-часовенных 1887 года. Для написания "Родословия" собор предоставил Нифонту ценнейшие источники, не все из которых дошли до наших дней.

В "Родословии" между прочим повествуется о том, как в начале XVIII века на уральские демидовские заводы

из лесного Заволжья пришел инок Никифор — руководитель старообрядцев-поповцев на горнозаводском Урале "...со многими отцы. Из которых только один нам известный, — продолжает Нифонт, — инок-схимник Паисий Заверткин, словущий в отцех и изуграф (художник, — Авт.) искусный, который довольно оставил по себе учеников; первый из них — инок-схимник Григорий Коскин". К слову, Григорий, в миру житель Невьянского завода Гавриил Сергеев Коскин, традиционно считается основоположником местного старообрядческого иконописания.

Об иконописце Паисии, не зная его фамилии, слышал француз С. Дюлонг, сделавший краткий, но очень содержательный доклад об уральской иконописи на собрании членов Уральского общества любителей естествознания в 1923 году. Француз сообщил: "Отец Паисий — жил в XVIII веке, но когда родился и умер, где он жил — неизвестно. Его произведений не видел, но по словам Гавриила Семеновича Романова (династия невянских иконописцев...) — особенно компетентен, так как последний уральский иконописец, — работа отца Паисия гораздо мягче, чем работа Григория".

При всей расплывчатости определения "мягче", оно в устах профессионала имело явно комплиментарный смысл, близкий к значению "более искусная работа" или — "более свободная манера письма". В изложении Дюлонга такая оценка представляется чрезвычайно высокой, так как Дюлонг считал Григория Коскина "самым великим, самым крупным иконописцем", и одну из виденных им икон Коскина даже назвал гениальной.

Екатеринбургский искусствовед Г. В. Гольнец опираясь на работы своих коллег и учеников, сформулировала понятие невянской школы иконо-

писания второй половины XVIII-XIX веков. Термин представляется мне условным. Как условно, например, понятие знаменитых "строгановских писем", стиль которых возник не в иконописных мастерских Строгановых, а имел общерусское распространение. В XVIII веке да и позднее способные иконописцы работали не только в Невьянске. Правильнее было бы говорить об иконописной школе горнозаводского Среднего Урала того периода. Само же выделение особой иконописной школы, как и ее характеристика, данная Г. В. Гольнец, сомнений не вызывают.

Естественно, что за два века существования старообрядческое иконописание на уральских заводах испытало различные влияния. Они изменили и дополнили то, что заложено Петром (Паисием) Федоровым Заверткиным. Миниатюра, кроме того, отличается от иконы. Тем не менее, в иллюстрациях Апокалипсиса находим многие стилистические черты, присущие "невьянской школе". Для нее типичен, например, золотой фон изображений, а почти все миниатюры Апокалипсиса имеют именно золотой фон. Художник располагал ограниченным набором красок — пятью-шестью, и золотой среди них не было. Поэтому золотистый колорит фона достигался за счет штриховки (обычный прием в графике при изображении небесного свода) выполненной вперемешку красной и зеленой красками, или путем раскрашивания неба на миниатюрах в светлоричный и светлозеленый цвет, или, наконец, сочетанием обоих приемов. Это несомненный признак стилистической близости рисунков Апокалипсиса и более поздних произведений горнозаводской иконописи. Есть и другие признаки, но вдаваться в детали в популярной статье мы не будем.

Петр Федорович Заверткин родился около 1689 года и был крепостным

крестьянином откуда-то из Поволжья, вероятно, крепостным князей Черкасских. Его родной младший брат — Борис — упоминается на страницах таможенных книг Новгорода в июле 1714 года. Примерно в это время старший брат проживал в будущей новой столице и, несомненно, бывал в старой. Много позже известный деятель уралосибирской поповщины инок Максим, в прошлом беглый холоп Михаил, писал так: "Паисей Заверткин всем представлял, что он самовидец и ведатель есть о Стефане, яко всегда в Питербурге при царе был, а ставились архиереи в Москве..." Итак, предполагаемый автор миниатюр Апокалипсиса мог неоднократно наблюдать своего царственного тезку и его окружение, включая, конечно, Екатерину и Н. Зотова, во время наездов царя в Санкт-Петербург, губернатором которого был А. Д. Меншиков.

Могло это быть и в Москве. С Москвой — центром экономической жизни страны, крупные предприниматели Заверткины оказались связанными надолго. В конце 70-х годов владелиц Нижнетагильских заводов Н. А. Демидов предлагал Борису с детьми вернуть взятые у них заимообразно 5 тыс. руб. серебром на выбор: в Москве или Нижнем Тагиле.

Этот период жизни Петра Заверткина может объяснить его знакомство с гравюрой и достаточно профессиональное владение ее техникой. Русские граверы начала XVIII столетия рекрутировались в основном из иконописцев. Главным центром гравирования сначала служила Оружейная палата, а тиражирование было налажено при московском Печатном дворе. В 1711 году "всех мастеровых людей разных художеств" перевели в Санкт-Петербург, где при типографии открыли гравировальный класс. Между прочим, Иван Зубов — автор гравюры с изображением измайловского ботика, работал в Москве, а его более талантливый младший брат Алексей — создавал гравюры в обеих столицах. И если Петр Заверткин знал их в молодости, то это вполне могло послужить основанием для приобретения зубовской гравюры с петровским рассказом о "дедушке русского флота".

Следующим этапом на жизненном пути Петра Заверткина стало превращение его в беглого и пребывание на Керженце. Река Керженец впадает в Волгу у Нижнего Новгорода. В конце

XVII века здесь возник крупный старообрядческий центр с десятками скитов, вокруг которых селились тысячи беглых. К началу 20-х годов следующего столетия Керженец был разгромлен властями. Часть обитателей Керженца ушла на Урал. Заводчики остро нуждались в рабочих руках, покровительствовали гонимым староверам. И администрация казенных предприятий также сквозь пальцы смотрела на беглецов. Приток населения с Керженца был настолько велик, что старообрядцев на горнозаводском Урале стали называть "кержаками". Это прозвище они потом унесли и на Алтай, где участвовали в создании Кольвано-Воскресенских заводов.

Племянник Петра Заверткина Тимофей в "Письме из Сибири" (с Нижнетагильского завода), написанном в начале 1767 года сообщает дату переселения из лесного Заволжья на Урал — 1722 год. Р. Г. Пихоя в монографии по истории общественно-политической мысли на Урале приводит документальные подтверждения появления в этом году в окрестностях уральских демидовских заводов старцев — выходцев с Керженца. Они здесь распространяли слухи о том, что Петр I — антихрист! Тех из них, кто попал тогда в руки властей, отправили в Москву и пытали в Преображенском приказе. Среди аргументов относительно антихристовой сущности императора были, кроме прочего, следующие: "...платье возлюбил шведское... и взял за себя шведку Екатерину Алексеевну..." Вспомним, что и иностранная одежда, и Екатерина присутствуют на миниатюре Апокалипсиса, изображающей Петра I-антихриста.

С основанием в 1725 году Нижнетагильского завода Заверткины поселяются, видимо, на нем.

У писателя Мельникова-Печерского имелась неизвестная в настоящее время рукопись "Послание (или письмо) соборного старца", адресованная староверам уральских заводов и принадлежащая перу беглопоповского писателя второй половины XVIII столетия Ионы Курносого. В ней, в частности, говорилось о некоем Заверткине, пришедшем с Керженца на Урал, а оттуда бежавшем в Польшу, на Ветку. Миниатюра с изображением Анны Иоанновны в Москве позволяет примерно определить время появления Заверткина в Польше: 1730 год — не позднее 1732-го.

Ветка — остров на реке Сож близ границы с Россией, где в конце XVII века, как и на Керженце, возникали поселения беглых старообрядцев. Ветковские слободы славились своей торгово-промышленной деятельностью и являлись главным центром поповщинского направления в расколе, так как здесь находилась единственная старообрядческая церковь.

На Ветке Заверткин встал во главе оппозиции вновь найденному епископу Епифанию, возглавил партию "мирян" — противников Епифания. Сторонники Заверткина действовали столь активно, что Епифаний не рисковал отправлять богослужение. Судя по всему, Заверткин из "Послания соборного старца" — это и есть наш Петр Федорович. Иона Курносый, возможно, знал его лично: какое-то время Курносый жил в скитах на уральских демидовских заводах, где обитал и Заверткин.

Активные действия Заверткина с его сторонниками против Епифания приходятся на вторую половину 1734 — начало 1735 года. А 1 апреля правительство Анны Иоанновны, обеспокоенное бегством податного населения за рубеж, осуществило первую так называемую "выгонку" Ветки. Пять армейских полков под командованием полковника Сытина окружили слободы и вывели в Россию более 13 тысяч человек.

В переписи раскольников 1739 года в разделе "вновь приписные" Петр Федоров сын Заверткин с женой Федорой Петровой уже записан кучеосыпщиком Нижнетагильского завода. Эта вспомогательная и малоквалифицированная работа носила сезонный характер и была обязательной только в виду подушного оклада (для записных староверов — двойного), который вносил за зарегистрированных "пришлых" заводчик. Она давала возможность нанимать за себя людей и оставляла достаточно времени для других занятий.

Вскоре П. Ф. Заверткин под именем Паисия оказался в лесных кельях близ демидовских заводов. Там его в 1742 году встретил автор старообрядческого сочинения — "Рукопись о древних отцах". Очевидно это был зауральский крестьянин Мирон Иванович Галанин. Вместе с Паисием Заверткиным он называет и Григория Коскина, что можно считать еще одним подтверждением ученичества Коскина у Паисия. В скитах Паисий Заверткин провел сле-

дующие 20 лет своей жизни. И в этом же лесном скитском районе два с лишним века спустя археографическая экспедиция Уральского университета нашла лицевой Толковый Апокалипсис.

Круг замкнулся, и все сошлось на Петре (Паисии) Заверткине.

Не помогут ли теперь некоторые факты его биографии уточнить что-то в "биографии" лицевого Толкового Апокалипсиса?

"Выгонка" Ветки прервала процесс работы над Апокалипсисом. Обрывается специальная нумерация миниатюр, которых всего в книге 43: последний сохранившийся номер 18, а во второй части книги листы, предназначенные для иллюстраций, никогда пронумерованы не были. Только в первой половине рукописи в начале глав есть заставки, скопированные с заставок западно-русских печатных изданий первой половины XVII века. В дальнейшем перед главами в качестве заставок используются только грубоватые раскрашенные оттиски гравюры на дереве. Они встречаются и в некоторых других уральских рукописных книгах XVIII столетия. Текст Апокалипсиса писался, несомненно, с опережением по отношению к орнаментике и иллюстрациям, для которых оставались пустые места и листы. Но переписка текста киевского издания толкования А. Кесарийского так и не была закончена: рукопись обрывается на 68 главе, хотя в предпоследнем ей оглавлении перечислены все 72. Между прочим, среди захваченных при разгроме Ветковских слобод книг и рукописей упоминается Апокалипсис печатный. К сожалению, опись конфискованных книг очень краткая и не содержит подробностей.

То есть "выгонка" привела к утрате части источников, использованных при создании Апокалипсиса на Ветке, а судьба навсегда разлучила переписчика текста и Петра Заверткина. Однако, даже в условиях ареста удалось сохранить и вывезти дорогие для художника компактные переплетенные (переплет Апокалипсиса явно местного, уральского производства) и частично иллюстрированные тетради и "латинизированный" образец, на основе которого рисовали миниатюры.

Вскоре после "выгонки" Ветки в конце того же 1735 года и начале следующего, начальник Главного правления Сибирских и Казанских заводов и первый российский историограф

В. Н. Татищев затеял совершенно необычную для горнозаводской администрации XVIII века акцию по сыску староверов в окружающих демидовские заводы лесах. Ученые спорят о ее результативности и целях. Есть даже версия, что Татищев организовал всю операцию ради поиска источников для своей "Истории Российской". На проведение сыска Татищев добился специального указа из Канцелярии императрицы. В сочетании с недавней "выгонкой" Ветки это делало Анну Иоанновну вполне подходящей кандидатурой для персонификации в образе "вавилонской блудницы" на одной из последних миниатюр Апокалипсиса.

Таким образом, создание миниатюр рукописи было завершено на Урале во второй половине 30-х годов XVIII столетия.

Дополним рассказ о Паисии Заверткине еще несколькими штрихами. Серьезно заняться подготовкой учеников он имел возможность только после возвращения с Ветки на Урал. В лицевом Апокалипсисе есть одна ученическая иллюстрация: фигуры Христа и Иоанна Богослова на ней нарисованы явно мастером в стиле других миниатюр. А все остальное: земля, небесный свод, облака, архитектура нового святого города Иерусалима — выполнено не столь уверенной рукой, линии не четкие, иногда даже дрожащие, краски наложены грубо, здания поколелись, подножие престола вписал в его очертания не удалось. Ученик на одной из башен нарисовал крест, но церковью в Новом Иерусалиме быть не могло: зачем они, если сам Бог будет там "с человеками"? Ошибку пришлось исправлять и поверх креста написать развевающийся красный вымпел.

Одним из учеников П. Ф. Заверткина был, очевидно, его племянник Тимофей Борисович Заверткин. Он хорошо знал другого ученика дяди — Гавриила (Григория) Коскина. В своем "Письме из Сибири" упоминает Гавриила трижды. В "Ведомости... Тобольской епархии раскольникам, подлежащим ныне следствию" 1750 года, Тимофей Заверткин назван нижнетагильским "маляром" (художником), который "пишет иконы по раскольничьему суемудрию с двоеперетным изображением" и рассылает их во все раскольничьи селения и скиты. Но Тимофею тогда было только двадцать с небольшим лет. За именем племянника изображалась, скорее всего, семейная иконописная

мастерская Заверткиных во главе со знаменитым дядей-иноком Паисием. Ведь сам он находился в скитах и официально нигде не значился.

Некоторая продукция мастерской Заверткиных попала в руки властей два года спустя при налете екатеринбургской воинской команды в сопровождении двух дьяконов на их двор в Нижнем Тагиле. При обыске дома обнаружили три тайника, один из которых был оборудован для проживания людей. В другом тайнике, внутри супружеской кровати Бориса Федоровича и его жены Евдокии, нашли шесть икон в серебряных позолоченных окладах и два живописных складня в медной и серебряной оправе. Вместе с другими трофеями и арестованным 12-летним младшим братом Тимофея — Гавриилом иконы увезли в столицу горнозаводского края.

В октябре 1764 года Нижнетагильская заводская контора обратилась в Сибирскую губернскую канцелярию за разрешением включить в ревизские сказки (перепись населения) "явившегося из бегов" Петра Федорова Заверткина. Инок Паисий, которому шел восьмой десяток, решил, видимо, закончить свои дни в кругу родни. За несколько дней до этого большая семья Заверткиных во главе с Борисом из 17 человек получила разрешение проживать на заводе в качестве отпущенных по паспортам крепостных крестьян богатейшего помещика России графа П. Б. Шереметева, к которому в результате женитьбы перешли почти все вотчины князей Черкасских. Признание себя крепостными Шереметева было для Заверткиных вынужденным. В противном случае по тогдашним законам им, как записанным в переписях 30-40-х годов на Нижнетагильском заводе, грозила участь стать крепостными Н. А. Демидова. Ни о правовом статусе П. Ф. Заверткина (формально он тоже был крепостным Шереметевых, но дипломатично был назван "жителем"), ни о его принадлежности к старообрядчеству, что предполагало уплату двойного подушного оклада, в доношении конторы не упоминается. Перед нами пример сознательного укрывательства авторитетной в среде уральского старообрядчества фигуры приказчиками-староверами.

Екатеринбургский искусствовед О. П. Губкин в статье о династии невьянских иконописцев Богатыревых без ссылки на источник называет год смер-

ти иконописца инока Паисия — 1769. Эта дата подтверждается ответами инока Максима на вопросы Тимофея Заверткина, в которых приводились воспоминания Паисия о петербургском периоде жизни и где о нем говорится как о покойном. Ответы эти написаны не позднее самого начала 70-х годов...

Мне десятки раз приходилось разглядывать миниатюры Апокалипсиса, сравнивать, анализировать. Вот иллюстрация, где в виде вавилонской блудницы, сидящей на змее, изображена императрица Анна Иоанновна. Смотрю на обратную сторону листа перед миниатюрой и вдруг замечаю... набросок человеческого лица. На пожелтевшей от времени бумаге он почти не виден. Выполнен явно давно, видимо, небольшое время спустя после создания книги: черная краска или чернила уже выцвели (прорисовка наброска, выполненная А. Полетаевым, на илл.1).

Рисунок сделан тонкой кистью или пером легкими штрихами без проработки деталей и объемов. Изображено широкое лицо человека средних, а то и преклонных лет с глубокой залысиной на невысоком лбу (волосы обозначены только по бокам головы), сдвинутыми к переносице тонкими полукруглыми бровями, довольно близко сидящими, пристальными, небольшими глазами, длинным с горбинкой носом, твердой складкой губ с чуть опущенными уголками. Лицо обрешено недлинной, почти квадратной бородой. Набросок дает психологическую характеристику портретируемого: человека убежденного, упрямого, даже фанатичного, сильного и нелегкого в общении. Узнаете? Весь драматический жизненный путь Петра (Паисия) Заверткина служит подтверждением этих черт его характера. Как уже говорилось, миниатюра с изображением Анны Иоанновны создана П. Ф. Заверткиным по личным впечатлениям. Наверное, много раз он рассказывал об этом. А потом кто-то из учеников художника (рисунок отличается от его собственной манеры) сделал рядом с миниатюрой, так, что вместе они составили своеобразную композицию, набросок портрета учителя. Как "нота бене" — знак для посвященных, обозначающий: "Он видел!"

Гипотеза о том, что этот набросок — портрет Заверткина, оставалась гипотезой и нуждалась в подтверждении.

Не поискать ли его на миниатюрах Апокалипсиса? Учитывая явную склонность художника к введению в сюжеты апокалипсических иллюстраций реальных лиц и жанровых сцен — почему бы и нет? Внешность Петра (Паисия) Заверткина, если на наброске его портрет, выделялась прежде всего благодаря залысине, достаточно характерной. Было ясно и то, где следует искать портрет художника. Он не мог быть изображен ни среди святых, что было бы святотатством, ни среди поклоняющихся антихристу и грешников. Лысые же в Апокалипсисе, кроме пророка Еноха на одной миниатюре, нарисованы только пять раз. И это всего два персонажа. Человек с низким лбом, с глубокой залысиной, тонким с горбинкой носом, прямоугольной бородой и другими характерными чертами лица с портретного наброска стоит первым на коленях в толпе людей на миниатюре с надписью: "Ангелы Господни запечатлеют человеки, последующие Агнцу" (т.е. Христу). Перед нами, очевидно, автопортрет Петра Заверткина (илл.2). Изображение, хотя и более условное, чем на наброске, но вполне узнаваемое.

В этой же коленапреклоненной толпе стоит еще один человек с залысиной, но с прямым носом, темными волосами с зачесом вперед на висках и остроконечной бородой, одетый, в отличие от первого, в одежду зеленого цвета. Он помещен в центре специально выделенной художником группы, так как к нему явно обращаются два отрока. Тот же второй бородатый человек в центре и два отрока по бокам видны по груди из-за горки на переднем плане толпы людей и на другой миниатюре, где под летящим в черно-коричневых грозных облаках ангелом на эту толпу скачет отряд всадников в коронах на конях с огнедышащими львиными головами (илл.3).

Может быть, ранняя лысоватость была фамильной чертой обоих сыновей Федора Заверткина? Тогда второй мужчина — Борис, младший брат Петра, самый близкий его родственник. Когда художник на Ветке создавал миниатюры Апокалипсиса, у Бориса действительно было два сына: Федор и Тимофей. Третий родился не ранее 1736 года, уже после ветковской "выгонки". "За польским рубежом" Петр чувствовал себя в безопасности, как вскоре оказалось, ложной. Семья же его брата укрывалась от "антихристо-

вых" властей за уральскими горами. Оказавшийся в разлуке с родными и тоскующий по ним художник, изобразил и себя, и брата с сыновьями на рисунках иллюстрируемой им книги.

...Среди всадников на огнедышащих чудовищах, скачущих на людей, укрывшихся за горами, есть один с юным лицом, у которого из-под лат, как и у Петра I, видна красная царская одежда. Весьма вероятно, что это внук первого императора Петра I — Петр II, занявший престол в двенадцатилетнем возрасте после смерти Екатерины I, жены Петра I и умерший в начале 1730 года накануне свадьбы от оспы в Москве. В короткое царствование Петра II на Урале проводились антистарообрядческие мероприятия. В источниках упоминается, например, екатеринбургская комиссия по борьбе с расколом 1727 года. Какие-то неизвестные обстоятельства вынудили Петра Заверткина, по словам Ионы Курносого, бежать с Урала на Ветку. Наблюдал ли Заверткин сам Петра II — неясно; хотя он вполне мог видеть его изображения: в рисунке есть некоторое сходство с прижизненными портретами юного императора. Впрочем, все действия властей производились от имени царствующей особы — распоряжение администрации любого уровня начиналось словами: "По указу Его императорского величества..." Следовательно, и Петру II нашлось место на миниатюре Апокалипсиса в ряду "антихристовых" монархов, наследников антихриста Петра I.

Оттремели сражения Северной войны, вырос на Неве величественный Санкт-Петербург, задымили на Урале заводы. С уважением и тревогой смотрела Европа на то, как Россия превращалась в Империю. Сама же огромная крестьянская страна, закусив удила и поднявшись на дыбы по воле правившего железной рукой государя, с тоской ожидала наступления "последних" времен...

Иллюстрации — на 4-й стр. вкладки.

Книжные новинки

Раздраконивает Вас. Кириллов

Кристофер Шташефф. Чародей поневоле. Возвращение Короля Кобалда. М.: ГРИФОН, 1992. 576 с. (Серия "Коллекционная фантастика", т.1).

Серия, начиная с первого тома, оправдывает свое название.

Особенно если закрыть глаза на отвратительную бумагу и недостатки в редакторско-корректорской работе, которые выглядят терпимыми только на фоне повального безобразия по этой части.

Кристофер Шташефф – весьма остроумный писатель, вопреки местами раздражающим собственным усилиям, направленным на то, чтобы выглядеть таковым. Из каждых десяти шуток примерно шесть или семь ему по-настоящему удаются. Может показаться, что гораздо меньше, если доверять переводчику. А лично я не очень-то доверяю и все время прикидывал, как звучит то или иное место на языке оригинала.

Задумавшись над общей характеристикой этой книги, я подобрал, кажется, неглухое наименование тому направлению, яркий образец которого она являет. "Винегретная фантастика". Будучи в кулинарии любителем всяческих смешанных блюд, я вовсе не вкладываю в это понятие пренебрежения или насмешки. Умело выбрать и в правильной пропорции перемешать разнообразные компоненты – искусство, быть может, не уступающее изобретению чего-то принципиально нового. Хотя – по моему убеждению – слухи о вымирании второго сильно преувеличены.

Рецепт Шташеффа примерно таков: классическая fantasy в средневековом духе с ведьмами, зльфами, вервульфами, рыцарями, королевами и т.п. тщательно перемешивается с традиционными научно-фантастическими мотивами (путешествия в прошлые и будущие времена, борьба за демокра-

тию и прогресс в масштабах вселенной, экстрасенсорные способности и т.д.), обильно сдабривается юмором, слегка пересыпается мягкой зротикой, сентиментальными эпизодами – и готово. Читайте и наслаждайтесь.

А ведь и впрямь читается легко и с удовольствием.

Не жалко и четырех драконов. "Коллекционную фантастику" можно даже попытаться коллекционировать. Кстати, в четвертом томе серии уже вышло в свет продолжение сериала о Чародее. И трудно удержаться, чтобы не попросить и его.

Роберт Силверберг. Трое уцелевших. Наковальня времени. Открыть небо. Киев: Внешторгиздат Украины, 1993. 480 с. (Серия "VEGA").

Уж довелось повидать немало изданий, на чьи страницы не ступала рука корректора (да и редактора). Но такой лавины опечаток и разного рода ошибок, пожалуй, еще не встречал. Невольно задаешься вопросом: не следует ли считать эту книгу преднамеренным актом по борьбе с москалями и вкупе с постылой их мовой?

В то же время художественное оформление – вполне приличное. И самое главное – произведения, которые в иных сборниках Силверберга мне не встречались, довольно любопытны.

"Трое уцелевших" – до слез наивная и романтическая версия темы пришельцев. Я и сам когда-то увлеченно изучал и пересказывал магнитофонные записи лекций об НЛО, сам мечтал на завалинке о контактах с иными мирами и даже наблюдал один необычный объект в небе над красноуфимскими полями... Приятно вспомнить юность над стародавней повестью знаменитого фантаста.

"Наковальня времени" – вещьца покруче. История жизни революционера, борющегося с тоталитарным режимом в США на рубеже нынешнего и будущего столетий и приговоренного к заключению в необычном концлагере – без охраны и колючей прово-

локи... Не стоит раскрывать секреты "Наковальни" тому, кто, быть может, еще с удовольствием ее прочтет. Достаточно отметить, что это не только увлекательное, но и наполненное глубоким жизнеутверждающим смыслом чтение.

"Открыть небо" в какой-то степени напоминает "Гимн Лейбовичу" У.Миллера, но разрабатывает тему гораздо слабее и далеко не так убедительно. "Вранье все это, а не фантастика" – подмывает сказать в конце. Впрочем, некоторые образы на этих страницах все же поражают воображение.

Увы, но при всех достоинствах заключенных в ней произведений книга как таковая, благодаря зловредным усилиям издателей, заслуживает всего лишь трех драконов.

Филип Дик. Мечтают ли андроиды об электроовцах: Фантастические романы. М.: Центрполиграф, 1992. 445 с. (Серия "Осирис", т.16).

Нуждается ли Филип Дик в восторженных эпитетах?

Это НФ высочайшего класса, и можно только позавидовать тем, кто еще не знаком с Диком, но сегодня примет решение с ним познакомиться.

Советую именно с этого сборника и начинать. Первый роман – "Солнечная потеря" – просто проглатывается как хороший остросюжетный боевик без особых идейных тонкостей.

Второй – "Человек в высоком замке" – прежде всего наводит на мысль, что мы имеем дело с отличным писателем, которому тесно в рядах фантастов и которого можно поставить плечом к плечу с Куртом Воннегутом, Хорхе Луисом Борхесом или Габриэлем Гарсиа Маркесом. Почему бы и нет? Ведь "Человек в высоком замке" – не развлекательная литература и не интеллектуальный "тур де форс", это по-настоящему большое и важное произведение.

Рассказ о том, как складывается жизнь всего человечества и в особенности нескольких человек после Второй мировой

войны, завершившейся победой фашистской Германии и Японии, невозможно читать без содрогания. И самым потрясающим оказывается сомнение, рождаемое автором в финале романа при помощи своеобразной системы зеркал — сомнение в том, насколько наша-то так называемая "реальная" жизнь соответствует Истине.

И наконец, третий, заглавный, роман с новой силой подтверждает, что на сей раз мы держим в руках фрагмент большой литературы. "Мечтают ли андройды..." — вещь глубоко философская и одновременно полемически острая. Блистательный образец того, как лабиринт захватывающего сюжета может сочетаться с постановкой и убедительной попыткой разрешения важнейших вопросов: что же такое человек? Каковы мера и критерий добра и зла, проявляющихся в нем? Где проходят пределы милосердия и сострадания людского?

Браво, Филип Дик! Браво, серия "Осирис"! Но не шесть, а только пять драконов все по той же причине и с тем же замечанием: редактор и корректор предназначены для того, чтобы работать, а не для того лишь, чтобы проставлять свои фамилии в выходных данных и получать зарплату.

А ваше мнение?

Уважаемая редакция!

"Мы не печатаем фантастику, в которой инопланетяне выступают как благотворительная сила. Они решают за нас наши земные проблемы, устраивают мир на Земле... ликвидируют голод и болезни, учат нас, неразумных, уму-разуму, словно мы сами не сможем на своей планете навести порядок!"

Зачем я привел эту цитату из статьи "Стремление печататься огромно", опубликованной в вашем журнале (1986, N 9), я поясню позднее.

До службы в армии моими любимыми русскими фантастами были Стругацкие, а любимой их книгой — "Парень из преисподней". Я вообще считаю фантастику очень серьезным жанром и люблю ее сейчас не меньше, чем два года назад. Но вот вернулся я со службы (а служил в погранвойсках, на заставе! Чем и горжусь...), поступил на истфак Тамбовского пединститута и купил на рынке сборник "Стажеры". Почти одновременно попался мне и номер вашего журнала.

Читаю я "Парня из преисподней", и хочется мне прямиком оказаться там, да и надавать, извините, по мордам вселенским

гуманистам и благодетелям. На протяжении всей интересной, хорошо написанной книги сверхмощная земная цивилизация упорно издевается над одним человеком, лишая его права на самоопределение и шаг за шагом разрушая его систему ценностей, его мир, "Вселенную Гага", как точно сказано в книге. Я заметил, мы очень не желаем, чтобы нами кто-то управлял, но с наслаждением вмешиваемся в жизнь других планет. Почему мы можем быть "благотворительной силой"?

Я могу понять Румату-Андрея в "Трудно быть богом". Он мстил за себя и свою любовь, он был прав. Но понять Корнея... Читаю я — и постепенно оказываюсь на стороне Гага. Пусть, если можно, авторы ответят мне: как бы они себя чувствовали, если бы кто-то насильно заставил их покинуть родину и друзей? Желая добра человеку, гуманные люди будущего сделали его предателем. Ведь так? А потом, на мой взгляд, толком не разобравшись, полезли решать сложнейший конфликт на другой планете. И это при том, что они даже одного Гага на свой лад переделали не смогли. А там таких, как он, тысячи. А это значит — гражданская война, белые и красные, снова кровь, которой хотели избежать земляне, прекращая войну. Вы считаете правомочным такое решение вопроса? Решение, в результате которого будут гибнуть безусловно смелые люди — такие, как сам Гаг, его командир Дигга по прозвищу Геппард, эпизодические, но тоже живые Клещ и Трэгг. Разве вина человека, что он честно выполняет свой долг?

Вот, скажут, разволновался из-за выдуманных персонажей! Но я уже говорил, что фантастика — вещь серьезная. И Гаг для меня гораздо более живой, чем, к примеру, Раскольников из "Преступления и наказания". И еще. В повести есть очень интересные мысли Гага, когда он рассматривал экспонаты в музее: "...пришли, сунули в мешок и — в этот музей. С научной целью. И мы вот тоже — живем, сражаемся, врагов ненавидим, себя не жалею, историю делаем, а они смотрят на нас и уже готовят мешок. С научной целью... И может быть, стоять нам всем в таких вот подвалах, а они будут около нас руками размахивать и спорить..."

Не судите и не судимы будете! Даже в обычной фантастике. А вы как считаете?

С уважением

О. Верещагин

(г. Кирсанов Тамбовской обл.)

Made in Владимир

Похоже, начинают сбываться несбыточные, казалось нам, грезы русскоязычных любителей НФ о своей собственной, на родном языке, энциклопедии фантастики! О том, что такие издания готовятся, слышали многие. Но вот, наконец, и первая ласточка: коллеги из владимирской газеты "Галактические Новости" любезно прислали нам первую книгу первого тома выпускаемой ими с помощью издательства "Командор" 3-томной (в 4-х книгах) "Энциклопедии фантастики".

Искренне признательны за прекрасный подарок и, предвкушая елисейское блаженство от предстоящего знакомства с книгой (она посвящена истории кинофантастики — с момента зарождения до 1970 года), спешим оповестить родной наш фэндом об этой истинно галактической новости:

Энциклопедия фантастики. Под редакцией И. М. Морозова. В трех томах. Т.1, кн.1. Владимир: "Командор"; "Эскальбур"; "Галактические Новости", 1993. 287 с. 20 000 экз.

НА РАБОТКА НА ОТКАЗ

Повесть

Иллюстрации Александра ШАТУНОВА

— Сегодня охрана проводила внеочередной рейд, — как ни в чем не бывало проговорил прозектор. — По плану "сеть". Я подумал, что вам, мой дорогой, это будет интересно. Так вот, в одном из ущелий к востоку от Большого Каньона... — Он неспешно допил из банки сок и повертел ее в руках. — Продолжать?

— Да, — Менигон сглотнул. — То есть, вам виднее, шеф.

— Мне виднее, — с горечью сказал прозектор, — что вы, Винсент, с преступным легкомыслием относитесь к собственной безопасности. Это мне виднее, чем вам... Сказать вам, что было в том ущелье? — рявкнул он неожиданно. — Лагерь беглецов, не больше, не меньше! И вы в нем были! Вы в нем были, несмотря на все мои инструкции, попробуйте только отрицать! Вы в нем бывали, еще когда работали с Хромцом Гийомом! Вы в нем бывали, когда получили нового напарника, мало того, вы бывали там вместе с напарником! Вы возили беглецам пищу и крали для них оборудование! Вы поставили под угрозу самый смысл нашей работы в Редуте! — Прозектор отшвырнул пустую банку, и она задрезжала по полу. — Скажите спасибо, что Живоглот — это только Живоглот, а не гений сыска, — сказал он более спокойно. — К счастью для нас, он даже не профессионал, а его громили который раз ухитряются не взять ни одного человека живьем.

— Всех? — с трудом спросил Менигон.

— Всех, — сказал прозектор. — Первым же залпом. В кашу. Считайте, что вам повезло.

И вам, подумал Менигон. Вам в первую очередь, что же вы себя-то забыли, шеф? Каждый разговорится, попав к Живоглоту, — кое в чем и Живоглот профессионал. С пленного — на Менигона, с Менигона — на Шелудивого... Это только древние стойки, шеф, умели кончать с собой, задержав дыхание, я ведь так, шеф, не умею. И тут вы правы, шеф, можно считать, что нам повезло, можно встать и на такую точку зрения... Всех в кашу.

Восемь человек... восемь друзей, пусть не единомышленников, но людей близких... кто их осудит за бегство из того кошмара, что зовется Порт-Бьюно?... двоих сам привез... зачем? Чтобы в кашу? Нэйджел, Доминик, Карл, Сергей, Петер... Сергей был действительным членом Академии, Искандер расспрашивал его о Симо Муттике. Какие люди! Жить в древних развалинах, в холодном запустении, жить не дни, а годы, прятаться,

ежеминутно чувствуя себя благодатным объектом для травли, жить и работать, насилуя старую натурализационную камеру со слабой надеждой найти способ приспособить человеческий организм к условиям крайнего высокогорья — хотя бы на время. На несколько суток. На столько, сколько понадобилось бы для того, чтобы перейти хребет пешком... Опыты на себе, неизлечимые аллергии... Не через Хинаго же добираться до Межзюны — какое государство выпустит квалифицированные кадры? Через хребет. Через перевалы высотой в одиннадцать километров. В последнюю встречу они говорили, что с натурализацией, кажется, начало получаться... "Знаешь, Винс, сколько вчера Петер лежал на аммиачном снегу? Тридцать одну минуту! Уже кое-что, а?.." Значит, в кашу, шеф? В кашу?

— Это точные сведения? — осторожно спросил он.

— Более чем, — ответил прозектор. — Сказать вам, Винсент, почему я согласился на личную встречу с вами? "Чтобы надавать плюх", — подумал Менигон, напрягаясь. Сейчас должно было начаться, самое главное.

— Я теряюсь в догадках, шеф.

Прозектор скользнул по нему изучающим взглядом. Словно прикидывал: стоит ли?

— Что вы можете сказать о человеке по фамилии Шабан?

Начинается, подумал Менигон. Опять. Значит, намеки уже побоку, приперло, что ли? Плохо же я вас знаю, шеф, если до сих пор не понял, что вы от своего не отступитесь. Зачем вам Шабан, шеф? Что тебе нужно от Искандера, Шелудивый?

— Это мой напарник, — сказал Менигон.
— Дальше.
— Он был в моем подчинении до последнего времени. Теперь у него в напарниках какой-то стажер.
— Это все, что вы можете сказать? — осведомился прозектор.

— А что еще? — Менигон развел руками. — Ну, хороший специалист и все такое. Дисциплинирован, начальство о нем высокого мнения. Был когда-то пилотом, летал через хребет в Южные Земли... да вы об этом знаете, шеф. Что еще? Был неплохим напарником, у меня с ним, шеф, особых проблем не было...

— Его деловые качества мне известны, — сказал прозектор. — Меня интересуют личные. Вы ведь, мой дорогой, кажется, с ним друзья?

— Более или менее, — осторожно ответил Менигон. — Впрочем, последнее время скорее менее, чем более. А что?

— И как он вам? — спросил прозектор. — Я имею в виду: как человек?

Менигон пожал плечами:

— Нормально...

— А подробнее?

— Человек как человек, — раздраженно сказал Менигон. — Хороший человек. Наивный только, а так — ничего. Хороший, как все дети, такая формулировка годится?

— Как все дети... — Прозектор пожевал губами. — Интересно. И в чем это выражается?

Утомил ты меня, подумал Менигон. Лезет, немывтое рыло, куда ему не следует, нависает, как над покойником... И уже, наверно, придумал, где будет отсиживаться завтра. Это у него не профессиональное, это уже видоное. Какая-то особая порода приматов.

— Да в чем это выражается? — протянул он. — Ну вот, например, он учит модель разговаривать... — Прозектор молча кивнул. "Знаешь, — с удовлетворением подумал Менигон. — Конечно, знаешь, Шелудивый, так вот чьи были "блохи", по крайней мере одна из них, а ведь тебе Искандер зачем-то очень нужен..." — Еще он у нас человек долга, — продолжал он равнодушным голосом, — есть в нем такой феномен. Причем, знаете ли, шеф, долга не перед Редутом, а прямо перед человечеством, на меньшее он не соглашается. Это у него, наверно, с кадетской школы: ему кому-то служить надо. Привез из-за хребта дурацкую дилемму о том, что достойнее: долг перед человечеством или долг перед разумом. Мучается, бедный. Спрашиваю: а никому не служить ты не можешь?

— А он что же?

— А он меня послал. Передать дословно, шеф, куда именно?

Прозектор, не торопясь, встал из-за стола, растворил холодильник с табличкой: "Препараты", достал еще одну банку кислятины и сдернул колпачок. Сел.

— Под разумом здесь, вероятно, понимаются эти... как их...

— Вариадонты, — напомнил Менигон. — Я вам докладывал, шеф.

— Да-да, вариадонты, — сказал прозектор, смакуя сок. — Именно вариадонты, благодарю вас, мой дорогой. Скажите, а он никогда не рассказывал вам о своих детских годах?

— Н-нет, шеф, — сказал Менигон. — Кажется, ни о чем таком мы с ним не разговаривали. Зачем это?

— Может быть, все-таки что-нибудь вспомните?

— Простите, шеф, — твердо сказал Менигон. — Я должен понять, к чему ведут ваши расспросы. — "Сейчас опять скомандует встать", — подумал он. — Извините, шеф...

Прозектор сделал неуловимое движение рукой. Над столом, между ним и Менигоном, сгустилось и повисло объемное изображение. Где прятался проектор, догадаться было невозможно.

— Как вы полагаете, Винсент, что это такое?

Менигон взгляделся. На снимке была какая-то пустыня. Рыжий песок, всхолмленный унылыми барханами, тоскливо уходил к горизонту, нарушенному с левой стороны снимка цепочкой невысоких рыжих скал ("Песчаник", — определил Менигон), отбрасывающих на песок резкие тени. На приличной высоте над песком зависла в небе некая неровная клякса.

— Черный корабль, что же еще...

— Правильно, — кивнул прозектор, — а это?

Морская гладь. Штиль или что-то близкое к штилю — волн почти нет. Море холодное, вода свинцового цвета. Огромное солнце красиво садится в море, на воде дрожит огненная дорожка. В небе — клякса.

— Опять черный корабль, — сказал Менигон. — Где это, шеф? На Прокне?

— На Земле, — сказал прозектор.

— Шутите, шеф, — предположил Менигон.

Еще одно неуловимое движение рукой.

— Ну а теперь? Как вам нравится этот снимок? Можете выругаться, Винсент, я разрешаю.

Разрешает он... Менигон с усилием сглотнул. Ну, спасибо тебе, трупорез, обрадовал. Черный корабль над Ватиканом — надо же додуматься...

— Монтаж?

— Ничего подобного, — отозвался прозектор. — Кадры, увы, настоящие.

— Ошибка исключается?

— Абсолютно. Ошибка исключена, а мистификация, скажем так, затруднительна. Кроме того, некоторые снимки были в разное время выполнены нашими сотрудниками. Вам этого достаточно?

— Да, — сказал Менигон. — И давно это началось?

Прозектор усмехнулся:

— Первый снимок был сделан около сорока лет назад... — Менигон отвалил челюсть. Сейчас нужно быть особенно осторожным. Нет, кажется, не переиграл... — Впрочем, устные сообщения поступали и раньше. Я полагаю, на Земле вас знакомят с этим более подробно. Сейчас там, знаете ли, бум: снимки, рисунки, свидетельские показания... В большинстве, конечно, чушь, но один-два процента подобных сообщений достойны внимательного изучения. Примерно так же, как в Темные века с летающими тарелочками — знаете историю? К счастью, мы пока в состоянии контролировать этот поток информации — не знаю, надолго ли... Вам понятно, для чего я вам это рассказываю?

Менигон хмуро кивнул:

— Новое задание?

— Нет, новая ориентировка. Что касается задания, то вы, мой дорогой, уже давно его выполняете... — Прозектор неторопливо отпил сока.

— Извините меня, Винсент, до сих пор я не имел права сказать вам об этом более откровенно... Кстати, я вовсе не убежден, что вы восприняли бы это серьезно: ну, летает там что-то такое... неуязвимое, первым не нападает, и слава богу, — в общем, какая-то сомнительная фантастика, так?

— Вы мне не ответили, при чем тут Шабан, — напомнил Менигон.

— Отвечу, мой дорогой, имейте терпение. Итак, давайте разберемся с тем, что мы имеем. Несколько более сорока лет назад было получено первое достоверное сообщение о появлении объектов, имеющих вид темного сгустка и названных впоследствии кораблями щитоносцев или черными кораблями. Насколько известно, впервые их заметили на Марсии и там же впервые попытались атаковать. В дальнейшем поток сообщений о щитоносцах нарастал лавинообразно. К настоящему времени мы имеем сведения о появлении черных кораблей на тридцати семи планетах, входящих в Лигу Свободных Миров, на четырнадцати планетах-колониях и на двух планетах, обособившихся от Земли и не вошедших в Лигу. И ни одного наблюдения в космосе или в известных нам субпространственных каналах. Либо они там ненаблюдаемы, либо пользуются иными, пока совершенно не ясными способами межзвездных сообщений. Так или иначе, черные корабли наблюдаются только в атмосферах или на поверхности обитаемых планет и только визуально — локационные средства здесь совершенно неэффективны. О появлении щитоносцев на Земле я уже говорил. Резюмирую: в последние годы освоенная человечеством часть Галактики стала представлять интерес для силы, о которой мы, земляне, не имеем ни малейшего понятия. Далее. За все это время ни одна из попыток вступить с щитоносцами в контакт или уничтожить их средствами, имеющимися в распоряжении человечества, не принесла успеха. Черные корабли абсолютно неуязвимы. Далее. По крайней мере, в восьми случаях наблюдалась высадка с черных кораблей наземных транспортных средств, крайне необычного для земной техники вида. Излишне говорить о том, что эти транспортные средства также являются неуязвимыми. Иногда черные корабли контратакуют, уничтожая нападающих, иногда — нет. Какой-либо закономерности во всем этом уловить не удастся, за исключением того, что они никогда не нападают первыми. Собственно, это ни для кого не секрет. Вывод?

— Какой тут вывод, — сказал Менигон. — Раз первыми не нападают... Не люди это, шеф, вот и весь вывод. Иная цивилизация?

Прозектор скосил на него один глаз.

— Вы сами-то, Винсент, верите в то, что сейчас сказали?

— Нет, — сказал Менигон. — Цивилизация, технологически превосходящая человеческую, в нашей Галактике — бред собачий. Не верю.

— Правильно делаете, — сказал прозектор. — Могу вам сообщить, что версия о чужеродной цивилизации в Центре уже не рассматривается. Пройденный этап. Тогда кто они? — крикнул он. — Что им нужно на Земле? Люди хотят это знать! Вы это знаете, Винсент?

— Не пугайте меня, шеф, — сказал Менигон, — я пуганый. Дальше что?

Прозектор перевел дух и снова присосался к банке — было видно, как на шее под коричневой кожей елозят кадык. Лысину он вытереть забыл, и она блестела. "А ведь ты здорово боишься, — неожиданно подумал Менигон. — Чего же ты, Шелудивый, боишься? Не самих щитоносцев, конечно, на черта ты им сдался, их ведь ни человечество не интересуется, ни ты как представитель — плевать они на тебя хотели, на представителя, — тут что-то другое... Страшно тебе, Шелудивый, не за Землю, а за себя, и страх у тебя биологический: оказаться не охотником, а пожираемой дичью. Древний такой страх, от бабуинов и дриопитеков, — а ведь только тогда мы и произойдем от обезьяны, когда этого страха не будет..."

— Это не чужеродная цивилизация, — сказал прозектор. По его подбородку тек сок. — Это гораздо хуже, мой дорогой. Это люди.

— Хм, — мстительно сказал Менигон. — Вы сами-то, шеф, верите в то, что сейчас сказали?

— В гипотезы, мой дорогой, верят только идиоты. Их либо отвергают, либо принимают за основу для дальнейших построений. В данном случае могу вам сказать только то, что это наиболее разработанная версия, не более того. Мне разрешено ввести вас в курс дела.

— Разрешено или поручено? — спросил Менигон.

Прозектор с минуту смотрел на него без всякого выражения.

— Поручено. Это что-нибудь меняет?

— Нет, ничего, — сказал Менигон. — Это я так. Спасибо, шеф.

— Пожалуйста. Итак, во время первой волны экспансии... Кстати, Винсент, вы мне не напомните, когда она началась?

Менигон пожал плечами:

— Лег триста назад, я думаю...

— Со школьной историей у вас неважно, — сказал прозектор. — Первая волна пошла четыреста сорок один год назад и продолжалась около семидесяти земных лет. За это время Землю покинуло совершенно ненормальное количество кораблей. Вы удивитесь, но точное их число неизвестно. Не будем сейчас вникать в причины этого, рассмотрим лучше результаты элементарного анализа архивных данных. Значительная часть переселенцев освоилась на новых местах и основала колонии, более или менее процветающие, небольшая часть первоначально потерпела неудачу, как, например, на Прокне, часть вернулась на Землю. Наконец, часть кораблей с переселенцами погибла в пути или пропала без вести, что примерно одно и то же. Какие-то сообщества переселенцев искали лишь новых земель, какие-то — возможности применения на практике своих политических или религиозных концепций. Все это общеизвестно и не должно нас интересовать, как не интересовало тогдашнее земное правительство, чья сознательная деятельность в этом направлении сводилась лишь к эпизодическому подавлению наиболее изуверских режимов на колонизированных планетах. Чтобы не утомлять вас, скажу сразу: нас интересует лишь группа из девяти кораблей, отбившая в самом конце первой волны в направлении на единственную планету, незадолго до того обнаруженную у весьма удаленной карликовой звезды спектрального класса М. Судя по архивным документам, высадка прошла успешно. На планету было доставлено около пятнадцати тысяч человек. Восемь кораблей из девяти

вернулись на Землю, а один остался в распоряжении колонистов. Пока что это выглядит достаточно обычно. Необычным является состав переселенцев. Вне всякого сомнения, ядро этой компании составляли люди с чрезвычайно высоким интеллектуальным потенциалом, об этом, помимо прямых свидетельств, говорит хотя бы тщательнейшая подготовка колонизации и полный ее успех на начальном этапе. Там было несколько мировых имен того времени. Молодые, дерзкие, чертовски талантливые люди. Что же касается основной массы, то, несмотря на крайнюю скудость данных, достоверно установлено, что все они проходили тщательнейшую проверку по какому-то не совсем понятному нам набору параметров. Между прочим, при прочих равных предпочтении отдавалось женщинам.

— Евгеническая секта? — спросил Менигон.

— Именно. Как раз в то время деятельность подобных сект на Земле была повсеместно запрещена, так что мотивы переселения понятны. Непонятно другое: с тех пор об этих переселенцах никто ничего не слышал.

— Ну, это не аргумент, шеф, — сказал Менигон. — Сектанты же.

— Сектанты тоже люди. Но допустим...

— Или они все померли, — предположил Менигон. — А может, выродились в каких-нибудь убегунов, всякое бывает. Я просто не понимаю, шеф, как можно строить на этом версию. Тогда уж давайте и нас с вами запишем в цитируемые.

— До вас, мой дорогой, еще дойдет очередь, — сказал прозектор.

— Слушайте внимательно. Несколько лет назад тоннельный корабль "Салуин" по заданию Управления делами колоний совершил рекогносцировочный прыжок к тому самому красному карлику. В сфере притяжения звезды было обнаружено полтора десятка некрупных астероидов заведомо естественного происхождения, несколько короткопериодических комет, пара метеорных потоков и тому подобная космическая мелочь. Но планеты обнаружено не было. Она исчезла. Собранные "Салуинном" данные позволяют полностью исключить возможность космической катастрофы. По эволюции орбит астероидов удалось вычислить, что планета исчезла около шестидесяти земных лет назад. Она не взорвалась, не была поглощена красным карликом и вообще не покидала своей орбиты. Она просто исчезла как материальное тело. Со всеми людьми. Имейте в виду, Винсент, я излагаю только голые факты. До построения гипотезы дело у нас пока не дошло.

— Чего там строить, — сказал Менигон. — Ясно же. В Центре считают, что эти самые умники-евгенисты обставили человечество по всем статьям и эволюционировали в цитируемые. Так?

— Упрощаете, Винсент, упрощаете, — сказал прозектор. — Впрочем, если вам так удобнее... на сегодня версия эта считается наиболее вероятной.

— Куда они планету-то дели? — спросил Менигон.

— Спросите у них, — посоветовал прозектор. — Кстати, это еще не самое неприятное. Здесь, по крайней мере, есть несколько безумных гипотез. Подпространство, надпространство, внепространство и тому подобное. Я не физик. Непонятно другое: как могло случиться, что изолированная община пусть даже очень талантливых людей опередила в своем развитии все человечество? По-

добных примеров в истории не было. Вот в чем главная трудность этой гипотезы, мой дорогой, а вовсе не в том, куда подевалась планета. С планетой разберутся.

Ну, конечно, фыркнул про себя Менигон. У вас там, в Центре, с кем угодно разберутся, и с планетой даже. Разбираться вы умеете. Придумали себе проблему: отчего-де евгенисты быстрее вас развиваются? Да не они быстро развиваются, а вы — медленно, но откуда вам это знать?

— Это все очень интересно, шеф, — сказал он. — А при чем тут Шабан?

— Выпейте сока, мой дорогой, — сказал прозектор. — Выпейте, выпейте, это хороший сок. Для здоровья очень полезно.

Менигон, заранее морщась, отпил глоток. Его перевернуло.

— Двадцать пять лет назад, — как ни в чем не бывало, проговорил прозектор, — некий человек по имени Клаус Мейбергер привел в кадетскую школу при Северо-Западном Центре Вэ-Эс восьмилетнего мальчика. За ручку. Этот человек назвался отчимом мальчика, что подтверждалось предъявленными документами. Определив мальчика в школу, он исчез и больше не появлялся. В скобках замечу: человек этот не найден и по сей день, несмотря на самые тщательные поиски как на Земле, так и за ее пределами. Вас это не настораживает?

— С какой стати?

— Очень хорошо. Судя по документам, мать мальчика умерла несколькими днями ранее, отец же погиб в катастрофе, когда ребенку было два года. История, как видите, печальная, но вполне заурядная. Если бы не одно обстоятельство: в день появления мальчика в школе не далее как в пяти километрах от нее несколько случайных наблюдателей независимо друг от друга видели черный корабль.

— Совпадение? — спросил Менигон, вертя в пальцах банку с соком.

— Отнюдь. В разное время в различные закрытые учебные заведения Земли при подобных обстоятельствах было определено по меньшей мере шестеро детей от пяти до тринадцати лет от роду. Умершие родители этих детей отличаются одним любопытным свойством: они никогда не существовали в природе. В полной мере это касается и родителей вашего приятеля, включая его так называемого отчима. И во всех случаях близости наблюдался черный корабль. Что вы на это скажете, мой дорогой?

— Он как-то раз говорил со мной о родителях, — хмуро сказал Менигон. — Мать, во всяком случае, он помнит, это точно.

— Не сомневаюсь, — сказал прозектор. — Удалось установить, что у вашего приятеля первые дни в школе реакция была адекватная: плакал по ночам, звал мать. Потом-то, конечно, освоился.

— Ложная память? — спросил Менигон.

— Искусственно наведенная ложная память. Полагаю, Винсент, мне не нужно разжевывать вам, что это такое. Плюс к тому, вероятно, полностью стертая истинная память. Трое из этой шестерки, оказавшиеся в пределах нашей досягаемости, были подвергнуты тщательнейшему обследованию, один добровольно, остальные — так... Нет сомнения, что все трое принадлежат к тому же биологическому виду, что и мы с вами. У всех троих как

физический, так и интеллектуальный уровень несколько выше, чем у среднего человека, в особенности же это касается интеллектуального уровня. Синдром Клоцци встречается главным образом у людей высокоодаренных, не так ли, мой дорогой? — Менигон не ответил, и прозектор утвердительно наклонил лысину. — А также у шизофреников, — добавил он, помедлив. — Впрочем, у них он, кажется, лечится... Что же касается истинной их памяти о том, что происходило с ними в раннем детстве, то тут самые изощренные методы ментоскопии оказались бессильными. Эта память либо уничтожена полностью, либо скрыта на недостижимом для нас уровне. Картинки же ложной памяти выглядят у них на диво сочно и рельефно.

— У шизофреников? — поинтересовался Менигон.

— Бросьте шутить, Винсент, — строго сказал прозектор. — Бросьте. Не до шуток. Я уважаю ваши чувства, но прошу понять меня правильно. Могу вам сказать, что теперь и только теперь начинается ваша главная работа. У вас есть ваш приятель. У вас есть по меньшей мере два-три дня времени. Действуйте.

— Что я должен делать? — сипло спросил Менигон и откашлялся.

— Наблюдать, — сказал прозектор, прихлебывая из банки. — Не спускать глаз. Особенно в свете завтрашних событий. В случае появления черного корабля — имейте в виду, в Центре считают его появление возможным и даже вероятным, — немедленно фиксировать реакцию вашего друга. В остальном вы достаточно подготовлены для того, чтобы в случае необходимости действовать по обстановке. Это все.

— Я могу быть свободен? — спросил Менигон, вставая.

— Да, — сказал прозектор. — Действуйте, мой дорогой. Отчет представите послезавтра.

— По цепочке?

— Я же сказал: бросьте шутить, Винсент, — сказал прозектор.

— Отчет представите мне лично. Устно. О времени и месте вас известят. Желаю удачи.

— Спасибо... — Менигон повернулся и косолапо пошел к двери. Он чувствовал, что мысли у него путаются. Ну, спасибо тебе, Шелудивый... Следить за Искандером... всю жизнь мечтал. Вот кого ты боишься, вот кто рядом ходит... Рассказать тебе, что ли, как нынче черный корабль спас Искандера? Да ты со страху в штаны наложишь, а ведь был еще один случай, о нем даже Искандер не знает, о нем вообще никто не знает... Противно. Зашевелился Центр, землю роет... Разворошили гадючье гнездо... ткнул кто-то палкой — вы и поползли... Согласны потерять Редут, и на кровь вам плевать, согласны лишиться хоть всей Прокны и половины колоний в придачу, тем более, что это все равно случится рано или поздно, — только бы вам знать, что за сила нависает над вами...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Все получилось бы прекрасно, если бы Лиза опять не задала вопрос, от которого в ту минуту не взвыл бы, пожалуй, лишь безнадельный евнух: зачем? Подразумевалось, очевидно: зачем мы этим занимаемся? Шабан

взвыл. Теперь, стоя перед Поздняковым, он кусал губы, вспоминая то, что было. Вскочил, заорал что-то несусветное, громко, должно быть, орал, потому что в ответ завопили в соседних апартаментах и застучали в стену. Тогда он замолчал, но не успокоился и только шипел от злости, с бешенством глядя в расширенные детские глаза. Ну невозможно же, будь она человеком, прогнал бы к чертям собачьим такую дуру. То-то и оно, что она не человек и не модель, а что-то промежуточное. Модель ласкалась, обнимала и прижимала, показывая свое врожденное искусство; модель, давая наслаждение, наслаждалась сама, и было видно, что ей хорошо, она даже постанывала, извиваясь под его руками; но наслаждалось только тело, сегодня Шабан это понял, а в этом теле оказалось что-то еще, что неожиданно просочилось наружу и в разительном несоответствии с движениями бедер спросило просто и ясно: зачем? Поди ответь. Гораздо проще вскочить и наорать. Может быть, зря я вообще это начал, думал Шабан, следя за Поздняковым. О себе ведь заботился, шкурные мои интересы. А нужно ли Лизе становиться женщиной? Кто из двоих счастливее: модель или женщина? Модель, разумеется. Женщины варианты и вероятностны. Одна желает быть львицей, другая кошечкой. А третья — курицей, которую топчут. Кто может сказать заранее, которая окажется счастливее? Зато модель счастлива всегда, когда к ней прикасается хозяин, будь он херувим или мерзавец, маньяк или даже импотент. Ей все равно. Это заложено в нее, стоит ли переделывать? И трудно, и ей это не нужно, а я все пыжусь, и в результате: ЗАЧЕМ? Сильный, между прочим, вопрос, для Лизы — просто очень сильный и требует сильного ответа, а где я его возьму? Кроме одного, и тот звучит по-идиотски: я так хочу. Хочу вот, и все. И ты хоти.

Поздняков был занят. Сколько Шабан его помнил, он всегда был занят: то сосредоточенно манипулировал клавишами служебного компа, то вел разговоры по внутренней связи, то, не принимая в расчет автоматику, принимался лично вызывать не вышедшую вовремя на связь группу, но что бы он ни делал, даже если, тряся благородной седеющей шевелюрой, кричал на кого-то по громкой связи, он не переставал кивать: продолжайте, продолжайте, я вас слушаю... Самым удивительным было то, что он действительно слушал.

— Да-да, — сказал он, и его пальцы не в такт простукали по клавишам. — Да! — Он взгляделся в экран и оттолкнул от себя комп.

— Так ты говоришь, вариадонты — разумная форма? Ну, хорошо. А как твоя последняя разведка?

— Ничего интересного, — сказал Шабан. — Результаты в архиве, можно посмотреть еще раз. Но на первый взгляд — ничего.

— Верю, верю, — кивнул Поздняков. — Другому бы на слово не поверил, а тебе верю. Как тебе понравился новый напарник?

— Более или менее, — сказал Шабан. — Сразу, конечно, не разглядишь, но, по-моему, ничего парнишка. Вчера хорошо себя вел, задатки есть... — Он вдруг понял, чего хочет Поздняков. — Спасибо вам за парня, — сказал он, спохватившись. — Парень что надо. Огромное вам спасибо. Вы ведь это специально для меня, да?

— От тебя не скроешь, — благодушно сказал Поздняков. — На лету ловишь, приятно с тобой работать.

— Спасибо, — Шабан сделал вид, что смутился. — Большое спасибо. Тут у меня еще транспортный вопрос. "Армадил" дадите?

— "Армадил"? — с улыбкой переспросил Поздняков. — А у тебя какой вздоход?

— Обыкновенный, типа "эшевен". Кормы у него после вчерашнего, считайте, нету.

— Возмутительно! — сердито сказал Поздняков. — Нет, это черт знает что такое! Это просто возмутительно! Вот так у нас и бывает: нет внимания к ценным кадрам, нет порядка в обеспечении, карьеристы и горлопаны лезут вперед, а заслуженные работники довольствуются бог знает чем. Я думал, ты давно уже на "армадиле". Что же молчал? Нет, ты тут ни при чем, это мой просчет, и я его исправлю, это моя обязанность и мой долг перед разведчиками, да что там — это мой долг перед всем Редутом! Каждый на своем уровне, каждый на своем участке, все вместе, плечом к плечу, с чувством ответственности, с осознанием своего долга... долг перед обществом превыше личных интересов, только так, а не иначе!..

Слово "долг" склонялось еще минуты три. Поздняков был гневен и величествен, он даже пристукнул по столу, заставив отскочить комп, и хотел немедленно связаться с начальником подотдела служебного транспорта, чтобы потребовать объяснений, но вспомнил, что время еще слишком раннее, и остыл. "Не видать мне "армадила", — хмыкнув про себя, подумал Шабан. — И не надо".

— Да, конечно, — сказал он, дослушав. — Разумеется, вы правы. Но не все так думают.

— Вот именно! — воскликнул Поздняков и рубанул рукой воздух.

— Вот именно, не все! А почему? Потому что мы мало работаем с личным составом, вот почему! Потому что личный состав разлагается с ужасающей быстротой, потому что даже те немногие из нас, кто родился и вырос в Редуте или, сказать шире, на Прокне, — даже эти немногие понимают свой долг лишь в самом вульгарном, деловом смысле, вот почему! Что же говорить о большинстве? Повальное пьянство, пассивное неподчинение, грибной порошок... Мы не можем и не будем с этим мириться, такая безответственность слишком дорого стоит. Чем занимается отдел Массового Досуга? Такому положению дел необходимо положить конец, и я сегодня же буду говорить об этом на Совете!

— Лучше бы о вариадонтах, — напомнил Шабан. — Право, лучше бы.

— О чем? — недовольно переспросил Поздняков. Он потерял нить, и его речь не получила должной концовки.

— О ком, — поправил Шабан. — О вариадонтах. О разумной форме жизни. Они в Южных Землях, я же вам уже говорил. Они в опасности.

— Да-да, — сказал Поздняков. — Да, конечно, Искандер. Я знаю, что на тебя можно положиться в любом деле, я всегда это знал. Достояние Редута — это достояние Редута, и мы никому не позволим. Нельзя забывать, что мы на переднем крае, нельзя, развивая успех в центре, пренебрегать флангами. Человечество нам этого не простит. Признаться, я не вполне понимаю, какую эти — как ты их называешь? — могут представлять для нас ценность. Может быть, в отдаленной перспективе... — Поздняков морщил лоб, его рука совершала сложное движение,

будто вворачивала невидимый шуруп. — Да, ты безусловно прав: думать о перспективе необходимо, кому же и думать, как не нам с тобой. Еще раз благодарю, Искандер: ты, как всегда, принес ценную информацию. Я же со своей стороны приложу все усилия... — Шуруп был закручен, и рука твердо легла на стол: вопрос был решен. Сегодня рука была обыкновенная, тяжелая и крепкая, внушающая доверие, совсем не похожая на ту суетливую конечность, что металась по поверхности стола, когда кабинетные стены кричали голосом погибающего Гийома, и искала, искала на ощупь клавишу отключения громкой связи, и все никак не могла найти... Если бы не та мечущаяся рука, сегодня особенно назойливо вертевшаяся в памяти, Шабан бы, пожалуй, поверил. Ему очень хотелось верить.

— Извините, — сказал он, потупившись, — я так не могу. Так нет смысла... — Он потер ладонью лоб, и ладонь стала влажной. — Их же убьют, вы понимаете! Обыкновенно, примитивно убьют. Случайно или для удовольствия. Вчера уже подстрелили двух ложнокрылов — кому они мешали? Дорвалась свинья до корыта... У нас под боком идет Процесс, рождается новая разумная раса, а мы не желаем подвинуться! — Он уже кричал, но не замечал, что кричит. — Единственная, помимо нас, во всей Вселенной разумная раса! Кто нам простит ее уничтожение?

— Думаешь, будет скандал? — спросил Поздняков.

— Я уверен, — ответил Шабан. Он чувствовал, что бьет туда, куда нужно. — Конечно, будет скандал. С Межзоны начнется, Земля, вне всякого сомнения, поддержит, да и Лига, пожалуй, тоже. Я не специалист, но ясно же...

— Гм, — сказал Поздняков. — Возможно, ты и прав. Я всегда говорил, что нельзя недооценивать всю глубину последствий, наш долг

— мыслить и взвешивать. Так ты считаешь, что их следует взять под охрану?

— Нет, — сказал Шабан.

— Не надо им охраны. — Им не нужно, чтобы их охраняли, им нужно, чтобы их не трогали... — Он помолчал секунду и решился: — Закрыть тоннель — вот что нужно! Заткнуть эту дыру. Отложить освоение месторождений Юга хотя бы на один год, рассказывайте другим, что мы не можем себе это позволить! Не лезть туда свиным рылом — вот что нужно! Экспертов из Межзоны! Представителей от Земли и Лиги!

— Да-да, — сказал Поздняков. — Может быть. Я не думаю, что ты прав, однако...

"Однако" повисло без опоры. Поздняков не вскопчил, не наорал в ответ на чудовищную ересь, не пригрозил шельфом, не напомнил о долге и не сказал: "Нельзя, Искандер, нельзя этого" — он остался сидеть, но его пальцы тихонько барабанили по столу. Чем-то он был взволнован, что-то не давало покоя. Что?

— Я собирался подать докладную, — мрачно сказал Шабан.

— Мне?

— Нет. В Правительственный Совет.

— Прекрасная мысль, — кивнул Поздняков. — Что же не подал? Испугался? Ну, шучу, шучу, не обижайся. Я тебе чрезвычайно признателен, Искандер. Ты не просто толковый работник, ты еще и человек неравнодушный, такое сочетание встречается отнюдь не часто. Вот

что: Совет считает полезным учредить должность заместителя начальника геологической службы по работе с личным составом. Как ты посмотришь на то, чтобы принять эту миссию на себя?

— Вы не шутите? — спросил Шабан.

— Какие тут могут быть шутки. Подумай, Искандер. С твоим-то опытом работы не дело прозябать в рядовых разведчиках. Твой друг Менигон в гору пошел, и тебе пора. Впрягайся. Я помогу на первых порах, но предупреждаю: работы много. Так как?

— Не знаю, — нерешительно сказал Шабан. — Вообще я с людьми-то не очень... Есть другие, лучше... Я не справлюсь, наверное.

— Чепуха, — отмахнулся Поздняков. — Справишься. Знаю, о чем ты думаешь: на свете существуют более интересные вещи, чем продвижение по служебной лестнице, ты ведь думаешь именно так, я не ошибся? Не мотай головой, это я тебе в комплимент, а не в порицание. Скромность — это хорошо, но она украшает лишь до тех пор, пока не вредит общему делу. Не хочу говорить громких слов, пусть наши противники говорят громкие слова, а мы будем действовать... Мы должны и будем действовать со всей энергией и решительностью. Нерешительность нам не прерогатива. Редуту нужны молодые, надежные и энергичные руководители, молодая здоровая поросль, способная со временем встать у руля, такова установка Совета. Давно пора навести порядок: кое-кто из нынешних руководителей явно не соответствует. Утеряно чувство ответственности, утрачена перспектива... Трех поколений не прошло — забыта общая цель! Редуту нужны такие люди, как ты, готовые из высших устремлений служить на переднем крае. Согласен? Свой кабинет на административном ярусе, в недалекой перспективе — первая служебная ступень и голос в Совете во мое отсутствие. А? Договорились?

— Можно, я подумаю? — спросил Шабан.

— Можно, — разрешил Поздняков. — Подумай. Только не затягивай это надолго. Мне бы не хотелось употреблять здесь свою власть. А кроме того, — Поздняков вдруг прищурился и неожиданно подмигнул, — в случае твоего согласия руководству было бы проще закрыть глаза на некоторые факты, касающиеся тебя лично... Лиза, понял Шабан. Поздняков еще что-то говорил, но он уже не слышал. Он же меня покупает, с тупой покорностью подумал Шабан. Он же меня уже купил. Вот, значит, как. Кретин, меня ведь уже не нужно покупать, я и так уже на лопатках, зачем разбрасывать должности? Вариадонтам конец, это ясно, нечего было и надеяться, что Поздняков вдруг проникнется.

— Вы знаете, я подумал, — сказал Шабан. — Я согласен.

— И прекрасно! — Поздняков широко улыбнулся. Встал, протянул руку. — Поздравляю с назначением. В десять часов заседание Совета, там я тебя и представлю...

Наверно, следовало бы зайти домой позавтракать, но Шабан не мог. Он брел наугад по пустым коридорам Порт-Бьюно, слишком оглушенный, чтобы думать о еде, ругал Клодси с синдромом его имени и тщетно пытался разложить по полочкам ускользающие мысли. Чего хочет Поздняков? Ничего не понятно, опять какая-то дурацкая суета, теперь и я с головой в этой суете. Для чего

ему вдруг понадобилось собрать всех разведчиков — опять болтать о долге? "Ты знаешь, Искандер, почти все люди сейчас в разгоне, но экстренный вызов я послал, а после Совета ты лично проконтролируй, и чтобы к вечеру все были здесь..." Зачем это? Даже простил двонх с шельфа, тоже вызвал. Совсем на него не похоже. Болтун-болтун, но если он что-то делает, значит, не зря. Что-то будет. О вариадонтах, конечно, ни слова, забыл он про них и уже не вспомнит: тут дела, видно, поважнее...

Порт-Бьюно спал. Праздничная ночь оставила в коридорах свои следы, их сейчас затирали неторопливые механические мусорщики. Из-за дверей слышался храп. Резанул уши тонкий женский вскрик — Шабан стиснул зубы и пошел быстрее. У моделей невысокая чувствительность к боли, тут нужно быть особым специалистом... Кто-то по соседству спросонья завопил, чтобы перестали мучить животное, и где-то тихонок засмеялся. Коридоры были пусты, если не считать пьяного, валявшегося у стены и мычавшего в ответ на попытки мусорщика сгрести его в бункер, да еще вдали на секунду показался Ева Панчев, махнул рукой в приветствии и исчез. В другое время Шабан окликнул бы его и с удовольствием поболтал, но теперь он был начальством и не знал, как себя вести. Ладно, с Евой еще как-нибудь. Он-то поймет, еще несколько человек поймут, но прежней дружбы, как ни жаль, уже не будет, а остальные разведчики просто возненавидят: еще один прыщ вылез... Креатура Живоглота! А предложи любому мое место — никто не откажется, не для себя-де, для пользы дела.

Благопристойнее других выглядел ярус для семейных. Мусорщики сюда еще не добрались, но работы им было немного. Ярус спал. Около стены у решетки вентиляционной шахты стояла девушка лет четырех в скромном платье и водила ладошкой по решетке, а иногда делала неловкие хватательные движения. "Жуки, жуки, жуки, жуки..." — тянул тоненький голосок. Шабан остановился, с любопытством присматриваясь. Что еще за "жуки"? Может, "блохи"? Но это были и не "блохи". По решетке бегали личинки белого клеща, маленькие коричневые твари, вовсе не похожие на жуков; эта девочка никогда не видела настоящих жуков, да и откуда? Хвать! Детская ручонка устремлялась к личинке, но личинка оказывалась проворнее, и девочка разжимала кулачок, с разочарованием смотрела на пустую ладошку, и все начиналось сначала: "Жуки, жуки..."

— Это не жуки, — не утерпел Шабан. — Жуки не такие. Это личинки.

Девочка недоверчиво посмотрела на него и убрала руки за спину.

— Это жуки, — сказала она. — Я их ловлю.

— Лучше не лови, — улыбнулся Шабан. — Мало ли что... А родители твои где?

— Дрыхнут, — сказала девочка. — Папка храпит — слышишь? А жуки хорошие, их просто кто-то очень напугал. Ты их пугать не будешь?

— Конечно, нет, — уверил Шабан. — Но в руки ты их все-таки не бери, ладно?

Он зачем-то подмигнул и пошел дальше. "Жуки, жуки..." — донеслось из-за спины. Хорошая девочка. Это сколько же времени я не видел детей? Давно что-то. Хорошо бы так: луг, солнышко светит, а лучше даже не луг, а лесная поляна, звон мошкары, густые лесные запахи, ягоды в траве, а на поляне стоит... нет, лучше бе-

жит по поляне, по траве, смешно выбрасывая ноги, такая вот девчушка в платьице, пронизанном солнечными лучами... А я спрятался за дерево, замшелый такой ствол, и меня не видно, тогда она останавливается, растерянно крутит головой и вдруг, заметив, бросается ко мне с радостным визгом, а тут из леса чинно выходит Лиза, с гордостью неся за ножку настоящий подберезовик с прилипшим к шляпке листком — первый в этом году... У нас с тобой еще будут дети, Лиза. Что с того, что модель не может иметь детей? Здесь не может, но на Земле мы с тобой что-нибудь придумаем, устоял бы бюджет перед медициной. Говорят еще, будто модель может не выдержать ренатурализацию, но кто это может знать наверняка? Никто же не пробовал. Я вырвусь отсюда не один, моя девочка, мы с тобой вырвемся вместе — я еще не знаю, как это сделать, но пока нам нечего бояться. Ты слышала: Поздняков обещал закрыть глаза. Пусть закроет. Ты думаешь, мне нужна эта должность? Мне нужна ты, солнечная поляна и девочка, бегущая по траве, но куда там... Жуки, жуки... А это еще что?

По полу в одном с ним направлении двигалось что-то мелкое, едва заметное на сером пластике. Опять личинка белого клеща? Не-ет, на этот раз не личинка: личинки не любят света и не ползают столь целеустремленно. Не личинка, а самая настоящая "блоха". Надо же, теперь им мало внутренних коммуникаций и вентиляционных отдушин, они уже осваивают коридоры, а интеллект, о котором говорил Менигон, не позволил им угодить в контейнер мусоросборщика. Ну и ну.

Теперь он внимательно смотрел под ноги. Уже через пять шагов он заметил еще одну "блоху", столь же целеустремленно ползущую навстречу. Эта была крупнее первой — пожалуй, не меньше пяти миллиметров в длину, — и Шабан, нагнувшись, разглядел даже тонкие усики-антенны, венчавшие голову и находившиеся в непрерывном беспокойном движении. "Блоха" действительно была похожа на мелкое насекомое — в очевидном расчете на простаков, наивно выстукивающих стены в поисках поделушивающих устройств.

Расстояние между "блохами" быстро сокращалось. Шабан остановился посмотреть, что произойдет, когда "блохи" встретятся.

На расстоянии двадцати сантиметров друг от друга "блохи" разом притормозили и замерли на месте, повода дрожавшими усиками. Похоже, обе были не рады встрече. Через десяток секунд, убедившись в неподвижности противника, первая, меньшая по размерам "блоха" неторопливо засеменила в сторону, пытаясь обойти препятствие, но вторая молниеносно отреагировала на этот маневр и преградила ей дорогу. Некоторое время обе сидели неподвижно, и Шабан гадал, чем это может кончиться; затем первая попыталась назад и, развернувшись, кинулась было прочь — но в тот же момент вторая рванулась вперед с неожиданной для насекомого скоростью. Послышался негромкий щелчок, и Шабан с удивлением увидел, что обе "блохи" отлетели друг от друга на полметра, будто отброшенные, — и тут же одновременно перевернулись на лапки, как ни в чем не бывало. Но теперь их связывала тонкая, едва различимая глазом и, по видимому, очень крепкая паутинка. Вторая "блоха", деловито подняв голову, принялась быстро заглатывать нить, подтаскивая к себе жертву. Та отчаянно сопротивлялась, пытаясь вырваться, упиралась лапками, но

мало-помалу сдавала позиции, все ближе подтаскиваемая к хищнику, из чьей изготовившейся головогруды вот-вот должны были высунуться не то пилю, не то жвалы, не то иные орудия вскрытия. Из-за разницы весовых категорий первая "блоха" практически не имела шансов и, видимо, хорошо это понимала. Когда ей осталось жить на полпальца длины паутинки, она слабо пискнула, безрезультатно попыталась перекусить нить и вдруг, замерев на мгновение, резко и точно выплонула во вторую "блоху" тонкую струйку какой-то жидкости. Слепленная "блоха" завертелась на месте, и жертва, мгновенно воспрянув, кинулась на хищника. Шабан не стал смотреть, чем кончится битва, и пошел дальше, предоставив "блохам" разбираться друг с другом как умеют. До начала заседания оставался еще почти час, и все-таки следовало сходить позавтракать. Порт-Бьюно спал и видел сны про завтрашний праздник. Только один человек встретился по дороге. Это был Эл Мейтус по прозвищу Кошкодав, некогда разведчик, а ныне неприметный лаборант, вечно куда-то спешащий, очень старательный, с вечной испариной и суетливыми движениями. Мало кто не знал, что его работа в Аналитическом отделе была всего лишь прикрытием куда более нервной деятельности, связанной с перепродажей грибного порошка. Шабан проводил Кошкодава взглядом. Попросить порошка, что ли? Нет, в другой раз. Под курткой у Мейтуса явно выпирало что-то продолговатое и очень знакомое. А не карабин ли это? Шабан даже присвистнул: не боится неприятней парень. Давно в изоляторе на стены не бросался — соскучился? Или думает о себе, что все еще разведчик? Какие-то чудеса происходят. Может быть, Поздняков прав и собирает разведчиков именно потому, что ребята они решительные, каждый с оружием, умеет им владеть и стоит двух охранников, если только не в ближнем бою? Гм. Занятно.

В зал заседаний вошли вместе с Поздняковым. Одна из желтых касок правительственной охраны, разглядев значок второй степени, сунулась было преградить вход, но Поздняков на ходу бросил: "Это мой заместитель", и Шабана пропустили, равнодушно ощупав взглядом. Шабан был здесь впервые — на правительственный ярус заносило не всякого — и с любопытством осматривался. Зал заседаний удивил его ромбической формой и витиеватостью отделки: стены и потолок были скрыты под настоящей флорентийской мозаикой, изображающей основные этапы колонизации Прокной — от горьких и поучительных неудач эпохи Первого и Второго Нашествий (мрачные архитектурные руины с парящей над ними крылатой Мечтой), от временного упадка и жалкой растерянности, соседствующей, впрочем, с неизменной верой в прекрасное Завтра (ряд аллегорических фигур), до твердой и неуклонной поступи человечества к жизни и процветанию на отдельно взятой враждебной планете. Этапами поступи являлись: первый корабль с переселенцами, первый поселок у первой шахты, быстрое распространения влияния человека на весь гигантский материк, образование славного государства Северный Редут (с символической зубчатой стеной, обозначающей нерушимость границ), присоединение Редута к Сопределяющему бурное промышленное развитие, сопровождающееся самоотверженной борьбой с силами косной природы (боль-

шая, как у Позднякова, ладонь, останавливающая приливную волну, нависшую над выводком буровых платформ на шельфе), принятие Прокны в Лигу Свободных Миров и, наконец, закладка фундамента Порт-Бьюно, символизирующего основу прекрасного Завтра. Прекрасное Завтра оккупировало потолок. К потолку, пронзая точно посередине огромный, нездешнего голубого мрамора, стол, тянулась стройная колонна, увенчанная рениевым бюстом Свена Эриксона — архитектора и строителя Порт-Бьюно. Рениевый Эриксон, задрал подбородок, смотрел в прекрасное Завтра так, будто был уже почти там и пригласил за собою всех желающих.

Опять человек-легенда, подумал Шабан, косясь на бюст. Много их что-то, для Редута — просто непропорционально много. Мифы. А что? В этом что-то есть, мы же нормальные люди, а значит, в истории не нуждаемся. Нормальному человеку нужна не история, а именно мифология, и чтобы в ней непременно была бездна героики, заставляющая его чувствовать себя наследником некоей исключительности и свысока поглядывать на соседей, расправляя более или менее богатырские плечи. В сущности, такая мифология совершенно необходима для успешного функционирования любой государственной системы. Мифы! Если вранье чересчур очевидно, следует приписать: факт не проверен, возможно, это легенда. Возможно! Между прочим, Эриксон спился и умер самым жалким образом, когда прозрел и увидел, какая жизнь идет в его любимом детище, — он-то, бедняга, думал, что люди, объединенные общим домом, станут терпимее друг к другу... Но все твердо знают: гениальный строитель, поняв, что ничего более величественного создать не сможет, благородно разнес себе голову выстрелом из пушечного ядра. Или бросился с крыши Порт-Бьюно, это другой вариант легенды, и многим он кажется изящнее... Нет, история нам не нужна. Разве можно поверить в то, что до тебя было не хуже и не лучше, чем сейчас, а примерно так же?

Народу мало-помалу прибывало. По одному и по двое-трое в зал входили начальники отделов и подотделов, заместители, эксперты. Здоровались, рассаживались. Ждали Арбитра и Председателя. Мант-Лахвиц тоже был тут — сидел особняком, ни на кого не глядя. Кучка любопытствующих в углу, обступив взволнованного рассказчика, слушала новость о том, как на днях разведчики Малькольм Пул и Овсей Пучковский, исследуя ущелья в массиве Чертовой Пилы, снова обнаружили явственный след босой семипалой ноги чудовищного размера, причем след был не вдавлен, а как бы вплавлен в ледник на глубину до тридцати сантиметров и заведомо не мог принадлежать ни одному из известных на Прокне животных, равно как и не мог образоваться небиологическим путем. Следствием находки было то, что вчера около полуночи шесть человек разведчиков — седьмого несли — прямо из бара, разгоняя по пути мелкую канцелярскую сошку, вломилась к начальнику подотдела снабжения, подняли того с постели и, не дав ему как следует продрать глаза, хором заявили, что они, то есть все разведчики как один, без особых преинициальных в горы больше не пойдут, а если какая-нибудь скотина, то есть из них, разведчиков, какой-нибудь подлец и пойдет, то они, то есть все как один разведчики, устроят ему такую жизнь, что он будет счастлив сменить вездеход разведчика на дисплей канцелярской крысы. А кроме

того — оснастить каждого разведчика самым совершенным личным оружием. А кроме того... Начальник подотдела обещал, и банда с победными кликами вернулась в бар, забыв у него в комнате своего спящего товарища. Возмущенный рассказчик постепенно повышал голос, и к концу рассказа стало ясно, что обращается он прежде всего к присутствующему здесь шефу отдела Особой Охраны. Совершенно напрасно: на рассказ Живоглота почему-то не прореагировал, зато, увидев Шабана, осторожно присевшего на свой стул позади Позднякова, кивнул и улыбнулся, словно хотел сказать: "А, и вы тут! Давно пора, знаете ли, давно пора..." Шабан попытался состроить ответную улыбку, но тут в зал вошел Арбитр, и все кинулись по своим местам.

Арбитр — существо недоступное, из заоблачных сфер. Шабан впервые видел Арбитра и теперь тянул шею, разглядывая спокойного лысоватого старичка, мирно шествующего к своему креслу. Как и большинство, Шабан знал об Арбитре очень мало. Арбитр безвылазно живет на правительственном ярусе, он избирается пожизненно из старейших членов Совета на роль великого молчаливого, ему запрещено вносить предложения и участвовать в обсуждении законопроектов и текущих дел, он не имеет права вето, зато при голосовании его голос эквивалентен десяти голосам рядовых членов Совета — потому он и Арбитр. Даже Председатель имеет всего два голоса, и на практике требуется редкое единодушие, чтобы провести в жизнь предложение, против которого проголосовал Арбитр. Для местной газеты давно стало общим местом называть Арбитра советью Редута. Наиболее информированные из кулуарных трепачей божились, что Арбитра не существует вообще.

И тем не менее он был — маленький розовый старичок, а вслед за ним, уважительно пропустив его вперед, вошел Председатель, сопровождаемый дежурным заместителем, и теперь все были в сборе. Последовало вставание, прерванное жестом руки. Председатель откашлялся и поздоровался, после чего предложил считать утреннее заседание открытым и дать слово заместителю Председателя для ознакомления членов Совета с текущей информацией. Возражений не возникло. Дежурный заместитель встал, махнул прической в легком поклоне, тонко кашлянул и начал говорить, заглядывая в карманную шпаргалку-комп, сбиваясь, нервно облизываясь и время от времени пытаясь поймать искательным взглядом Председателя и Живоглота одновременно. Главная новость об окончании проходки тоннеля уже была всем хорошо известна, поэтому докладчик не стал на ней задерживаться и, попросив у Совета позволения перейти к более свежей информации, выждал благосклонного кивка Председателя. Кто-то напрягся, кто-то шумно подвинул стул, и слушанье текущих дел началось.

Первый день объявленного трехдневного праздника, вопреки известным сомнениям, прошел в общих чертах сносно. Выраженного недовольства среди лиц, чей срок контракта истек, замечено не было — напротив, народное ликование было всеобщим и искренним, омраченным лишь отдельными незначительными нарушениями порядка, вызванными в первую очередь развалом, царящим в отделе Массового Досуга, новому руководству которого уже предложено наладить работу в кратчайшие сроки. Тем не менее есть основания опасаться серьезных эксцессов в последующие дни, и так как ввиду настро-

ния людей сокращение праздника до двух дней представляется решительно невозможным, имеется настоятельная необходимость просить руководство отделов Общей и Особой Охраны принять все меры к обеспечению надлежащего порядка в жилых ярусах Порт-Бьюно... Живоглот поднял голову, равнодушно кивнул, и докладчик, облегченно переведа дух, продолжил чтение.

С окончанием работ по проходе тоннеля становятся доступными месторождения Юга. Подотделом проектных работ завершены предварительные проекты одной шахты и двух открытых разрезов, окончательно проекты будут утверждены после дополнительных исследований на местности. Ввиду компактности предполагаемого расположения рудников намечается строительство всего лишь одного рабочего поселка укрупненного типа и малой военной базы с флайдромом подскока для отражения возможной агрессии со стороны вероятного противника. Переброска воинского контингента на Юг начнется не позднее завтрашнего дня, строителей с соответствующей техникой — сразу по окончании основных работ в тоннеле.

Металлургический комбинат имени Баруха вышел на рекордные показатели по производству сверхчистых лантаноидов, но пока отстает по производству рения, что вызвано как изношенностью оборудования, с одной стороны, так и выработкой наиболее ценных руд на близлежащих шахтах — с другой. На одной из алмазоносных трубок в том же районе найден крупнейший в этом году зеленый алмаз весом 34 карата.

Произошел обвал на шахте "Роза Севера". Жертв нет, один рабочий легко ранен. Материальные потери: одиннадцать убегунов и часть уникального комплекта шахтного оборудования, закупленного на Земле. Причины обвала выясняются.

На границе с Мелкими Озерами произошла перестрелка, спровоцированная противной стороной. Сведений о потерях не поступало. Правительству Мелких Озер направлена нота протеста, почти одновременно получена аналогичная.

Вскрыты новые злоупотребления бывшего руководства отдела Массового Досуга. Отдел Контроля продолжает расследование.

В связи с приближающимся сезоном дождей и ожидаемым подъемом уровня грунтовых вод восточным рудникам грозит затопление, вызванное задержкой поставки аварийного оборудования. Есть необходимость в принятии неотложных мер.

Анклав Коммуна дал о себе знать и предлагает обменяться постоянными представительствами. Не исключено, что речь идет о попытке прозондировать почву для вступления в Содружество. Межзона обратилась к членам Содружества с предложением повысить дотации на перспективные научные исследования до одного процента национального дохода. Большинство стран предложение уже отвергнуто как неприемлемое.

Началась сезонная миграция убегунов. Большое их скопление движется с севера, очевидно намереваясь проникнуть в Южные Земли, и, по-видимому, еще сегодня отчет Порт-Бьюно с двух сторон. Слухи об оружии, якобы имеющемся у убегунов, лишены всякого основания.

На территории пищевой фабрики "Околополярная" разыгралась пурга. Сорванным ветром щитом с нагляд-

ной агитацией по технике безопасности был убит проходивший мимо мастер.

За последнюю неделю обнаружены и сожжены две подпольные плантации ползучего гриба. Доблестными сотрудниками Особой Охраны уничтожена перевалочная база в горах, во время операции убито восемь опасных преступников, не пожелавших отдать себя в руки правосудия. Среди наших ребят потерь нет.

Вчерашняя авария на энергоподстанции, случившаяся из-за разгильдяйства дежурной смены, ликвидирована. Виновные наказаны полугодовым продлением контракта. "Мало!" — подал голос кто-то сбоку. "Достаточно", — веско сказал Председатель. Сбившийся докладчик взглянул на рениевого Эриксона, набрал в грудь воздуха и перешел к следующему пункту.

Пунктов было много. Иногда они прерывались репликами с мест, но чаще выслушивались молча, и до серьезного обсуждения было еще далеко. Шабан с удивлением чувствовал, что ядовитое настроение, владевшее им до начала заседания, постепенно уходит, уступая место уважению. Здесь, в этом дурацком зале с дурацкой мозаикой и торчащей из стола колонной, решалось будущее Редута, и он, в сущности обыкновенный разведчик, ничего особенного из себя не представляющий, волею случая допущен в святая святых, и теперь он тоже причастен, и от него теперь тоже что-то зависит. Пусть пока мало... Пусть даже этот храм государственной мудрости вовсе не храм и вовсе не мудрости — все же это собрание людей, облеченных властью, неравнодушных, надеющихся как-то повлиять на ход событий, а это уже очень много. Все вместе, единой командой профессионалов, не жалея сил — только так можно вытянуть Редут из стремительно накачивающегося всеобщего развала, только так, а не иначе. Шабан втянул живот и расправил плечи. Да, только так. Грош нам цена, если мы этого не сможем. Конечно, не все у нас пока идеально: вот, например, новый начальник отдела Массового Досуга заурядно не умен и разваленный отдел не вытянет, дежурному заместителю неплохо бы ампутировать косный язык, а руководитель медицинской службы отвратительно рыгает и не слушает докладчика. Ну, и Живоглота, конечно, не мешало бы заменить: законная власть должна вызывать уважение, а не страх. Люди должны идти за властью, а не бежать от нее. Тоннель прибавил уважения к правительству, нужно этим пользоваться, пока держится эйфория победы, нужно решительно встать впереди толпы в окружающем нас болоте и идти, идти, несмотря ни на что, радуясь победам и извлекая уроки из неудач, идти, неуклонно и терпеливо, и вести за собою стадо, именуемое народом Редута, не пренебрегая, когда это необходимо, и жесткими мерами, — только так, только так... Он очнулся. Докладчик продолжал бубнить и облизываться. Председатель сидел прямо и значительно глядел перед собой. Совет слушал докладчика, а по ту сторону колонны кто-то расслабленный и мерно дышащий угрожал пространству морщинистой лысиной. Наверно, спал. Что же это, ужаснулся Шабан, что же это я делаю? Зачем я здесь нужен, зачем мне нужны эти люди? Не полечу на Землю, останусь тут и буду служить, буду воспитывать в разведчиках чувство долга и собачиться со снабженцами; если не дам себя съесть, то через десяток лет займу место Позднякова... Не хочу. С ними — не хочу. Прав Менигон: не то сейчас время. Да что мне

Менигон, сам я разве этого не понимаю? С ними нельзя, это же не правительство, это какая-то дикая, бездарная пародия, второе-третье поколение преемников изначальной колониальной администрации. Черт его знает, что это была за администрация, только каждое новое поколение власти получалось почему-то хуже и слабее предыдущего — закон, что ли, такой? Вести за собой людей по болоту? Очень хорошо, просто замечательно, давно пора, есть предложение поддержать, кто против? Никого? Ура-ура. А кто поведет? Эриксон? Да он, знаете ли, умер, а других таких ископаемых трилобитов уже не осталось... Да так ли уж нужно по болоту-то? Грязно же, неблагоприятно, затянуть может в два счета, дойдем ли еще? И куда дойдем? И надо ли? Когда под ногами удобная кочка, почти не сыро и только следует поглядывать, чтобы соседи не спихнули, — надо ли? Бесконечная игра на удержание счета. А кругом распад, усталое безразличие, общество деградирует, отработавшие по контракту требуют ренатурализации, люди звереют до потери естественного облика, снизу прет плесень, Кошковады разные, и единственная сила, еще способная спасти Редут от полного распада, — как ни странно, Живоглот со своими мерзавцами. Должно быть, и в Хинаго то же самое, и в Мелких Озерах...

Шабан вздрогнул и помотал головой. Перед глазами маячил сивый поздняяковский затылок. Арбитр молчал. Дежурный заместитель дочитал свое, сел позади Председателя и утерся платочком, а вместо него по мановению председательской руки встал для доклада начальник Аналитического отдела. Разомлевший обладатель морщинистой лысины издал было носом свистящий звук, но его пихнули в бок, и он засопел и заворочался.

"...Наконец, я рад отметить, что известные прогнозы относительно дальнейшего уменьшения численности населения Редута, к счастью, не оправдались. С начала этого года умерло естественной смертью, погбло, пропало без вести, а также покончило с собой в общей сложности тридцать четыре человека, родилось девять, последняя цифра значительно превышает прошлогодние показатели. Вопреки опасениям, статистика суицида практически не изменилась, но все еще продолжает вызывать беспокойство. Из числа отработавших по контракту покинуло Прокну сто девяносто восемь, прибыло новых — двести двадцать три. Таким образом, можно уверенно утверждать, что демографическая ситуация в Редуте имеет тенденцию к улучшению. Цифры однозначно показывают неуклонный рост благосостояния населения, расширяется также комплекс бесплатных услуг, однако нас должен насторожить тот факт, что только двадцать процентов опрошенных согласились с тем, что их жизнь действительно меняется к лучшему. Если исключить различные чисто человеческие факторы, как то: необоснованные опасения части опрошенных, завуалированное нежелание сотрудничать с Аналитическим отделом, проистекающее, очевидно, от слабой информированности населения о его методах и задачах, то следует принять неутешительный вывод о том, что истинное число наших сограждан, удовлетворенных нынешним порядком вещей, существенно меньше числа ответивших положительно. Одно из двух: либо в Редуте незаметно для нас происходит интенсивное имущественное расслоение с непропорциональным обогащением лишь незначительной части наших сограждан, чего мы никак не должны

допускать, — либо, что гораздо более вероятно, бесспорные положительные сдвиги произойдут столь медленно, что основная масса населения попросту их не замечает. И здесь я намерен предъявить самые серьезные претензии к начальникам отделов Удовлетворения Нужд и Устройства Быта..."

Охаянные начальники пытались перебивать, но их заставили замолчать и дожидаться конца выступления. Один из них раздраженно ерзал вместе со стулом и менялся в лице, цветом которого напоминал медицинскую иллюстрацию к ожогу первой степени, — другой же сидел спокойно и уверенно, всем своим видом давая понять, что вообще-то ему наплевать на инсинуации, но уж если его заставят отлягнуться, он отлягнется, и тогда пусть пеняют на себя. Аналитик метнул напрасный взгляд на Председателя, затем на Позднякова, выдержал паузу и, ничего не достигнув, в две фразы закончил доклад и раздраженно сел. Поздняков, как ни странно, не только не кинулся в атаку, но словно бы даже и не слышал. Кто-то сбоку явственно пробурчал: "Договаривались же!.." Кто-то фыркнул в рукав. Поздняков не реагировал. Казалось, что он не понимает, зачем он здесь, почему он сидит с этими людьми и слушает вздор, в то время как где-то совсем рядом происходит что-то необыкновенное, стихийное, крайне важное, нужно только набраться сил, подняться и уйти, никого не слушая и ни на кого не глядя, чтобы в последний отчаянный момент попытаться встать у руля и успеть, все-таки успеть предотвратить страшные последствия — но нет сил встать у руля, нет сил даже встать со стула... Что может противопоставить Поздняков? Полсотни разведчиков, у которых он давно сидит в печенках? Мало, и те разбросаны кто куда, козырная карта не в руках... Да черт с ним. Шабан отвернулся и перевел осторожный взгляд на Живоглота. Живоглот улыбался.

Заслушали еще один короткий доклад и перешли к приемам. Медленное время скользило по поверхности, утреннее заседание успешно продвигалось к концу. О сенипалой ноге и учиненном разведчиками скандале никто не поминал. О щитоносцах тоже: очевидно, тема считалась запретной. Дважды голосовали какие-то предложения, которые Шабан пропустил мимо ушей, и обнаружили таинственную недостачу одного голоса, после чего со смехом будили морщинистую лысину и коварно предлагали немедленно проголосовать. Морщинистая лысина был "за". Председатель пожурил нарушителя порядка, сурово указав на то, что праздники существуют для народа, а не для правительства. "Вот то-то и оно, — веско сказал Председатель, подняв вверх указательный палец. — Вот припоминаю один случай..."

Господи, думал Шабан, чувствуя тупое отчаяние, — что же это? Ему мучительно хотелось жать уши, сдавить голову руками, коленями, чем угодно, чтобы только до хруста, до лиловых кругов в глазах, и ничего, кроме хруста, не слышать. После Председателя говорили уже все. Шум нарастал, каруселью мелькали возбужденные лица. Господи, ведь так не бывает, так не должно быть, это же какой-то кошмар, их невозможно остановить, это стихия, а значит, ей все равно, она даже не заметит... Но его заметили сразу, как только он встал, а когда он шагнул вперед, двадцать лиц повернулись в его сторону. Он заговорил, и они замолчали. Они смотрели в недоумении, но они слушали, и это было главное. Изум-

ленно молчал Председатель. Дежурный заместитель за-был закрыть рот. Живоглот поднял брови и улыбнулся шире. Поздняков просвистел сквозь зубы неслышное: "С-сядь!" — и отвернулся. Только бы не сбиться, подумал Шабан. Нельзя... Он с удивлением, будто со стороны, слышал свою речь. Говорил не он, он только шевелил губами, а говорил какой-то совсем другой, незнакомый человек, которому не было дела до того, что с ним будет, когда он кончит говорить, его не волновало, что его могут оборвать и унижить, он хорошо знал, что у него лишь один шанс из многих тысяч, и он как мог боролся за этот шанс, не собираясь его уступать. Неужели это я? — изумился Шабан. Речь текла свободно и мощно — ухоженная, выпестованная, тщательно продуманная речь, — к ней нечего было добавить, и из нее ничего нельзя было убрать, он и не подозревал, что она уже давно сложилась в его голове, пошел хоть раз на пользу синдром Клоцци! Так вас всех! Слушайте. Поймите хоть раз, хоть на пять минут, что нельзя так жить дальше, поймите, что существуют иные методы мышления, кроме метода мозгового штиля, поймите и ужаснитесь. Попробуйте в качестве упражнения быть людьми! Справляйтесь с Порт-Бьюно сами, это ваше личное дело, не требующее вдобавок особой квалификации. Но оставьте в покое разум, если обладаете им сами. Засыпьте тоннель! Он уже выполнил свою основную функцию — теперь можно затеять другую грандиозную стройку, раз уж вам это так необходимо для управления страной. Допускаю, что необходимо. Проройте шахту под радиоактивный горизонт или осушите шельф, оградив его титанической дамбой, да мало ли что еще можно придумать. Хотите во-евать — воюйте, но только с умом и недолго, я тоже вспомню, как летает флайдарт. Но не трогайте вариадонтов. Что? Пора бы знать о них хоть что-то, затребуйте из Меззони отчеты Симо Муттика. Поймите, если вы не недоумки: они превосходят людей во всем, они будут мудрее и чище нас, они только лишь на взлете и у них еще все впереди, тогда как у человечества впереди в лучшем случае столько же, сколько за плечами. Вы хотите быть преступниками? Забыли, кто такие убегуны? Наши же потомки, все у них от нас, разве что не нам, а им не повезло с войнами и натурализациями. Почему они дошли от раднации и позволяли кремировать своих покойников в плазме направленных взрывов? Вы это очень хорошо знаете: за обещанный путь в Южные Земли! Туда-где-Тепло! За свой рай земной по ту сторону хребта, с блаженным климатом и отсутствием враждебных племен. Они еще не знают, что такое южная сельва, а предгорья их не вместят. Их миллионы. Они очень быстро вымрут или перебьют друг друга, но прежде выплеснутся, как гной, из нашего нарыва, затопят собой все, что смогут, и, разумеется, уничтожат всех до одного вариадонтов. Если до той поры вариадонтов не уничтожите вы сами. Хотите подогнать под это моральную базу? Я вам подскажу, как это сделать. Сначала чужой разум следует просто не заметить. И не замечать как можно дольше. Потом, когда это станет уже невозможно, нужно отказать чужому разуму в гуманности. Проще простого: гуманность у негуманоидов?! Бей их!! Но лучше все-таки напустить на них убегунов, а потом, через десяток лет, если напор общественного мнения станет ощутимым, если вообще найдется хоть какая-то общественность с мнением, можно объявить случившееся трагической

ошибкой и учредить день траура, а то что-то мало в Редуте поводов надратся в дым, непорядок...

— ...я хорошо понимаю все практические соображения, подвигнувшие народ Редута к грандиозному прорыву на Юг, — говорил тот, решительный человек. — Но даже в наше напряженное время нельзя, как бы нам этого ни хотелось, руководствоваться одними лишь практическими соображениями, нельзя, если мы, люди, тоже мним себя разумной расой. Я обращаюсь к вам потому, что верю в вашу государственную и человеческую мудрость. Я обращаюсь к вам потому, что мне больше не во что верить... Только однажды в жизни Шабан чувствовал подобное: давным-давно, в кадетской школе. Двое парней со старшего курса подстерегли его в туалете. Может быть, они ждали кого-то другого, а подвернулся он; может быть, им просто было скучно или не понравилась его физиономия, но надели они основательно. После первых плюх, неумелого отмахиванья, крови из носа и боли в заломленных руках и появился тот, другой человек. На несколько секунд Шабан отключился и не помнил потом, как все произошло, только один из верзил вдруг оказался без сознания на заплыванном полу, а другого, пустившегося в бега, Шабан гнал через всю школу и догнал бы, но налетел с размаху на директора, был кругом виноват и фировел сутки в карцере. Юность, юность... Вьюность. Девочки. Битье морд. "Дур-рак! — учил впоследствии Менигон. — Что за удовольствие одержать верх, нанеся противнику десять ударов и получив девять? Лучше нанести один и не съесть взамен ни одного..."

Его слушали! Высокое собрание замерло перед обыкновенным, невзрачным человеком с обширной смешной плешью и молчалом, загнипнотизированное. Так их! Не в плешу дело. И не в росте. А только в точке зрения.

И вдруг кто-то оглушительно чихнул. Шабан запнулся и растерянно повел глазами по лицам. Катастрофа произошла. Решительный человек исчез, бросил его и удрал — Шабан один стоял под колонной с рениевым Эриксоном и не знал, что сказать. Он чувствовал полный провал. Лица, рожи, хари... вот лиц уже меньше, вот их уже нет совсем, а кругом одни хари — как быстро они меняются!.. Долгий миг пронзительной тишины — и вот они уже ворчали, заворчались, заговорили все разом. "Мда-а... Что-то я, признаться, не вполне уловил, а вы?" — "Ненормальный какой-то. Вообще, кто это?" — Поздняков ерзал и мучился, не зная, куда себя деть. — "А-а, вот оно что. Н-да-а... Жидковат. И дурак к тому же." — Шум в зале нарастал лавиной. — "Засыпать тоннель, ха!" — "Ну, псих, конечно." — "Балаган, а не заседание. Почему мы должны это слушать? Ему слово давали?" — "Вывести его!" — "В расход", — сострил кто-то. — "Потише, не надо так шутить." — "А что?" — "Не надо так шутить, нехорошо как-то..." — "Гы-ы-га-га-а!.." — Во всем ромбозале молчал один Эриксон. — "Что он сказал? А ну, пусть повторит. Это Правительственный Совет не знает, что делает?" — "Варианты какие-то. Донты. Что за варианты-то?" — "Передайте оратору закуску!"

— "Гы-ы-ы..." — "Да он же пьян!" — "На шельф таких!" — "Не на шельф, а просто вывести! Куда смотрит охрана?" — Неожиданно выяснилось, что Живоглота в зале нет. Когда он встал и ушел, никто не заметил. Шабан отодвинул ногой стул и молча вышел. Хоте-

лось бежать, но он заставил себя идти ровно. Желтые каски за дверью шевельнулись, глядя ему вслед.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Однако, — сказал Гебрий Биртолли, промахиваясь бутылкой мимо стакана. — Ч-черт! Это я куда? Это ничего, что я тебе на брюки? К счастью? Ну, правильно. Да, что я хотел сказать: весело тут у вас, вот что я хотел сказать.

— Еще как, — подхватил Шабан. — Давай к нам, а? Бросай ты свою Землю. Ну на что тебе Земля?

— А на что мне Прокна?

— Прокна — это Лига, — объяснил Шабан. — Вторая молодость — понял? За кем, по-твоему, будущее, а? А Земля — музей. Ну что, уместим по последней?

Умествили. Местный джин "Редут" бил сперва по ногам, а потом уже по голове, как всякий порядочный напиток, хотя не напоминал самогон только цветом. Вставать и уходить от Биртолли совсем не хотелось. Вот уже полчаса, как они были на "ты".

— Музей, — согласился Биртолли. — Это правильно. Это я в статью вставлю.

— Музей предрассудков, — сказал Шабан. — Того нельзя, этого не тронь. Ничего нельзя. Были бы там у вас вариандонты — и их было нельзя было тронуть, так?

— Опять ты за свое, — заныл Биртолли. — Сказал же я тебе: буду я писать статью, буду. Ну?

Пожалуй, и вправду напишет. Шабан покивал: да-да, не сомневаюсь, как можно? Ладно. Конъюнктуру парень уловил с полуслова. Если отношения Земли с Редутом не выйдут каким-нибудь чудом из состояния активной эрозии, статья действительно появится месяца этак через два и наделает шуму на всю Вселенную. Да только будет поздно. Отключиться бы... Сволочь этот Гебрий: расплескал последнее. Нет, смотри-ка, полез еще за бутылкой.

— Вино?

— Нет. Коньяк.

— Земной?

— Угм.

Шабан с сожалением отстранил свой стакан.

— Нельзя, — он покачал головой. — Отрава. Ты натурализованный?

— Это на неделю-то? — Биртолли хохотнул и потрогал руками курчавую голову. — Лысей сам. Я только адаптирован.

— Все равно не советую, — сказал Шабан. — Намаешься потом брюхом. Забыл, как в прошлый раз маялся?

Биртолли скривился — как видно, хорошо помнил. Морщины на его лбу собрались в сложный рельеф.

— Ага, — сказал он, — а ведь я тебя знаю. То-то смотрю: знакомое лицо. И фамилия. Постой, постой... Это не ты тогда спас этнографическую экспедицию с Мегары?

— Было дело, — признался Шабан. — Да ты же об этом писал. Помнишь?

— Э-э... То есть, да, конечно. Припоминается что-то такое. Но ведь это давно было, правда? И не писал я вовсе этого.

— Как не писал? — возразил Шабан. — Очерк "Я спасу вас", автор — ты.

— Ну, ты даешь, — оживился Биртолли. — Что я, вот так сам писать и буду? На то специальный писун на каждую полосу. Сидит и строчит. Да нет, какой это секрет? Помню, писун выдал, будто ты, значит, вообще не дрался в норе с этими вашими... кто тут у вас в норах живет... убегуны, что ли?

— Святая правда, — сказал Шабан. — Не дрался. И незачем. Они же людей боятся.

— Правда или неправда, а писать такое нельзя. — Биртолли ударил ладонью по столу и придержал звякнувшую бутылку. — Нужно хоть немного уважать читателя. Специфика. Если читатель ждет геронки, мы не имеем морального права всучить ему будничную спасательную историю. Согласен?

— Я с ними не дрался, — сказал Шабан.

— Ну, это твои трудности. Ведь мог бы подраться, верно? Слушай, может быть, все-таки выпьем, а? Может, не отрава?

— Нет. Я — гриба. Хочешь попробовать?

— Я? М-м... Да, пожалуй. Это как? Это нюхают?

— Нюхают. Нет, возьми больше, так ничего не почувствуешь... А теперь много, сыпь обратно. Вот теперь правильно. Ну, вперед!

— М-м-м...

— Твое здоровье. Нет, это не закусывают. Ну, как теперь?

— Не пойму. Нет, вот сейчас хорошо. Но я, кажется, где-то слышал, что это запрещено?

— Я тоже где-то слышал. Но тебе трепыхаться не надо, ты нездешний. Пока ты у себя в комнате, ты ничего не нарушаешь.

— А ты?

— "Нарушение порядка можно доверить лишь тому, кто им дорожит",

— сказал Шабан и икнул.

— Это ваш Барух? — с улыбкой спросил Биртолли.

— Нет. Это ваш Шиллер.

— А, — сказал Биртолли, — да-да. Естественно. А ваш этот гриб, он что — наркотик?

— Черт его знает, — сказал Шабан. — Вот, кстати, тебе матерьял: есть гриб, вдыхание его сушеных гифов вызывает у человека легкость в движениях и ясность мысли. Если, конечно, не перебрать. Правда, налицо классический букет: похмелье, быстрое привыкание, увеличение доз, в пределе ведущее к нервному истощению. Но и только. И ничего более. Так почему, я спрашиваю, вместо того, чтобы всерьез взяться за ликвидацию побочных явлений, гриб попросту запрещают? Законодательное. Ты журналист, вот и занялся бы этим делом.

— И займусь. Почему бы не заняться? Читатель должен знать!.. А у вас тут часто стреляют?

— Что?

— Я спрашиваю: часто у вас идет в ход оружие?

— Это смотря где, — сказал Шабан. — В степи случается, а здесь — нет. У нас с этим строго, — приврал он, вспомнив Кошкодава. — А что?

— А то, что стреляют, — заявил Биртолли.

Хм. Когда новички занюхивают грибом алкоголь, хорошего не жди. Обострение слуха может довести до истерики. Кто там стреляет? И в кого? И зачем? Может, просто бродят "блохи", перебирают лапками. Тук-тук. Ну

и пусть себе бродят... Потому что уже ничего нельзя сделать, совсем ничего сверх того, что уже сделано, дистанция пройдена, самое время упасть без сил и ждать, когда поднимут...

— Опять, — со страхом сказал Биртолли. — Теперь ближе.

Тук. Тук. Тук-тук-тук-тук... А ведь и верно — стреляют. Шабан замер, прислушиваясь. Бум-м!.. А вот это уже гранато-пуля фугасного действия. Совсем близко: не на смежном ли ярусе? Какого черта... Или наконец-то началось?

— Что делать-то? — спросил Биртолли. Он был бледен. Шабан оперся руками о стол и с усилием поднялся. Ноги слушались, но в голове по-прежнему плыло. Добавить порошка? Нет, позже.

— Пойду посмотрю, что там такое.

— А я?.. — задрезжал Биртолли.

— А ты сиди тут, — сказал Шабан. — Вернусь — расскажу. Матерьял соберешь, писуну отдашь. Пока.

Только сейчас он вспомнил, что при нем нет оружия. Биртолли кинулся проводить, квохтал что-то вслед. Шабан задвинул за собой дверь, и Гебрия не стало слышно.

Грохнуло где-то совсем уже рядом. Шабан оглянулся. Пусто. Черт знает что. И здесь пусто. Если это бунт жаждущих отправки на Землю, то где ревущие толпы? Где лозунги, баррикады и кирпичи для бомбометания, что там еще полагается? Он прибавил шагу. Над головой грохотали чьи-то тяжелые ботинки — сначала туда, потом обратно, потом снова туда. Навстречу неожиданно вынесло Ли Оммеса. Этот-то откуда здесь взялся, подумал Шабан. Самый тихий, самый незаметный человек в Порт-Бьюно, больной вдобавок. Лежать бы ему сейчас с грелкой... Оммес двигался как-то неуверенно, будто учился ходить, лицо его было темнее обычного, а обеими руками он держался за живот. Даже не кашлял. Били его, что ли? Какой гад?

— Эй, Ли! Что тут, собственно... Самый тихий человек в Порт-Бьюно вдруг всхлипнул и мягко повалился набок. И только потом раскашлялся — страшно, булькающе. Он еще хотел, как видно, прикрыть рот ладонью, но не донес руку, и изо рта его вместе со струйкой крови вылетел какой-то сгусток. Потом он вытянулся, закатил глаза и замер. Одна рука так и осталась прижатой к животу, но уже не могла скрыть того, что живот у него разорван. Шабан отшатнулся. Происходило что-то страшное. Оммес... Мозг сопротивлялся, не хотел верить. Такого в Порт-Бьюно никогда не было, это какая-то ужасная ошибка, это неправда, такого здесь просто быть не может...

— Стоять! К стене!! Руки за голову!!!

Обвальный грохот спешащих ног. Охранники. Потные ощеренные хари. Двое. Живоглотова гвардия. Карабины в положении для стрельбы с бедра.

— Мордой к стене, сволочь!

Должно быть, он недостаточно проворно выполнил приказание — в бок с хрустом вломился приклад. На секунду стало очень тихо и темно, потом проснулась боль, поползла по ребрам к позвоночнику, заплясала в глазах мутными пятнами. За спиной зло сопели. Было слышно, как тело Оммеса пнули ногой. — "Этот?" — "Он

самый". — "Живой?" — "Сдох. Ты ему прямо в брюхо. Кишки вон". — "А оружие?" — "Оружия нет".

— "...с ним. Проверь у этого". — Шабана брезгливо обыскали.

— "И у этого нет". — "Выбросил, сука..." — Позади него презрительно сплонули.

Рискав получить пулю, Шабан повернулся к охранникам лицом. Боль в боку мешала дышать. Ярус постепенно наполнялся звуками. Из одного бокового коридора в другой протопотало на рысках отделение Особой Охраны. Где-то поодаль ломали дверь, кого-то шумно тащили из комнаты в коридор, а он в коридор не хотел, визжал и вырывался. Потом негромко пукнул выстрел, и визг смолк. Ярусом выше рванула одиночная гранато-пуля — тяжело вздохнули стены, с потолка посыпалась крошка. Да что же это такое, беспомощно подумал Шабан. Убивают ведь... Людей убивают. Оммеса... Неужели переворот?.. Ясно, что переворот. Вот, значит, как. Проморгали Живоглота... Он отлепил лопатки от стены и качнулся вперед. Две хари в нахлобученных по уши форменных беретах ослабились.

— Кто такой?

— Человек, — с вызовом сказал Шабан.

— Кто-о?

— Человек, — сказал Шабан менее уверенно.

— Козел ты вонючий, — определил охранник. — Руки, паadlo!

— Что — руки? — спросил Шабан, держась за бок. Боль не отпускала. "Кончай его", — равнодушно сказал второй охранник. — "А?" — "Кончай, говорю, некогда." — "Нет, ты погоди! — ощеренная пасть брызгала слюной. Глаза сощурились и сделались ласковыми и масляными, как у Мант-Лавица. — Ты слышал, что он сказал? Я тебе, плешь, покажу человека! Ты у меня свои кишки жрать будешь..." Второй охранник, не обращая внимания, отшагнул назад. Ствол карабина в его руках качнулся и превратился в черный кружок. Палец на спусковом крючке лежал плотно и ровно.

Сейчас меня убьют, подумал Шабан. Вдруг стало очень тихо. Черный кружок дула притягивал, от него невозможно было отвести глаз. Время словно остановилось, замерло в испуге. Невыносимо медленно сгибался палец, топя в ложе карабина спусковой крючок. Разрывная пуля снесет голову.

За мгновение до выстрела, уловив боковым зрением какое-то движение, он упал, успел откатиться в сторону — пуля, разбрызгивая осколки, сочно чмокнула в стену. Второго выстрела не последовало. Длинное, кажущееся в прыжке еще длиннее, тело Менигона обрушилось на охранников, как лавина. Что-то лягнуло, выбитый карабин ударился в потолок. Один охранник отлетел к стене и больше не поднялся. Второй, казалось, успел среагировать, и Менигон едва не покатылся кубарем, но на короткий миг в его руке блеснула узкая сверкающая полоса, и охранник сложился вдвое. Менигон молча ударил еще раз — охранник захрипел, выкатывая глаза, споткнулся и упал на труп Оммеса. Другой, с шеей, вывернутой неестественным образом, лежал у стены и царапал пол скрюченными пальцами. Менигон деловито осмотрелся по сторонам, вытер лезвие стилета об одежду убитого, подобрал с пола карабин и не глядя выстрелил — распростертое тело подпрыгнуло на полметра. Скрюченные пальцы замерли.

— Вставай. Разлежся тут... Пляжник. Оружие возьми. Шабан, кряхтя, поднялся на ноги, выдернул из рук убитого карабин. Его мутило.

— Ты их убил? — через силу спросил он и сам подивился глупости вопроса.

Менигон повернулся к нему рывком. В желтых глазах плясало бешенство.

— У тебя были другие предложения?

— Нет. Ты извини.

— Ты пьян, что ли? — спросил Менигон.

Шабан прислушался к внутренним ощущениям. Ощущений не было. Была пустота.

— Нет. Уже нет.

— Очень больно? Идти сможешь?

Шабан кивнул. Боль в боку не ушла, но стала тупой и ноющей. Терпеть было можно.

— Тогда пошли.

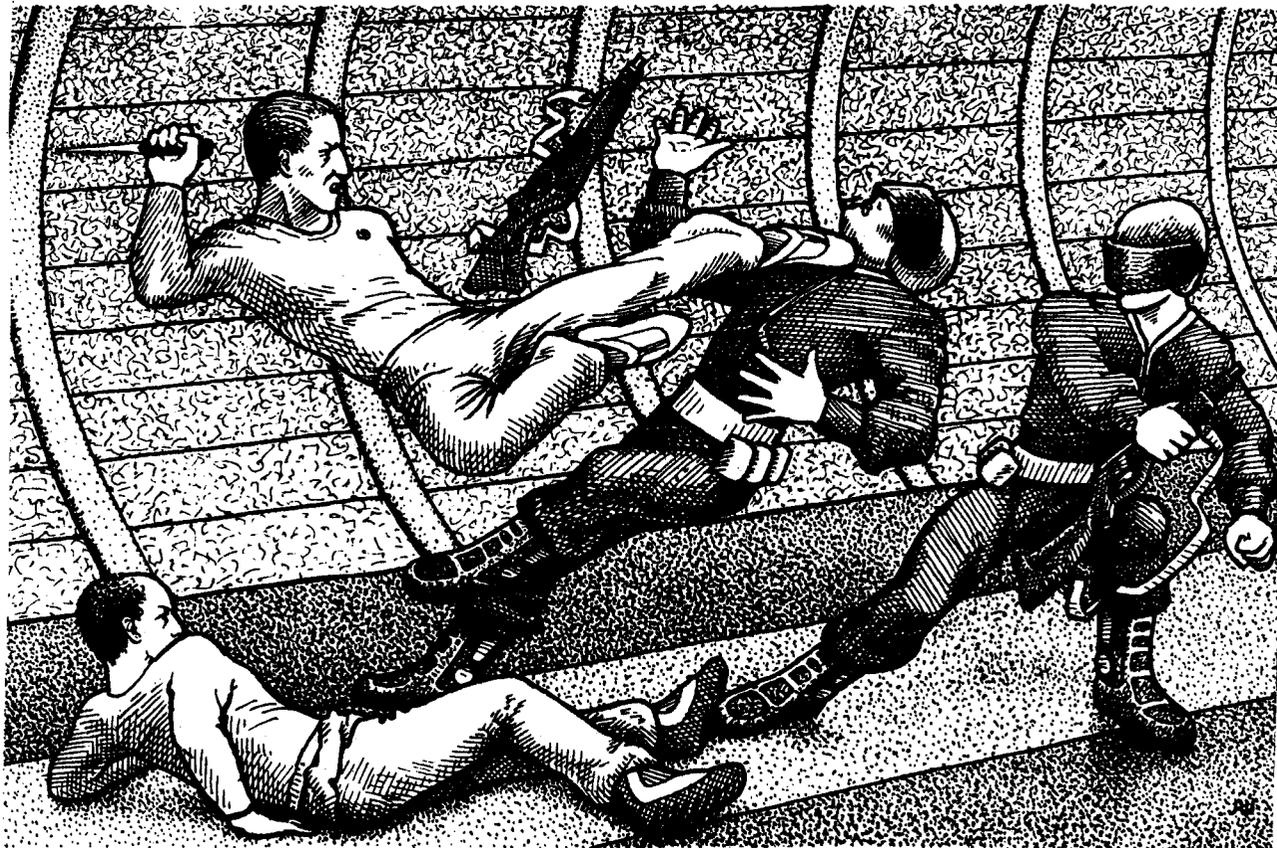
В боковом коридоре уже опять грохотали тяжелые ботинки. Пришлось не идти, а бежать, и все равно не успели — далеко позади кто-то хрипло заорал на бегу, нестройно ударили выстрелы. От стены с визгом срикошетировала пуля. У поворота к пандусу Менигон припал на одно колено и лихо, как в учебном тире, расстрелял в преследователей пол-обоймы — погоня отстала.

— Быстрее, пляжник!

Шабан задыхался. Они бежали по пустым ярусам, по бесконечным коридорам сонного Порт-Бьюно, и редкие обыватели, высовывающие головы из своих комнат, завидев их, спешили укрыться за задвижными дверями. Свет неожиданно погас, потом опять включился, потом

замигал и погас уже окончательно. Менигон свирепо зарычал. Они перешли на шаг и пошли было вдоль стены ощупью, но тут загорелось аварийное освещение, и Менигон опять сорвался на бег. В жилых ярусах уже не стреляли. Пальба еле слышно доносилась откуда-то сверху, как видно, с правительственного яруса и — гораздо громче и ближе — снизу, с уровней, занятых громоздкими системами жизнеобеспечения куба. Над головой что-то горело — по пандусам сверху вниз ползла ленивая пена, извергнутая автоматическими гидрантами. Воняло дымом. На несколько секунд ожили коридорные динамики, чей-то голос тягуче заныл: "Группа "Каппа" — на выход, группа "Каппа" — на выход, группп..." — забулькало, захрипело, и голос смолк.

Вниз! С яруса на ярус — вниз! Туда, где стреляют. Туда, где ты кому-то очень нужен, где может не хватить как раз одного человека... Менигон еще прибавил, и Шабан изо всех сил старался не отстать. В боку пылало кипящее железо. Менигон бежал легко и пружинисто, как опытный хищник, взятый в облаву и точно знающий, что и как нужно делать, чтобы охотники остались с носом. Хищник и есть, подумал Шабан. Гончая, профессионал. Зря я тогда отказался перейти в спецгруппу, предлагали же дураку — но кто знал?.. Что за бред, знали же! Все знали, на какой планете живем, кто такой Живоглот и чего от него ждать. Центропунизм, наполеоновские комплексы при острой умственной недостаточности и еще подлость, подлость и подлость. Не то удивительно, что Живоглот рванул напролом к большой власти, а то удивительно, что рванул только сейчас — спустя годы, — так

долго ждал, что мы к этому привыкли: держит в узде своих мерзавцев, терпит над собою Правительственный Совет — значит, так ему нужно, значит, будет терпеть и впредь. Вот вам — впредь! Поздняков спохватился, да поздно. Фамилия у него такая. У Живоглота сотня обученных громил, всего лишь сотня, но на Порт-Бьюно и этого может хватить, особенно когда Общая Охрана разбросана кто куда по всему Редуту, разведчики тоже, а желтые каски малочисленны; особенно когда начинают убивать вот так — неожиданно, в праздничное утро. Ах, какое выбрано время! — никто не мечется в панике, не суетится под ногами, добропорядочные граждане в большинстве просто спят после вчерашнего, набираясь сил перед сегодняшним. Праздник же, все мы люди... Продерут глаза — обалдеют, спросят, что за новая власть такая, и успокоятся, если у новой власти хватит ума не отменять праздника. Толпа. Тупая, животная, непобедимая сила, почва и подкормка для всякой власти. Толпу никто всерьез не тронет: нельзя разрушать фундамент. Вот Оммес был не в толпе, значит, Оммеса — можно. Кто человек, тому власть не нужна, и тот власти не нужен. А ну, где вы там, умники, пады, плеша, козлы вонючие! Получите свою разрывную в брюхо — один уже получил, и вы никуда не денетесь... Жилые ярусы остались над головой. В машинном зале энергоподстанции искрились и выли генераторы, воняло маслом и горелой пылью. На кожухе трансформатора лежал убитый. Менигон, хакнув, с разбегу высадил аварийную дверь, и сразу в машинный зал ворвались звуки боя — стреляли, вопили и дрались врукопашную где-то совсем уже рядом. Перед глазами замелькали какие-то узкие ходы, неожиданные повороты, лазы с протянутыми вдоль них толстыми кабелями, потолочные люки над настенными лестницами из скоб. Лабиринт. Шабан здесь никогда не был, но Менигон ориентировался и вел уверенно. Звуки боя то приближались, то удалялись, потом стали затихать. Поворот. Еще поворот, еще... И еще. Теперь в люк... Один раз в широком и непомерно длинном коридоре без дверей их обстреляли откуда-то издалека, и Менигон ответил. В другой раз высочили на каких-то вооруженных людей в гражданском, прямо на наставленные стволы, и Менигон, упреждая, заорал: "Свои! Свои!" Стволы опустились.

— А, Винсент! — сказал Ева Панчев. Он был всклокоченным и дышал с хрипом. Комбинезон на нем был разорван до пупа и сползал с плеч, на волосатой груди запекся когтун крови и грязи. Поверх колтуна болтался на ремне короткий автомат. — Долго тебя носило. А это кто с тобой? Искандер, ты? Молодец, что пришел, мы тебя ждали... Серж, будь другом, узнай, как там со связью...

— Зацепило? — спросил Менигон.

— Ерунда, — отмахнулся Ева. — Своим же осколком по касательной. Бардак, как обычно. Пока что мы их выбили, сейчас непременно опять полезут. Гупту убили, ты знаешь?

— Ну? А Тосихидэ?

— Тосихидэ держит воздуховодку. Слышишь?

— Слышу. У тебя гранато-пули к карабину есть?

— Найдем. Что там наверху?

— По-прежнему. Нужно десять человек.

Ева выругался.

— Блокируют — поздно будет, — предупредил Менигон.

— Сам знаю! А может, двадцать им?!.. Нету у меня десяти человек, нету. Не дам!

Менигон пожал плечами. Где-то опять грохнуло, дрогнули стены. Издалека долетело отчаянное: "А-а-а-а..." — и грохнуло еще раз. Несколько человек, молча переглянувшись, побежали на звук. Гулко загревели выстрелы. Ева Панчев вдруг страшно засопел, ощерился и кинулся вслед за каким-то проشمыгнувшим мимо человеком в светлом кителе инженера: "Стой! Стой, говорю!.." Заорали оба. Ева прижал инженера к стене: "Ты где должен быть?! Ты мне связь дал? Связь ты мне дал, я спрашиваю!.." — Инженер вырывался. — "Куда-а?! Почему нет связи? А ну, отдай!.."

— Инженер кричал что-то про поврежденный фидер и не отдавал пистолет. — "Назад! Сдохнуть еще успеешь. Марш обратно!" — "Куда? Антенны нам отрубили... Фейсал там. И Брусницин..." — "И ты — марш! — орал Ева. — Связь мне давай, сволочь, понял? Связь!!.."

— С Базой? — спросил Шабан. Ева безобразно ругался, выкручивая пистолет из инженерских рук. Стрельба приближалась.

— С Базой связь есть, — сказал Менигон. — Армия не поможет.

— Почему? — тупо спросил Шабан.

— Потому что не поможет, — объяснил Менигон. — А если и поможет, то не нам. Сейчас ребята пробуют включиться в оповестительную сеть, обратиться напрямую к солдатам, но, боюсь, толку не будет. Там каждый второй — грибник. Связь нужна спутниковая, с Хинаго и Межзоной. Кто услышит. Пока мы держим системы — куб наш.

— У нас есть шанс? — спросил Шабан.

— Нет.

— Их же всего сотня...

— Кого сотня? — спросил Менигон.

— Охранников.

— А-а... — равнодушно протянул Менигон. — Вот ты о чем... Так ты, дружок, просто не в курсе. Какие там охранники... Это грибники, без них Живоглот разве бы посмел... У них в пахах Редла-Штуцер, ты его знаешь?

Шабан промолчал. Бой приближался, и нужно было идти туда, где дерутся. Штуцер... Грибники. Вот, значит, как...

— Говорил тебе, дураку: напросись в разведку, — сказал Менигон.

— Ну что тебе стоило?

Не торопиться. И не зевать. Поймать в прицел очередную фигуру, как вездеход каких-нибудь гончих. Плавню надавить на спусковой крючок, и фигуры не станет. С гончими проще: можно не думать о том, что в вездеходе люди. И здесь нужно не думать. Держать их на расстоянии, это самое главное.

Они лежали за хилым завалом из стульев и выломанных дверей и ждали новой атаки. Сначала их было четверо, кроме Менигона и Шабана этот коридор держали еще двое: Гутнивый Мартин, тоже разведчик, и какой-то пожилой незнакомый механик в промасленном комбинезоне и с нервным тиком на пол-лица. Первую атаку отбили шутя: на технических ярусах никто не рисковал пользоваться лучевым оружием, зато гранато-пули вывели коридор начисто. С полдесятка охранников и бое-

виков Редлы-Штуцера лопнули и разлетелись дымища-мися ключьями. Потом что-то крепко рвануло перед самым завалом и механика убило, а Менигону оцарапало голову, и снова поперли, полезли оружие потные рожи в надвинутых на глаза беретах, молчаливые боевики с короткими автоматами наперевес, нанюхавшиеся грибного порошка до полного бесстрашия и желающие только одного: добраться и разорвать; и снова пули крошили завал. Отбили с трудом, а еще через минуту прибежал трясущийся парнишка с вестью о том, что с той стороны наседают, сил нет, связь по-прежнему не работает, ребята отходят, нельзя ли хотя бы двух человек? Ну хоть одного... И Гугнивый Мартин пошел с парнишкой, а Менигон молча оттащил тело механика к стене, чтобы не мешало. А потом два человека долго лежали за завалом и ждали, когда на них полезут снова, но никто почему-то не лез, прошло уже минут двадцать, но никто не пытался еще раз атаковать с этой стороны, и Шабан думал о том, что звуки боя позади становятся все громче, и как бы не ударили в спину...

На поддороге к ближайшему боковому лазу покореженные стальные плиты были забрызганы неприятными кльясами и лежала чья-то нога без туловища. Еще одно тело боевика, почти целое, скорчилось перед самым завалом.

Смотреть не хотелось, было тошно. Случившееся откашивалось укладываться в голову. Живоглот — понятно, но грибники?!.. Почти что своя, домашняя, во многом еще неопытная мафия — кто не знал о том, что она существует? Кто не нюхал порошка? Каждый знал, каждый видел: люди как люди, ты им хорошо — и они к тебе со всем уважением, а что боевики у них, так это специфика такая, нужна только знать простые правила, и не будет никаких неприятностей. Плати аккуратно за порошок, плати разовые взносы, не задавай вопросов — вся наука.

Совсем, видно, плохи наши дела, если мафия берет формальную власть, подумал Шабан. Не хочет, наверное, а берет — деваться ей некуда...

— Ты как думаешь, Винс: если еще раз полезут — отобьемся?

Менигон, морщась, щупал ссадину на голове, смотрел на ладонь и вытирал ее о комбинезон.

— Каждая деталь имеет свою наработку на отказ, — сказал он непонятно. — Это надо знать. С виду вроде ничего, а потом хряп — и отказывает. Очень просто.

— Это ты о чем? — спросил Шабан.

— Это я просто так, — сказал Менигон. — Ты давай за коридором смотри. Тоже мне: отобьемся — не отобьемся... Стратег шивший.

Стрельба за спиной неожиданно смолкла. Стало тихо, только поодаль негромко гудели какие-то насосы, что-то позвякивало и было слышно, как из пробитых труб с шумом низвергаются не то потоки амниотной воды, не то канализационные стоки. Шабан глубоко вдохнул: почему-то вдруг стало трудно дышать. В голове зашумело.

— Э! — Менигон замер, подняв вверх палец. — Чувствуешь?

Шабан потянул носом.

— Это кислород.

— Отдали аппаратную, — спокойно сказал Менигон. Его желтые глаза погасли. — Все, крышка.

Он вдруг начал ругаться — очень грязно и очень спокойно, и все никак не мог остановиться. Шабан потащил его за рукав. Ярус снова наполнился звуками. Но теперь это были звуки бегства.

— Куда? — вяло спросил Менигон. Он был как пьяный.

— Куда, куда... — Шабан тянул Менигона прочь, в голове у него трещало. — Ты надышался, что ли, Винс? Или все еще считаешь себя экспертом? Вниз, вот куда! Нет, сначала вверх: возьмем Лизу — и вниз. Если повезет прорваться к гаражу, захватим вездеход — и тогда в ущелье, к ребятам... Ну же, Винс! Быстрее!

— А-а, — сказал Менигон, едва ворочая языком. — Вот ты о ком вспомнил... Так их убили. Разве я тебе еще не говорил?

Эта дверь поддалась сразу — вероятно, была повреждена или просто не заперта по оплошности, — и едва она успела задвинуться за спиной, как по коридору прогрохотали преследователи. Мимо. Кажется, ушел... Шабан привалился к двери спиной и закрыл глаза. Сил не было. Где-то еще стреляли, но исход был ясен. В жилые ярусы удалось прорваться немногим; их отстреливали поодиночке. Часть защитников отступила вниз и, по-видимому, пыталась организовать оборону на новом рубеже. В глазах плавали цветные круги и стояли картины бегства: мчащаяся на выстрелы толпа, в которой каждый был сам за себя, хриплые крики, неожиданный фонтанчик брызг, ударивший из кителя инженера, и бессмысленное лицо охранника за мгновение до того, как это лицо разможило прикладом. Карабин так и остался где-то там, и куда-то пропал Менигон, а Ева Панчев был еще жив, еще кричал, стрелял и дрался в последней рукопашной своим коротким автоматом, он был жив до самого пандуса, и только там его отбросило пулей...

— Ну и ну, — сказал знакомый голос. — Здравствуйте.

Это был Роджер. И это была его комната. Он сидел на краю смятой постели, спустив босые ноги на пол, и имел блаженный вид, а на его коленях, подставляя себя под блуждающие руки, сидела модель.

— Вон пошла, — сказал ей Шабан, пытаясь отдышаться.

Модель деловито отклеила от себя руки Роджера, прыгнула с колен, и, раньше, чем она въехала Шабану кулаком в переносицу, он понял, что это не модель. Кулачок у нее был маленький и твердый, и она знала, как с ним обращаться.

— Вы что?! — закричал очнувшийся Роджер. — Это же не модель! Это моя невеста! Магда, скажи ты ему...

— Я ему уже сказала, — девица улыбнулась, открыв мелкие белые зубки. Шабан механически ощупал переносицу. Синяк будет.

— Ну, что там нового? — бодро спросил Роджер.

Шабан судорожно сглотнул.

— Уже все, — сказал он, — уже больше ничего не будет. Так вот. Одежду мне дай... чистую. И попить.

Пока он передевался, умывался и пил, Роджер смотрел на него не отрываясь. Он явно не знал, как себя вести.

— Я ненадолго, — успокоил Шабан. — Передохну вот и пойду. Минуту.

— Ну отчего же минуту... — дипломатично сказал Роджер. — Передохните, отсидитесь...

— Это ты дверь не запер? — спросила Магда.

— Сейчас, сейчас... — сказал Шабан, глубоко дыша. Круги перед глазами наконец пропали, остался только Ева Панчев. — Уже ухажу... Слушай, а может, вместе?

— Зачем? — с тревогой спросил Роджер.

— Посмотришь, как это бывает, — сказал Шабан. — Ну? Пойдешь?

— Еще чего, — сказала Магда. Роджер беспомощно покрутил головой туда-сюда, словно ожидал подсказки.

— Сидеть надо, — он убрал глаза. — Спокойно сидеть, и все. Тогда ничего не будет.

В коридоре опять застучали торопящиеся ноги, кто-то отчаянно заколотил в двери и вдруг завизжал на высокой ноте. Грохнул взрыв, осколок с визгом ударил в косяк.

— Сиди, — сказал Шабан. — Ты вот что. После всех этих дел охранников, наверно, стало немного меньше, так?

— Ну? — спросил Роджер.

— Значит, будет объявлен набор. Ты бы шел. Тебя Живоглот возьмет, ему такие нужны.

Шабан плонул под ноги и пошел прочь.

К двум часам дня все было кончено. Последние разрозненные группы сопротивляющихся были истреблены или рассеяны, последние желтые каски, загнанные в тупиковые коридоры правительственного яруса, полжили оружие.

В два часа пять минут по коридору под конвоем ряда Особой Охраны провели пленных: Правительственный Совет в полном составе, с Арбитром и Председателем, и десяток оборванных защитников. Поздняков тоже был здесь, старался держаться особняком и шагал бодро.

В два пятнадцать сама собой включилась газета и одновременно заговорили динамики. Передавалось информационное сообщение и обращение к населению. Прежний Правительственный Совет объявлялся лишеным власти как превысивший свои полномочия касательно контрактной политики, нарушающий права свободной личности и не способный направить Редут на путь истинного процветания. Новым Арбитром с функциями Председателя назначался Нейл Маккалум Редла, его заместителем по законности и правопорядку — Юстин Мант-Лахвиц. Сообщалось, что члены бывшего Совета будут подвергнуты домашнему аресту вплоть до специального решения по этому вопросу.

В связи с имеющим место массовым недовольством рабочих, чей контрактный срок истек, создавалась специальная комиссия для ускоренного рассмотрения подобных дел во главе с заместителем Арбитра по законности и правопорядку.

Все без исключения плантации ползучего гриба объявлялись государственной собственностью (с выплатой компенсаций бывшим пайщикам) и подлежали строгому учету и контролю. Особо подчеркивалась ответственность за самовольный посев гриба, а сбор, переработка и реализация урожая приравнивались к государственным преступлениям.

Обращение к населению было составлено в бодром тоне. Населению предлагалось сохранять спокойствие, не терять исторически присущего народу Редута оптимизма, оказывать всяческую поддержку и помощь новой администрации и ни в коем случае не поддаваться панике, поскольку короткий период эксцессов деструктивного характера благодаря решительным действиям нового руководства страны остался, к счастью, позади. Некий неведомый Конвент Спокойствия по поручению нового руководства извинялся за неизбежный хаос, вследствие которого праздничный отдых истинных добропорядочных граждан оказался нарушенным и вина за который целиком возлагалась на прежнее руководство, и уведомлял о том, что праздник по случаю завершения прокладки тоннеля будет дополнительно продлен на один день. Добропорядочным гражданам рекомендовалось сотрудничать с уполномоченными Конвента Спокойствия в деле выявления террористов и мародеров, препятствовавших установлению режима подлинно народной власти, а ныне напрасно пытающихся укрыться от суда народа.

Вот я уже и террорист, равнодушно подумал Шабан. Или мародер? Штуцер, Штуцер... Кто бы мог подумать? Мелкий жучок, вечный должник всех и всякого... Еще полшага — и диктатор.

Может быть, на первых порах в самом деле ускорят ренатурализацию и вывоз наиболее отъявленных горлопанов — толку от них все равно немного, — а вместо них наберут новых. Через пару лет горлопанов станут просто расстреливать. Станут шире использовать убегунов и раздавят Коммуну — это может дать одну-две тысячи военнопленных, в перспективе, после соответствующего трудового воспитания, — новых лояльных подданных. Остальных уже завтра начнут вызывать поодиночке и с пристрастием допрашивать, в какой части Порт-Бьюно был такого-то числа в такое-то время, да что делал, да какие свидетели могут подтвердить... Сзади неслышно подкралась Лиза, потеряла о плечо, как ласковый котенок.

...Будет ночь, и когда все утихнет, когда над Прокной хвостиком вниз повиснет Терей, дрогнут и раскроются ворота Порт-Бьюно и из его темной глубины, галошно блестя в свете прожекторов, беззвучно выползет грузовая платформа, до отказа набитая людьми, неторопливо проползет мимо вышек с развернутыми на куб пулеметами и, прибавляя ход, призраком уйдет в степь. Потом она остановится, и из ее лопнувших бортов посыплются люди: вооруженные выпрыгнут сами и распределятся широким полукругом; невооруженных выведут силой и поставят на край ямы в резком свете бьющих в глаза фар. Это — мелкую сошку. Поздняков, пожалуй, выкрутится, подумал Шабан. Даже наверняка: должен же кто-то объяснять разведчикам, что новая власть руководствуется исключительно интересами народа и чувством высокого патриотизма... А потом вся эта гниль попрет на Юг — Винсент сказал правду: тоннель только ускорило дело, — если бы не перспектива все ближайшие годы снимать сливки с южных месторождений, Штуцер, может быть, и не решился бы...

— Тебе хорошо со мной? — спросила Лиза.

— Да, — сказал Шабан. — Хорошо.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Проженный шпозовой створ, терзая ноздри вонью дымящегося металла, с грохотом выпал наружу. С крыши Порт-Бьюно мир выглядел плоским, как поднос. Унылое солнце, размытое по краям дрожащей дымкой, корчило низко над хребтом, примеряясь к спуску; где-то вдаль, там, где не торчали отвалы шахт, серая равнина сливалась с серым небом, и только на севере небо наливалось чернотой — оттуда шел грозовой фронт. На космодроме было сонно: судя по всему, никто из последних защитников Порт-Бьюно не сделал попытки вырваться.

Шабан лег на край крыши, достал и настроил бинокль. В зрачки уперлась темная поверхность колоссальной колонны "Юкона", исчерченная прожилками сварных швов, мелькнул под дюзами шершавый бетон. Въездной пандус грузовика был опущен. По обе стороны от пандуса, положив руки на висящие на шеях карабины и переминаясь с ноги на ногу, тосковали два охранника. Шабан пошарил биноклем по летному полю. Других кораблей на космодроме не было, их и не могло быть в этот сезон, только на посадочных площадках выделялись неровные круги опаленного бетона. Космодром казался вымершим. Обслуживающий персонал, если он вообще присутствовал, сидел сейчас по служебным помещениям и не высовывал носа. Охранников тоже не было видно, если не считать еще одной парочки у складов да часового на вышке при въезде на летное поле.

Север застлала мгла. Если на Базе что-то и происходило, то разглядеть это не было никакой возможности.

Шабан оторвал глаза от бинокля и обернулся. Лиза подошла, и он зашипел на нее и замахал рукой: "Дальше! Дальше! От края!" Потом осторожно отполз сам. Четверо охранников, пятый на вышке... И еще неизвестно, сколько их в самом корабле. Идеально было бы сразу завалить вышку, но тогда они могут успеть поднять пандус. "Ничего, — сказал он себе, — прорвемся. Если нахрапом, только умным нахрапом, — должны прорваться. Второй попытки никто не даст, но и одну никто не отнимет..."

Прыжок, прыжок, прыжок! Уклон винтового коридора заставлял бежать. Вперед! Теперь больше ничего, только вперед и вниз, сквозь все пятьдесят пять ярусов — вниз! Прочь отсюда!..

Когда ноги от усталости стали чужими, он перешел на шаг. Лиза пошла рядом — тонкая, прямая, совершенно не запыхавшаяся. Она хотела о чем-то спросить, но Шабан, глотая набежавшую слюну, только мрачно взглянул на нее между двумя судорожными вдохами — и она не спросила. На ее лице было недоуменное выражение. "Как у ребенка, которому не объяснили, — подумал Шабан. — Ребенок и есть. Прости меня, девочка, но объяснять я сейчас ничего не стану. Не хочу. Не время. Ты только на меня не обижайся, хорошо? Да, я забыл, ты же еще не умеешь обижаться..."

Откуда-то снизу тянуло гарью. Из жилых ярусов сквозь задвинутые двери доносилась бодрая музыка. Праздник продолжался. Слышались смех и шарканье ног — люди уже не боялись выходить из комнат. Потом музыку свели на нет и далекий репродуктор забормотал значительным голосом — как видно, передавалось очередное обращение к населению. Шабан ускорил шаг,

споткнулся о мусор, выругался и затрусил мелкой вихляющей рысцой. Вниз, вниз! Скорее! Какой идиот придумал этот коридор, мало ему было лифтов и пандусов?.. Сам Эриксон придумал или кто-то ему подсказал? Умница, что придумал, гениальный был человек: построил ловушку-куб и дал шанс из нее выбраться.

На нулевом ярусе едва не проскочили служебный лаз, и здесь пришлось гнутья в три погибели. Внутри было темно и воняло гарью, в тесном воздухе висел какой-то особенно едкий дым, впереди что-то торопливо капало, но не было видно, что, и руки натыкались на какие-то толстые пыльные трубы, а комбинезон с визгливым шорохом терся о шершавые стены. Дышать было нечем. Позади раскашлялась и всхлинула Лиза, кашель прозвучал глухо, как в тумане. Ч-черт! Вот где это было... Шабан, прижимаясь к стене и стараясь не задеть оборванные кабели, боком прополз мимо нагромождения развороченных труб и стальных листов. Ладони скользнули по чему-то липкому. Кровь? Кровь, конечно. Кто-то прятался в этом лазе... Кого-то достали гранато-пулей. Чтобы не прятался — зачем добропорядочному гражданину прятаться? Лет через сто скажут, если будет кому сказать: вынужденная необходимость, объективный-де исторический процесс, куда денешься? Скажут, и выпьют, и зажуют вкусным дымящимся лангустом, рыгнут в платочек и откинутся в удовлетворении... Он поперхнулся дымом и вытер рукавом слезящиеся глаза. Дьявол, какое мне дело до потомков? Потомки — дураки, им простительно. Не нам. Не вам, сволочи! Рвите друг друга дальше. Не буду я с вами жить, а ведь вы про меня главного не знаете: я с вами не только жить не хочу, я с вами еще и помирать не намерен, и других убивать я вам не дам... Прыжок! Прыжок! Прыжок! Рывок к служебному шлюзу, ведущему в гараж со стороны энергоподстанции — так ближе всего до главных ворот. Быстрее! Какой он длинный, этот машинный зал... Еще быстрее, ну же! Охранников, как ни странно, нет. Почему здесь нет охранников? Надоело глотать дым? Непорядок. Или, может быть, Штуцер решил, что все уже кончено? Шабан с размаху влетел в шлюз, втолкнул Лизу.

— Фильтр надень, девочка.

Пришлось помочь: сама она никак не могла управиться. Даже в наморднике она была красива и желанна, но сейчас не было времени любоваться. Сейчас откроется шлюз и, не будет ничего удивительного, если в гараже окажется охрана. Конечно, все будет зависеть от того, сколько их там окажется, и если, к примеру, всего двое-трое... Шабан нащупал в кармане лучевик, снял его с предохранителя и переключил на непрерывный режим.

Охраны в гараже не было, зато дыма было еще больше. Дым ел глаза, у главных ворот он висел слоями, он тек ленивыми мутными струями, сворачивался в кольца и вращающиеся хвостатые спирали, делился на фракции и медленно растекался по потолку и полу. У потолка его затягивало в вентиляцию, но толку было чуть: плотные дымные столбы стояли над откнутыми настежь люками гигантского "армадила" с развороченным бортом, края пробонны были вывернуты наружу, как лепестки уродливого цветка. Вокруг вездехода на шершавом бетоне вповалку лежало несколько трупов. Вот оно что, отстраненно подумал Шабан. Значит, попытка вырваться все же была... Он осмотрелся. Та-ак. Вон там "армадил", кроша бетон, вывернул со стоянки, вот тут он взял раз-

гон, намереваясь с ходу пробить ворота, но его уже ждали и вон оттуда хладнокровно, как в макет, всадили в борт планирующую гранату, и "армадил" загорелся, пошел юзом на заклинивших гусеницах, а набившиеся в него люди, те, что не были перемешаны в кисель кумулятивной струей и стайей осколков, полезли наружу под карабины охранников. Ясно, почему пусто: охранники сделали свое дело и ушли, когда им приказали, а приказали им тогда, когда прорываться наружу стало уже некому, и, кстати, держать под охраной все жизненно важные объекты Порт-Бьюно у Живоглота холуев не хватит. Между прочим, ворота можно открыть из диспетчерской, если только они не заблокированы, а заблокированы они или нет, мы сейчас выясним...

— Они не спят, — со страхом сказала Лиза, указывая на трупы.

— Они не такие.

— Такие, такие, — мрачно сказал Шабан. — Они спят. Они уже проспали все, что могли.

— А ты спать не будешь? — спросила Лиза.

— Мне еще рано... Пока все шло как по маслу. Диспетчер, какой-то незнакомый красномордый здоровяк с толстым, распирающим фильтр носом, увидев Лизу, в первый момент оторопел и не сразу потянулся к пульту, а через секунду Шабан уже бил его по черепу рукояткой "магнума" и, отвернувшись от непонимающе-расширенных Лизиных глаз, кричтел, стаскивая с диспетчерского кресла расслабленное тело. Ничего, ничего, моя девочка, бормотал он, вот примерно так с ними и надо. Живой, очухается. Тут главное, чтобы процесс был обратимым, это очень важно, нельзя лишать человека шанса когда-нибудь понять и проснуться, это — преступление, хоть я и уверен, что эта рожа до смерти не проснется, но мало ли, в чем я уверен... Да, как там ворота, не заблокированы? Нет, и это прекрасно. Где мой "эшевен"? Вот он, мой побитый, корма оплавлена, локатор, разумеется, не починен. Это ладно. Мы с тобой обязательно вырвемся, моя хорошая, слушай меня внимательно. Сейчас ты сядешь за управление... я знаю, что ты не умеешь, но это не сложно, я тебе покажу, как это делается, ты только очень постарайся... Для меня постарайся. Прогрей двигатель... вот так, хорошо. Я открою ворота на тридцать секунд, там есть такой режим, а ты, как только я окажусь на броне, трогай и набирай умеренную скорость. Обязательно умеренную, скучную такую, зевотную, нельзя ни гнать, ни ползти, иначе на вышках всполошатся, а нам с тобой это ни к чему. Дорога одна, не ошибешься, ты только плавнее рули, а я буду торчать из люка и поплывавать по сторонам, мою плешь охранники знают и должны пропустить, нужно только вести себя спокойно и нахально, тогда пропустят. А если нет...

— Там нет крыши, — сказала Лиза. — Я не хочу туда. Там страшно.

— А если не пропустят, — сказал Шабан, не обращая внимания, — тогда слушай мои команды и четко их выполняй. Я не собираюсь быть мишенью. Ты меня поняла?

— Хочу домой, — сказала Лиза. — Пойдем домой, ладно?

— Заткнись! — грубо оборвал Шабан, чувствуя, как внутри у него что-то болезненно сжалось. — Тебя еще слушать...

Первые тучи напоздавшего дождя, еще не черные, еще только свинцовые, но уже захватившие половину неба, вытягивали перед собою короткие косматые хвосты, на равнине шевелились неясные тени. Север окончательно почернел и сжался. Отсюда Порт-Бьюно был похож на кристалл пирита, только цвет был не совсем тот. Здесь не было людей, здесь индикатор радиоактивности наливался вишневым цветом и по краям насыпи среди хаотичного рельефа вывороченной и вздыбленной земли толпились строительные механизмы. Отдельно зиял недокопанный котлован, куда после окончания строительства предполагалось спихнуть террикон строительного мусора — малая победа бывшего отдела Поддержки Среды. По пологой насыпи шла и уходила в тоннель обыкновенная рельсовая однопутка, временная, конечно, позднее намечалось строительство скоростной магнитотрассы. Как Шабан и предполагал, охраны у входа в тоннель не было: очевидно, бывший Совет намеревался пропустить убегунов без нежелательных случайностей. Вместо охраны на левом рельсе бок-о-бок сидели два голых убегуна — оба разом вздрогнули, когда вездеход со скрежетом остановился в десяти шагах от них, завозились, пыхаясь, и завертели безволосыми головами на морщинистых цыплячьих шеях. Лица у них остались равнодушными, вездеход их явно не заинтересовал. Шабан натянул хитин, жестом приказал Лизе сделать то же самое и выбрался на броню. Один из убегунов заметно вздрогнул и дернулся, порываясь вскочить, другой, успокаивая, неестественно вывернул руку, почесал первое между лопаток и сам же захрюкал от удовольствия, будто скребли его. Убегуны были прирученные, рабочие. Диким вид человека внушал, несомненно, панический ужас — очевидно, наследие каких-то древних времен, — и они успокаивались только тогда, когда пространство степи между ними и человеком превосходило границы прямой видимости. Впрочем, бывали исключения. Эти два убегуна убежать не собирались. Они ждали своих. Когда первая волна орды нахлынет и ползет на насыпь, они пойдут в тоннель первыми и поведут орду в Южные Земли. Туда-где-Тепло. Туда, где много света, пищи и совсем нет людей — в это они верят, ведь и убегуну нужно во что-то верить. Туда, где их опять ждет обман, таких кретинов сам бог велел обманывать... Хватит! Раньше надо было нить! Шабан боком слез с вездехода на землю, нашел и высыпал на ладонь остатки грибного порошка. Жмурясь, втянул в ноздри, привалившись спиной к броне, ждал, когда подействует. Перед глазами плясал и качался мир, горы дышали, как исполинские животные, как огромные умирающие киты, выброшенные на берег, — слабее, слабее... Порошка мало, черт... Не доза — едва полдозы, надолго не хватит. Он отшвырнул коробочку, и она запрыгала по насыпи. Хватило бы до космодрома...

У входа в специальный бункер, построенный с началом работ в тоннеле как склад ядерных зарядов для проходки, бродил, загребая ногами пыль, одинокий охранник, судя по форме — не живоглотов. Увидев Шабана и Лизу, он заморгал было и даже раскрыл рот, но тут же справился с растерянностью, сдернул с плеча карабин и петушиным фальцетом скомандовал: "Стой! Назад!" Совсем молодой парнишка, еще старательный. Юный верзила под два метра... Шабан остановился, сдерживая

себя. После сушеного гриба стоять не хотелось, хотелось броситься вперед на наставленный ствол.

— Караулишь? — спросил он, сплевывая себе под ноги.

— Кара... — начал охранник и вдруг, спохватившись, выпятил челюсть и взял карабин поудобнее. — Кто такие?

— Почему один? — строго спросил Шабан, игнорируя вопрос и стараясь придать голосу начальственное звучание. Он помнил, что охранников на этом посту должно быть двое. — Почему один, спрашиваю! Подойдите сюда, рядовой!

Охранник растерянно потоптался на месте, сделал один нерешительный шаг вперед. Потом подумал и сделал второй. "Живо!" — прикрикнул Шабан. Караульный подошел. Он явно не знал, как себя вести, но черный зрачок дула по-прежнему смотрел Шабану прямо в лицо. Расстояние для одного прыжка было великовато.

— Инспекция, — сказал Шабан первое, что пришло на ум. — Что тут у вас? Выкладываете, рядовой.

Рядовой начал выкладывать — озираясь по сторонам и нервно облизывая губы. Что произошло, почему нет смены? Они с Луи в карауле с утра, уже и чужую смену отстояли, ноги гудят и жрать охота — сил никаких нет, радио почему-то не отвечает, хрип один, четыре часа назад Луи пошел пешком в Порт-Бьюно, чтобы выяснить, за это время можно дважды успеть туда и обратно, а Луи все нет и нет, и смены нет, но все же должен быть свой предел... В голосе охранника звучала неподдельная мальчишеская обида.

— Убили, наверно, твоего Луи, — сказал Шабан, переступая на полшага вперед. — Так-то.

— Как это? — охранник заметно растерялся.

— Насмерть, — сказал Шабан. — Соболезную. Государственный переворот, понял?

— Д-да, — нерешительно сказал охранник. — Вот оно что... А как же... это... смена? — Слово "смена" он произнес почему-то шепотом.

— Будет вам смена, рядовой, — отчаянно плел Шабан. Зуд стал нестерпимым, телу хотелось действия: броситься, ломать, рвать, только не стоять на месте. Он сделал еще полшага. — Сейчас там просто не до вас. Свяжитесь с Особой Охраной — пришлют вам смену. Не обещаю, что не арестуют, но смена будет.

— А радио... — унылым голосом проговорил охранник. — Радио-то не работает...

— У меня в вездеходе есть радио, — Шабан показал рукой. Он млея от предчувствия удачи. — Это вон там. Идите и свяжитесь.

Лицо охранника прояснилось. Он сделал шаг, хотел сделать второй и вдруг замер с поднятой ногой: по-видимому, до него начало доходить, что он делает что-то не так. Не дожидаясь, пока сомнение караульного перерастет в уверенность, Шабан прыгнул вперед. Поднырнув под наставленный ствол, он ударил с коротким вскриком, целясь в солнечное сплетение, но, кажется, попал мимо, потому что охранник не задохнулся, а завопил и попытался ударить сверху карабином, — тогда он схватил охранника за штаны и натужно перебросил через себя. В нем было немало весу, в этом молодом здоровом теле, и Шабан с размаху приложил его о камни. Охранник взвыл. Где-то рядом с ухом грохнул карабин, пуля бесполезно ушла в небо. Ненужный шум. Шабан выдрал

оружие из цепляющихся рук и, размахнувшись, забросил за бункер. Вот так. А теперь встать! Встать, я сказал! Ну!

Охранник встал. Его лицо выражало полную растерянность. Он еще не успел по-настоящему испугаться за свою жизнь, он боялся реакции начальства на неуставное ротозейство, глотал воздух и кривился от боли в подбитом боку. Ничего, сейчас он перестанет кривиться... Шабан извлек оба пистолета, "магнум" отдал Лизе:

— Стой тут, девочка. Шевельнется — стреляй без предупреждения.

Охранник замер. Теперь до него дошло, и пыль на его лице стремительно потемнела, впитывая нервный пот. Со лба, не удержавшись, сорвалась струйка, прочертила след. Лиза, довольная игрушкой, вертела в руках тяжелый "магнум".

— "Стреляй" — это как?

— Вот так, — Шабан повернул ее руку так, чтобы ствол пистолета глядел на охранника. — Так и держи, девочка. А шевельнется — нажмешь вот сюда, на этот вот крючок. Справишься?

Она радостно кивнула.

— Ты у меня молодец, — серьезно сказал Шабан, и она просияла.

— Жди тут. Я скоро.

Минут пять он возился, отключая сигнализацию, затем расплавил замок и откатил дверь вручную. Над этим бункером особенно не мудрили, внутри не было ни хитрых устройств распознавания, ни связанных с ними газовых, радиационных или иных ловушек: в горячую пору проходки бронированные двери откатывались по пять и более раз на день и никому не хотелось случайностей. Мелкие заряды хранились прямо здесь, более мощные и редко используемые прятались в бетонированном каземате под бункером. Там могли быть и универсальные заряды, годящиеся для использования в качестве бомб, и многое другое, но вход туда преграждала толстая броневая плита и там могли быть ловушки. Шабан покачал головой: нет, хватит риска, обойдемся тем, что есть. Стотонные заряды, похожие на карандаш, и тысячетонные, похожие на стаканчик для карандашей. Есть еще пятисоттонные и какие-то совсем маленькие... нет, это лишнее. Четырех тысячетонных должно хватить с избытком. Взломав стенной шкаф, он выбрал инициирующую таблетку — стандартную, на десять минут. Достаточно. Только не зевать, не терять зря времени — и вездеход на полной скорости ворвется на космодром как раз в ту минуту, когда горы вздрогнут от взрыва, взрыв отвлечет охрану. Посеять панику, рассеять, разметать, прорваться в "Юкон" и дать Штуцеру тридцать... нет, пятнадцать минут на то, чтобы разыскать и доставить на корабль экипаж, угрожая в противном случае поднять на воздух корабль, космодром и Порт-Бьюно... я не знаю, как это делается, но Штуцер поверит... Возьму пилота и навигатора, остальных мне не нужно. Придется не спать несколько суток... Он приложил пылающий лоб к свицовой облицовке стены. Холодная...

Для какой надобности на боковом пути вот уже несколько лет ржавели три сцепленные вагонетки, вряд ли кто-нибудь знал. Может быть, в них когда-то намеревались возить в тоннель разные грузы, например, сменные бригады убегунов или другие вещи, но потом оставили

эту затею. В дождливый сезон ковши вагонеток по край наполняли аммиачной водой, сухим сезоном воздух вытягивал воду прочь, и набросанный на дно мусор пополам с фекалиями давно уже слежался в монолит и даже не вонял. Крайнюю вагонетку удалось отделить, только разрезав сцепку, но катиться она не желала до тех пор, пока Шабан, ворча и ругаясь сквозь зубы, не срезал приржавевшие тормозные колодки. Быстрее, черт... Забравшись внутрь, он разместил заряды по углам ковша, установил максимальный угол раскрыва струи — пять с половиной градусов. Этого хватит. На всякий случай придавил заряды камнями — теперь они никуда не денутся, четыре взрыва ударят веером в потолок тоннеля. Быстрее! Торопясь, он выдолбил каблуком лунку для инициирующей таблетки — точно посередине: заряды должны сработать одновременно, с точностью до наносекунды. Быстрее! Штуцер или Живоглот могут опомниться, могут найти время подумать о тоннеле или о складе зарядов. Южные Земель захотели, живоглоты? Вот вам Южные Земли! Они не по вашим зубам, и до вариаторов вы у меня не доберетесь... Потревоженный мусор защищался, как умел: вагонетка наполнилась вонью. Шабан выбрался из нее на насыпь и перевел дух. Где Лиза? Вон она, отсюда плохо видно, но ясно, что у нее все в порядке и охранник не рыпается. Молодец, девочка.

— И-и... раз!

Вагонетка качнулась, колеса отчаянно застонали.

— И-и — два!

Колеса нехотя провернулись. Ну же! Ну давай! Шабан уперся ногой во вторую вагонетку. Ага! Еще раз! Кажется, пошла. Главное, не останавливаться, толкать и толкать, вогнать эту тяжесть тоннелю в глотку, дальше она пойдет сама, там уклон. А здесь подъем, здесь тяжело и воздуха нет. Где воздух? Дышишь какой-то ватой... Шабан сорвал с лица дыхательный фильтр, швырнул под ноги. Вот так-то лучше. Ну же! Ну, еще!..

Вагонетка скрипнула и остановилась. Шабан вытер лицо рукавом и пнул вагонетку ногой. Пот на лице лез из всех пор, ладони были в ржавчине. Нет, так не пойдет. Он понскал глазами по сторонам. Один из убегунов куда-то исчез, зато второй все так же сидел на рельсе и смотрел на вагонетку тусклым взглядом. Экземпляр был молодой и еще крепкий, видно, работал в тоннеле недавно. Чтобы привлечь внимание, Шабан плюнул в его сторону.

— Эй! Поди сюда.

Пришлось еще прикрикнуть. Убегун, вытянув подвижной рот, хлопнул губами.

— А что мне за это будет? — голос у него был тягучий и гнусавый, как при насморке — мешало неприспособленное для речи строение носоглотки.

— Шею сверну. Поди сюда, я сказал. Живо.

Вдвоем пошло веселее.

— И — раз! — кричал Шабан, наваливаясь на вагонетку. — И — два!.. — Колеса уже не скрипели, они победно пели на высокой ноте: вагонетка разгонялась. — Вперед!.. Толкай, слышишь! Сильнее! Кто так толкает, гад? Убью! Вот так надо! И еще р-раз! Хорошо!..

Вагонетка подпрыгнула на клацнувшей стрелке, покачнулась, и у Шабана упало сердце. Вот он — тоннель, теперь ее уже не остановить... Вперед! Еще раз! Нет, от толчка заряды не сдвинулись, это было бы слишком

несправедливо, они просто не могли сдвинуться, не имели права, я это чувствую... Теперь хватит. Скорость еще небольшая, но дальше эта ржавь пойдет в разгон. Пора.

Рядом тонко мычал от натуги убегун, в сумраке тоннеля жутко светились его внешние кольцеобразные зрачки.

— Пошел вон! — закричал на него Шабан. — Убирайся, ну!

Убегун не заставил себя ждать.

— И у входа не торчи, — крикнул Шабан вдогонку, — плохо будет!

Убегун, втянув голову в плечи по самые уши, нелепо скакал по шпалам к выходу. Часто-часто мелькали ноги. Пусть живет, подумал Шабан, пусть забудет работу в тоннеле и сам тоннель, где расплывены в атомы сотни таких, как он, пусть как можно дольше не знает, что такое лучевая болезнь, потому что все это человек и дела человека, а убегуны тут ни при чем... Некоторое время он трусил рысцой, держась за борт вагонетки. Время! Он сдвинул в пальцах инициирующую таблетку — она загорелась красным, — запрыгнул животом на борт ковша и точно послал таблетку в приготовленную лунку. Попал! Задыхаясь, он срыгнул вбок, споткнулся о шпалу и несколько шагов бежал на четвереньках. Ничего, ничего... Главное сделано. Вагонетка с нарастающим гулом рвалась под уклон. Грохотали колеса, что-то жалобно дребезжало, стонали ржавые оси. Разгоняясь, заряд уходил в гору. Через десять минут где-то там, в самой сердцевине горы, тысячи и тысячи тонн камня придут в движение, и потолок тоннеля рухнет на протяжении нескольких километров — хорошо бы по всей длине... Вагонетку уже нельзя было догнать, ее можно было только проводить взглядом. На миг Шабан почувствовал страх, сознание чего-то непоправимого. Оказывается, он не был готов к тому, что когда-нибудь уже ничего нельзя будет изменить и некуда будет отступать, оказывается, он принимал это только в мыслях... Шабан яростно замотал головой: грохочущая вагонетка уже исчезла из виду. Вперед! То есть, назад! Прочь отсюда! Повернувшись, он побежал к выходу. Все нормально, время есть... Времени как раз хватит: до космодрома вездеходу на полной скорости гнать минут шесть, не больше. Успеем: еще целых девять с половиной минут... нет, уже только девять. Он надал и понесся к выходу так быстро, как мог. Вот вам! Он торжествующе вскрикнул, и своды тоннеля ответили гулким эхом. Вот вам на память от Искандера, живоглоты, штуцеры и кошкодавы, вот вам ситуация, до которой вы не додумались, но теперь вам придется думать, думать быстро, иначе вы не удержитесь... Восемь минут! Уже только восемь, а надо еще добегать, надо еще стукнуть по голове охранника и сесть в вездеход... нет, охранника достаточно припугнуть, парнишка вроде ничего, не надо его бить. Но как просто! Оказывается, здесь самое главное — решиться, а дальше намного проще, нужна только капелька везения. Каждая деталь имеет свою наработку на отказ, это надо знать, и вы у меня еще вспомните эту отказавшую деталь! Вы ее долго будете помнить!..

Он выскочил из тоннеля на свет. Тусклые преддождевые сумерки показались ему слишком яркими. Сначала он не поверил своим глазам и замер в изумлении: равнина шевелилась. Она колыхалась и рябила на всем своем гигантском протяжении, она была покрыта чем-то дви-

жущимся, наползающим, нацеливающимся. Шабан бешено выругался. Так вот что за тени гуляли по степи — началось великое переселение! Вся равнина до горизонта была заполнена убегунами, их было невообразимо много — миллионы, — должно быть, к северу от хребта Турковского разом опустели все стойбища. Убегуны шли молча, и только топот множества ног сливался в ровный гул, на всей равнине не было ни одного звука, кроме этого гула. Шабан не мог себе представить, что на Прокне живет такое множество убегунов. Они надвигались, как море. Это было похоже на запомнившийся с детства учебный фильм о миграции леммингов, только тот фильм был совсем не страшным.

— Назад! — заорал Шабан.

Кольшущееся море вытягивало вперед язык, нацеливаясь в устье тоннеля. Передовые отряды уже лезли на насыпь с обеих сторон. Мужчины, одни мужчины, сильные и выносливые, тяжело дышащие, некоторые в рваной одежде — как видно, из прирученных, — но в большинстве совершенно голые, пропыленные до серости и чем-то очень напоминающие людей. Толпа. Бессмысленная напиральная плотность. Самки с детенышами отстали — наиболее сильные из них поспеют в тоннель как раз к самой давке, и тоннель огласится криками, когда под напором тел захрустят их кости, но куда будет свернуть, а сзади, не обращая внимания ни на крики, ни на дергающиеся тела под ногами, будут напирать и напирать новые толпы, пока от взрыва в глубине горы не расколется своды и на тех, кому повезет пробиться сквозь давку, не ринется сверху потолок...

— Стой! — надсаживаясь, кричал Шабан. — Сто-о-ой!

Его не слушали. Его видели, но на него не обращали внимания. Человек был страшен для убегуна, но не для всего народа убегунов. Пусть будет хуже для человека, если он мешает. Орда поглотит и растопчет его, уходя прочь с этих холодных равнин. Туда-где-Тепло. Без оглядки. Шабан схватил в руку рукоять лучевика. Толпа была уже шагах в пятидесяти.

— Назад-ад! — яростно заревел Шабан. — Кретины! Сто-о-ой! Там смерть! Назад, животные!

Огненная дорожка прочертила линию перед ногами забежавших вперед. Повис легкий дымок и тут же всколыхнулся — орда перевалила через линию. Взвизгнул какой-то убегун: как видно, наступил босой пяткой на горячее. Ах, вот вы как? Нет, вы у меня остановитесь! А ну, стой!!

Дымящийся зигзаг пересек насыпь. Вот так! И еще раз! Мало вам?.. Крича что-то невообразимое и не слыша сам себя, Шабан с локтя бил лучом перед собой, стараясь попасть как можно ближе к толпе. Он очень боялся, что дрогнет рука. Густо дымила земля, вспыхнули шпалы, расплавился и потек рельс. Первые ряды замялись. Ага! Назад! Я кому сказал! Шабан шагнул вперед, и орда попятилась. Кто-то из убегунов бессмысленно оглядывался, кто-то уже повернул, чтобы бежать, но бежать было некуда: сзади напирала те, кто еще не видел лазерного луча. Ничего, сейчас они побегут... Шабан заорал сорванным голосом и еще раз прочертил насыпь перед пятящейся толпой. Как только выдерживает лучевик? Сейчас, сейчас... не задеть бы только вздохом. Толпу бы не задеть... Еще немного — и побегут. Вас же спасаю,

кретины!.. Он сделал еще шаг, и тут в него полетели камни.

— Назад-а-а-ад!!!

Теперь уже отступая он, и орда снова накатывалась. Кто-то в передних рядах споткнулся и дико завизжал, упав на дымящуюся землю. Упавшего топтали, не замечая. Некоторые выбегали вперед, нырком нагибались, хватая очередной кусок щепня с полотна. Метальщики они были никакие, но их было много, и Шабан сразу же получил чувствительный удар по ноге, другой обломок щепня зацепил ухо. Отступать было некуда: толпа уже обошла его с боков. Какой-то низкорослый убегун проскользнул вдоль скальной стены и с торжествующим воплем скрылся в тоннеле. Кинутся все сразу — конец, отчаянно подумал Шабан.

— Назад, сволочи!

Все-таки они боялись — толпа надвигалась медленно. Кое-кто из первых рядов силился протиснуться назад. Неожиданно ударил выстрел — пуля с визгом срикошетировала от свода тоннеля. Слава богу, обычная пуля... Шабан затравленно озирался. Значит, оружие у них все-таки есть, слухи не врут. Откуда у них оружие? Попасть не попадут, но еще один выстрел, еще только один — и они кинутся... Он попятился к самому зеву тоннеля, еще на что-то надеясь, но когда грохнуло второй раз и они кинулись, надеяться стало не на что, тогда он зажмурился, чтобы не видеть, и с длинным страшным криком полоснул лучом по толпе, по тянущимся к нему уродливым рукам, по бессмысленным лицам с выдвинутыми ртами. Прочь! Он кричал, чтобы не слышать их криков, и на лице его не было фильтра, чтобы уберечься от запаха горящего мяса. Прочь! Луч метался над насыпью до тех пор, пока лучевик не отказал, и тогда Шабан открыл глаза. Ему захотелось закрыть их снова. За несколько секунд на насыпи не осталось ни одного живого убегуна. Уцелевшие бежали кто куда, толпа по обе стороны насыпи стремительно таяла, паника передавалась дальше, и теперь на равнине не было равномерного колыхания, теперь в живом шевелящемся море возникали неожиданные течения и водовороты. Каждый спасался сам, слабые и замешкавшиеся, упав под ноги бегущим, больше не поднимались. Над равниной стоял тысячеголосый вой. Шабан перевел дух и сбежал с насыпи. Следовало уходить, пока не поздно. Его вдруг неудержимо вырвало какой-то желчью. Прочь отсюда! Он вытер слезящиеся глаза и побежал, ускоряя шаги, но почти сразу же ахнула и застонала земля, что-то сбило его с ног и бросило ничком на камни. Гора содрогнулась. Из тоннеля вылетел горячий вихрь. Крепления сводов стонали и коржились, как живые, каменная тяжесть ломала тюбинги. Высоко над зевом тоннеля что-то трещало, ворочалось и сыпалось, но это были только оползни, а самое главное происходило сейчас в глубине горы, где ожили и подвинулись геологические пласты, где в ревущей ярости взрыва погибал двухлетний титанический труд — равнодушный труд равнодушных людей, половина из которых вообще не знала, зачем нужен этот тоннель, а другой половине было плевать на все, кроме заработка и срока контракта. Где-то уже катились камни, слышался нарастающий гул близкого обвала. Шабан вскочил на ноги и побежал прочь от склона. Вздохом? Нет, вздохом стоит нормально, его не должно задеть. Нам опять повезло, моя девочка, нам просто невероятно везет. Все

хорошо, все у нас с тобой в порядке, самое главное сделано, вот только упустили удобное время, но еще неизвестно, что для нас лучше: неожиданный для охранников взрыв или нашествие на космодром полчищ обезумевших убегунов.

— Ли-и-и-за-а!..

Лизы нигде не было видно. Бункер стоял на месте, но рядом с ним не было ни Лизы, ни охранника.

— Ну я вас, — сказал Шабан неуверенно. Ну нельзя же так...

— Ли-и-и-и-за-а!

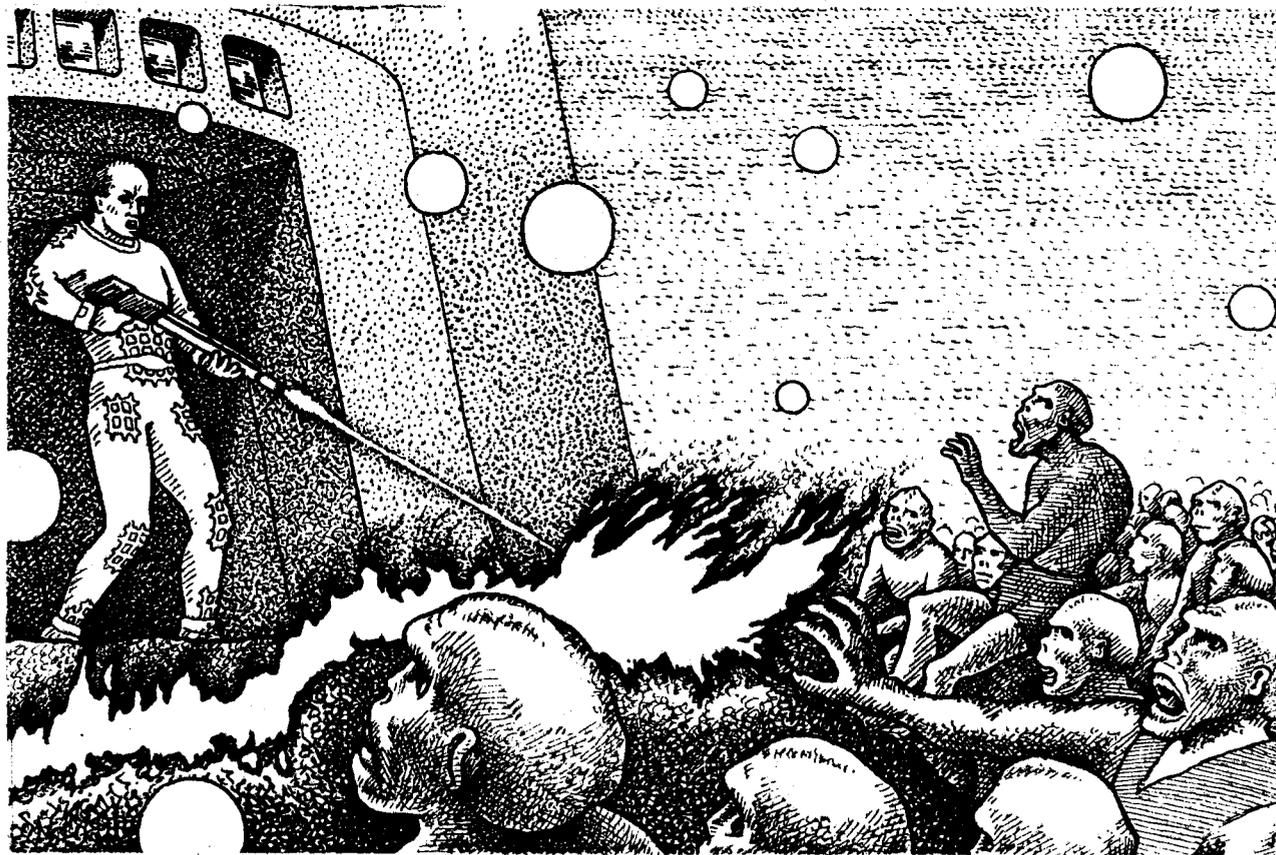
Кой черт... Убегуны? Нет, до бункера убегуны не дошли, хотя были совсем рядом... не настолько, впрочем, рядом, чтобы увлечь их с собой при бегстве. Девчонка! Охранник удрал, конечно, да и как от такой не удрать, а она играет в прятки!

Он позвал еще раз и обежал бункер кругом. За бункером валялся мусор и кал, карабин охранника тоже был здесь, но Лизы не было. Может быть, вон за теми валунами? Конечно, там, где же ей еще быть... Уши оборву. Сатаня на ходу, Шабан двинулся к валунам и тут же увидел Лизу.

Она лежала на боку там, куда ее отбросило, — маленький скорчившийся комочек. Она уже не была похожа на Лизу, и не застонала, когда Шабан перевернул ее на спину. Вероятно, она была еще жива, когда гранато-пуля, выпущенная из "магнума", разорвалась в трех шагах от нее и охранника не стало, а огненный вихрь опалил и отшвырнул ее пробитое осколками тело. Она еще жила, когда упала на камни, и, наверное, пыталась подняться,

но смогла только скорчиться, стараясь унять боль и не понимая, откуда вдруг взялось столько боли. Хитин спереди был сожжен и висел горелыми лохмотьями. Нажав на спуск, Лиза не успела закрыть лицо, и Шабан заставил себя посмотреть еще раз на то, что было ее лицом. Он смотрел долго, запоминая, он боялся, что забудет какую-нибудь подробность, а перед глазами стояло живое растерянное лицо, и Лиза говорила: "Там страшно. Там нет крыши..." А ведь она сегодня первый раз вышла из Порт-Бьюно... Все было кончено. Шабан осторожно опустил ее голову на камень, встал и побрел прочь. Наверное, Лизу надо было похоронить, но он не мог себе представить, как будет копать какое-то специальное углубление, оглядываясь на обожженное мертвое тело и не веря, что все так просто, и как придется все-таки поверить и закидать могилу землей и камнями. От охранника не осталось ничего, и не на ком было отыграться. Подлец, все-таки рыпнулся... А может, нет? "Шевельнется — нажмешь на этот крючок", — вспомнил Шабан. Лиза, девочка моя... Ты же уже не модель, как ты могла понять буквально? Попробуй простоять столько времени и не шевельнуться...

Он сходил к вездеходу, нашел в бортовой нише флакон, выторгованный у Роджера, и вернулся. Его движения были точны и спокойны. Когда ослепительно-белая пенная струя ударила в труп, он вздрогнул: ему показалось, что тело Лизы шевельнулось. Но он не прервал работы, и вскоре тела не стало видно под рыхлым коническим сугробом, а флакон все извергал и извергал из себя быстро твердеющую пену, пока сугроб не превра-

тился в высокий снежный конус — тогда Шабан отшвырнул баллончик, повернулся и зашагал в степь. Сначала он шел наугад, затем свернул туда, где уже надсадно стонали сирены, где над Порт-Бьюно хаотично взлетали в небо сигнальные ракеты и где на крышу куба только что упали первые капли дождя.

У КАЖДОГО СВОИ ПРОБЛЕМЫ

1

Окна в кабинете полковника Нуньеса все еще продолжали противно дребезжать, но дурнота уже отхлынула, и теперь следовало собрать и привести в порядок мысли, нарушенные неожиданным толчком. Долгий гул потревоженных гор продолжал давить на уши, было прекрасно видно, как вслед за обвалами над ущельями встают облака пыли: сегодняшней толчок оказался намного сильнее всех предыдущих — судя по всем признакам, противник, ничуть не скрываясь, развивал бурную и совершенно непонятную деятельность. Цель этой деятельности обозначилась сегодня вполне отчетливо, не вполне ясными оставались методы и уж неясными совершенно — способы их реализации.

Полковник не находил себе места. О случившемся следовало доложить немедленно по обнаружении, но он доложил только днем. Стало очевидно, что невидимая твердая стена, укрывшая за собой все южные территории Редута и часть чужих земель в придачу, не только существует, но намерена существовать и далее, издеваясь над всеми попытками найти в ней брешь, пробить ее залпами зенитных ракет или прожечь с лазерного поста. Доложил с отчаяния, отчетливо понимая, какую это вызовет реакцию. Услышав, как на том конце кто-то вполголоса подал реплику: "Плюнь, у старого пня мозги с плесенью", — наорал, добился, чтобы соединили лично с командующим, и, как мальчишка, стоял перед телефоном навтыжку, выслушивая финальное: "Вы мне за это ответите!.."

За что? Сжимая голову руками, Нуньес не находил ответа на этот вопрос. За то, что у противника появилось новое, секретное и, по-видимому, совершенно неуязвимое средство защиты? За то, что противник продолжает дробить горы как хочет и смеется над военной мощью сопредельных государств? Начальство найдет, за что. Когда ничего нельзя сделать, начальство всегда ищет виновных — это тоже занятие. Нуньес закрыл глаза. Отставка, отставка... Уже не избежать, не отсрочить. Хорошо, если в память о прошлых заслугах позволят самому написать прошение, а не выгонят с позором и без пенсии. Но разве в пенсии дело, когда не будет ни линейной пехоты, ни даже этого гарнизона в сельве, когда вокруг не станет привычного размеренного порядка, требовательности начальствующих и исполнительности подчиненных, а будет только пустота и ничего, ничего кроме пустоты и приближающейся старости... Разве в пенсии дело?

Он встал и подошел к окну, как делал много раз до этого, оглядывая с высоты свои владения. Низкие сизые облака, гонимые ветром к хребту, натянулись на невидимую стену и расплзались по ней; затем их продавливало внутрь, и они растрепанно ползли дальше. В горах

продолжало грохотать, но уже слабее. Напуганная стайка каких-то некрупных животных, совсем потеряв голову, выскочила из сельвы чуть ли не на самый плац — сработали периферийные пулеметы, и на границе зарослей заплясали огоньки разрывов. С шумом упало дерево. Так их... Подлость: всякое зверье свободно шляется сквозь стену в обе стороны, а человеку хода нет. Видели, как туда свободно прошел чудовищных размеров глипт... И лазерный луч гаснет в стене, несмотря на всю ее прозрачность, и сверху не достать, и из-под земли... Может быть, в самом деле пора в отставку, подумал Нуньес. Новое оружие — новые люди. Так было всегда. Старики не нужны. Они могут рассчитывать лишь на то, что молодые им объяснят, когда разберутся сами, и пусть кто-нибудь скорее разберется, ведь я уже не способен, я сойду с ума, мне просто страшно, пусть кто-нибудь разберется и объяснит мне, ведь я же уже не могу...

2

— Он идет, — сказал Менигон.

Сидящий напротив ответил ленивым кивком. Идет — ну и пусть себе идет, мало ли, кто там идет. Никогда не знаешь, что у куратора на уме, подумал Менигон. Если и не разобрался, что к чему, то виду не покажет.

— По-моему, он идет сдаваться, — осторожно уточнил он.

— Я понял, мусорщик.

Ага, теперь-то уж точно понял. И, наверное, намерен что-то предпринять, иначе бы мы тут не болтались. Су-конное это дело — быть куратором. Существуют тысячи дел поинтереснее. Спросить бы его прямо, сам ли вызвался, а если не сам, то за что его сюда и на какой срок. Так ведь не ответит — что ему какой-то мусорщик?

— Не уйти ли нам выше, равный? — Менигон оторвал взгляд от бредущей по равнине фигурки, поймал презрительную усмешку и опустил глаза. — Не в самый Ореол, конечно, — быстро поправился он.

— Только на внешний уровень, не более. Мы сможем наблюдать и оттуда.

— Для чего, мусорщик?

— В облаках разрывы, равный. Нас заметят. Хватит с Искандера диверсии, зачем же еще шпионаж в пользу ищитоносцев?

Куратор равнодушно пожал плечами. Черный корабль неторопливо вошел в разрыв. Блеснуло слабое солнце, по степи раскорячкой побежала тень. Теперь наверняка заметят, засуетятся, но какое ему до этого дело? Он из Ореола, ему все равно, хоть он и куратор. Но обращение "равный" проглотил, даже дважды, а это уже кое-что. Может быть, хватит намеков, пора прямо просить его за Искандера? Но что теперь можно для него сделать? Что, спрашивается? Мальчишка потерял терпение, даже не подумал, что до вариадонтов можно добраться не только с севера через тоннель, но предположил даже теоретически, что о них есть кому позаботиться, кроме него, как о единственной расе, достойной стать партнером Ореола... да, собственно, уже позаботились. Когда терять уже нечего, обычно теряют голову. Жалко мальчишку, очень жалко.

— Муравей, — сказал куратор, глядя под ноги. — Ползет к своему муравейнику. Уже и инстинкт самосох-

ранения нарушен, только не стадность. Что ему грозит, мусорщик?

Менигон скосил на куратора один глаз: неужели не понятно? Впрочем, откуда им может быть понятно? Что они знают о людях и об их обществе? Кому об этом нужно знать? Мусор, пыль под ногами...

— Разорвут, — сухо объяснил Менигон. — Ясное дело: тоннель будут восстанавливать, отправку отработавших контракт на Землю снова отодвинут на несколько месяцев. Может быть, Живоглот сумеет отбить его у толпы. Тогда через пару дней его вместе с другими пленными вывезут подальше в степь и заставят вырыть яму, если он еще сможет двигаться. Впрочем, здесь же Биртолли... Вероятно, изобразят какой-то суд, Искандера приговорят к пожизненному, поскольку смертной казни в Редуте не существует, а Биртолли накропает об этом заметку "В добрый час!", где подчеркнет демократизм нового правительства и исключительное уважение к законности. После чего...

— Утихни, мусорщик. Я понял.

Пренебрежения в голосе куратора Менигон не уловил. Он и не пытался уловить. Что с того, что мусорщик, кому-то надо и мусором заниматься, всякая работа на благо Ореола достойна и уважаема, если делается от души, а по-другому и не бывает. Неспособных нет. Ранняя отбраковка делает дело, даже на Земле об этом начинают догадываться.

— Спустись к нему, мусорщик.

— Его прощают? — спросил Менигон.

Куратор посмотрел на него так, что пришлось отвернуться. Вредно подолгу жить вне Ореола, начинаешь забывать элементарные вещи. Ореол не прощает и не наказывает. Ореол отсекает от себя лишнее, это очень тонкая работа

— заметить лишнее и вовремя убрать, пока оно не пустило корни. Лучше перестраховаться, допущенную ошибку можно потом исправить.

— Пригласи его сюда, мусорщик.

— Ясно, равный.

Так и есть, они там намерены исправить ошибку. Исправлять будет мусорщик — это его работа, работа очень редкая, один-два случая на сто лет, — а куратор проследит, чтобы все было как надо. Потом он подхватит эстафету и передаст ее дальше, потом еще дальше и так до самого Ореола, до окончательного исправления ошибки. Что нужно отбракованному, чтобы Ореол признал свою ошибку? Может быть, взорвать одну-две горы?

— Ты еще здесь, мусорщик?

— Иду, равный.

Надо идти. Искандер обалдеет, когда к нему с неба ангел спустится его бывший наставник. Кстати, почему бывший? И сейчас придется наставлять, куратор имеет в виду именно это. Добрый ангел-хранитель, мудрый и всепрощающий, заботящийся по-отечески — кто может поклясться, что никогда не мечтал о таком, хотя бы подсознательно? Искандер не может, нет сомнения. И это замечательно.

"Ну вот и все, Искандер. Ты видишь, как просто все кончается. Нужно только смотреть на человечество со стороны, а лучше сверху, и тогда все будет очень просто. Попробуй, это совсем не трудно. Неаппетитное зрелище, правда? Забудь свои земные детские воспоминания, их не

было. Забудь все до того дня, когда твой отчим привел тебя в кадетскую школу".

"Это был ты, Винс?"

"Нет, это был другой мусорщик. Меня тогда на Земле не было".

"А мои настоящие родители?"

"Они в Ореоле. Возможно, они захотят с тобой встретиться".

"Возможно?!"

"Если найдут время. Мы очень много работаем, Искандер. Без этой работы и тщательнейшего, скрупулезнейшего отбора достойных мы бы никогда не вырвались вперед и не стали такими, какие мы есть. Человечество униженно следует законам природы — мы научились менять их по своему вкусу. И создавать новые. Вселенная людей тесна и убога даже по сравнению с внешним уровнем Ореола, а ведь в нем двенадцать уровней. Будущее человечества ничтожно по сравнению с нашим будущим. Мы работаем на будущее, Искандер. Мы его делаем".

"А своих отбракованных детей вы, значит, отправляете на Землю? Вываливаете мусор?"

"Именно мусор, Искандер. На Земле ему самое место".

Хорошая фраза. Вот так и надо ему сказать, пусть прочувствует. Захочет стереть ложную память — сотрем. Восстановить истинную? Может быть, лучше не надо: маленький мальчик, больше всего боящийся быть отбракованным, преувеличенные детские страхи... Ошиблись, бывает. Радуйся, бывший человек, ты признан достойным Ореола!

"А Лиза?"

"Что — Лиза?"

"Ее ведь можно спасти, правда? Ты ведь ее оживишь? Ну скажи мне, Винс!"

"Зачем? Она никогда не сможет встать вровень с нами. Ореолу не нужны примитивные биороботы".

"Плевать на Ореол! Винс! Сделай же что-нибудь, это не для нее, это для меня. Вы же там всемогущие, для вас это раз плюнуть. Не нужно мне никакого Ореола, оставь меня здесь, только оживи ее, слышишь, только оживи, ведь ты же можешь!.."

Могу, подумал Менигон. Наверное, именно поэтому при исправлении ошибки всегда присутствует куратор: от этих мусорщиков можно ждать чего угодно. Специфика работы у них такая: одной ногой в мусоре, другой в Ореоле. Ни один мусорщик не скажет, что ему по душе эта работа. И ни один из них не хочет навсегда уйти в Ореол. Почему? Об этом не говорят. Даже мусорщик с мусорщиком не станут об этом говорить. Это стыдно. Никто из нас не признается в том, что мы просто любим этих людей, это бездарное, грешное, плоско-нахрапистое человечество с предсказуемым будущим, что часто, очень часто нам отчаянно и бесплодно хочется помочь этому человечеству стать немного счастливее, помочь хотя бы одному человеку, хотя бы одному...

— Равный, — сказал Менигон, — ты уверен, что он согласится вернуться?

Галина АЮПОВА

Дюжина индюков и еще много чего...

В "Хрониках Нарнии" К. С. Льюиса дети через платяной шкаф проникают в сказочный мир, искрящийся, как рождественская елка. И там с ними происходят удивительные приключения: они попадают в волшебные замки, встречают необыкновенных зверей, постигают науку добра и зла. "Люминафоры" – призрачные, как счастье, замки; кажется, что они реальны, но протягиваешь руку – и они тают, остаются лишь очертания стрельчатых башен и слабое свечение...

Подобную завесу в реальный мир приоткрыла "Выставка под Рождество" в Екатеринбургском музее изобразительных искусств – около 300 работ, двадцать восемь авторов из Екатеринбурга, Невьянска, Пышмы, Магнитогорска, ожививших сказки и предания... Рядом могут соседствовать "Оберегиня" и "Кикимора, домовая и кот"; нечистая сила занимается вокальным творчеством; животным присущи человеческие качества – например, преисполнена собственного достоинства "Собака-начальник"; между драконами может возникнуть роман... Даже не верится, что все это сделано из глины...

Оказывается, у нас в стране множество людей занимаются игрушечным промыслом. Выставка есть выставка: на ней всего понемногу. Некоторые витрины смотрелись, как валютные ларьки с сувенирами; но ведь сказано в каталоге: "Мастера только ведут поиск новых форм, сюжетов, росписи..." Самой популярной игрушкой оказался индюк. Вятские игрушки, отталкиваясь от которых, художники ведут поиск, традиционны. Но индюк – и традиционный, и абстрактный, и китчевый – остается индюком, какие бы яблоки и груши на него не навешали: "Индюк голубой", "Изумрудный", сиреневый, розовый, коричневый... Каждый уважающий себя художник, вроде, обязался создать хотя бы одного индюка. Есть и другие представители пернатых, иногда целыми семьями: "Куриная семья", например; где куры – там и яйца: лепные, красные, желтые, зеленые... Тут уже схожесть не с сувенирным ларьком, а с выставкой достижений народного хозяйства. Наверное, это дань ушедшему году Петуха.

Интерес к русскому народному быту, теме будней, праздников вылился в целые серии: художник И. Крутаков – "Чаепитие" и "Тройка"; И. Смольников – "Зима в деревне" и "Лето в деревне"; Е. Захарова – "Тройка с крестьянами" и "Тройка с крестьянками". Не забыт и русский

костюм. К сожалению, не об истинно народных костюмах и глубоко изучении традиций – речь: увлекшись передачей фактуры и мелкими деталями, художники упустили из внимания форму, она перестала быть цельной, дробится на фрагменты. На выставке уральской глиняной игрушки нашлось место и эротике: ваза "Любовь" и сигаретница "Разочарование" Т. Сибиревой, "Поцелуй под юбкой" И. Акифьева отдаленно напоминают индийскую эротическую игрушку для взрослых. Присутствуют и совсем не игрушечные политические мотивы "Сны депутатов", "Власть". Не обойдена вниманием и трагическая участь царской семьи. Об авторе фигурок царской четы с наследником сказано в каталоге как об одной из основателей игрушечного промысла в Екатеринбурге. Вместо этого реверанса устроителям выставки следовало бы напомнить посетителям, что уральская глиняная игрушка появилась под Невьянском еще в прошлом веке.

Есть произведения, отвечающие имиджу лучшей выставочной площадки, – цельные по технике и стилистике. Авторы не варьируют бездумно расписные дымковские, филимоновские и каргапольские игрушки. В работах Н. Зыкова чувствуется индивидуальность, интересна и техника – дымление. Его "Оберегиня", "Поющая нечистая сила", "Кикимора, домовая и кот" вводят зрителя в мир преданий и сказок. Художнику удалось найти свой образ игрушки. Скромностью, простотой, почти музыкальной завершенностью форм отличаются игрушки Н. Петровой; они несут интеллектуальную нагрузку, так как каждая серия имеет свою эстетическую концепцию. Так, серия "Люминофоры" появилась после прочтения "Хроник Нарнии". Целый мир открывает серия "Мечта трубочиста", где каждый предмет имеет свое значение – не случайны даже пуговицы: есть примета, что пуговицы, оторванные у трубочиста, приносят счастье.

Глиняные игрушки лепили и лепят во всех уголках земного шара – благо, везде есть глина. Археологи находят фигурки из обожженной глины на древних стоянках человека. Для чего древний мастер лепил их: забавлялся ли, разминая комочек глины, хотел ли сделать талисман на счастье или утешить расплакавшегося ребенка? Ясно одно – игрушке столько же лет, сколько человечеству. Не расстаются художники с глиной и глиняной игрушкой и в наш технократический век.

Лоуренс БЛОК

ГОНОРАР МИСТЕРА ЭРЕНГРАФА

— Значит, вы — миссис Калхен? — полуутвердительно спросил Мартин Эренграф. — Садитесь, пожалуйста! И извините меня за беспорядок на столе. Хаос стимулирует мое мышление. Абсурд, не правда ли?

Дороги Калхен, как бы соглашаясь, кивнула. Она последовала приглашению, уселась и стала внимательно разглядывать невысокого адвоката, продолжавшего стоять за своим столом, беспорядочно заваленным бумагами. Ее взгляд отметил узкие усики, тонкие губы, глубоко посаженные темные глаза. Внешний вид адвоката являл полную противоположность царившему на столе хаосу. На нем была белоснежная, хорошо накрахмаленная сорочка, прекрасно пошитый серый костюм, к которому очень шел узкий темносиний галстук. Но она вовсе не хотела думать о галстуке...

— Значит, вы — мать Кларка Калхена, — продолжал Эренграф. — Я слышал, что вы уже выбрали себе адвоката.

— Алана Фаррелла.

— Достойный человек, — заверил Эренграф. — И с прекрасной репутацией.

— Сегодня утром я отказалась от его услуг, — вздохнула миссис Калхен. — Он потребовал, чтобы Кларк признал себя виновным, — пояснила она. — Как бы переходящая невеняемость или что-то в этом роде. Он предложил сыну признать себя виновным в убийстве этой девицы.

— А вы, разумеется, не хотели бы, чтобы он признался.

— Мой сын невиновен! — выпалила она. Потом взяла себя в руки и повторила более спокойно: — Мой сын невиновен. И он не должен признаваться в преступлении, которого не совершал.

— И поэтому вы обратились ко мне. — Низкорослый адвокат уселся наконец в свое кресло. — А что вы вообще знаете обо мне?

— Не так уж много. Но говорят, что ваши методы нестандартны...

— Это верно.

— ...И что вы всегда добиваетесь успехов.

— И это тоже верно. — Мартин Эренграф сложил ладони домиком, и на его губах мелькнуло подобие улыбки.

— Я действительно добиваюсь успехов. Я должен добиваться успехов, уважаемая миссис Калхен, иначе я не заработаю себе на пропитание. А я люблю хорошо поесть, хотя моя стройная фигура скорее свидетельствует об обратном. Но к делу. Видите ли, я практикую методы, которыми другие адвокаты не пользуются — во всяком случае, насколько мне это известно. Я работаю ради гонорара за успех дела. Мои гонорары высоки, миссис Калхен. Но я беру их только в случае успешного завершения дела. Если кто-то из моих клиентов будет признан виновным, я не возьму с него ни цента.

Адвокат встал и начал медленно прохаживаться по кабинету.

— В мелких делах такой принцип оплаты — дело обычное, — продолжал он. — Но почему только в мелких? И что такое "мелкое" дело? Я считаю этот принцип вполне приемлемым для всей моей практики: гонорар — за успешное завершение дела. И до сих пор все мои клиенты были удовлетворены результатами.

— Если вы добьетесь для Кларка оправдательного приговора...

— Оправдательного приговора? — переспросил адвокат ухмыляясь. — Видите ли, миссис Калхен, методы, которыми я пользуюсь, позволяют ставить вопрос иначе. Я думаю, что дело даже не будет передано в суд. Ну, скажем, всплывут новые обстоятельства, будут найдены или даже осуждены истинные преступники — и тогда обвинение моего клиента отпадет само по себе. А скажем, блистательная речь в зале суда, манипуляции при перекрестном допросе и тому подобное — это не мои методы. Ведь я скорее следователь, чем адвокат, миссис Калхен. Есть такая поговорка: нападение — лучший способ защиты. Однако возникла эта поговорка, скорее всего, во время войны, или, может быть, за шахматной доской — и в обоих случаях не может служить идеальной аналогией для нашего дела. Ведь для нас с вами, миссис Калхен, важно сохранить вашему сыну жизнь, свободу и доброе имя. Не так ли?

— Да, разумеется, мистер Эренграф.

— Насколько мне известно из газет, миссис Калхен, против вашего сына есть серьезные улики. Ведь убитая

девушка, Элфи Наттов, его бывшая возлюбленная. И она, как будто, выставила его...

— Он сам отказался от нее!

— Я лично в этом нисколько не сомневаюсь. Но прокурор придерживается другой версии. Известно, что девушку задушили. И на ее шее обнаружена петля, сделанная из синего галстука...

Глаза посетительницы непроизвольно уставились на синий галстук адвоката.

— ...Который обладает некоторыми особенностями, миссис Калхен, — продолжал адвокат. — Такие галстуки изготавливаются только для членов Кэдмонского общества в Оксфордском университете, и носят их только члены общества. Скажите, миссис Калхен, ведь ваш сын в течение целого года проходил усовершенствование в Англии, не так ли?

— Так.

— В Оксфорде?

— Да.

— И был членом Кэдмонского общества?

— Да.

Адвокат сделал глубокий вздох.

— И у него был галстук Кэдмонского общества. Совершенно очевидно, что он является единственным членом этого общества, который проживает в нашем городе. Или даже во всей Западной Вирджинии. И очевидно, он является единственным в городе, кто имел такой галстук. Однако он не смог ни предъявить свой галстук, ни представить убедительное алиби на ночь, когда было совершено убийство...

— Значит, кто-то украл у него галстук...

— Разумеется, убийца? — вновь ухмыльнулся адвокат. — Но зачем?

— Чтобы свалить на него вину.

— Именно так, — кивнул адвокат. — Ведь другого объяснения нет, не так ли? — Он сделал паузу. — Ну хорошо. Я берусь за защиту вашего сына. На моих обычных условиях.

— Ну, слава богу!

— Мой гонорар составит семьдесят пять тысяч долларов. Это очень большие деньги, миссис Калхен. Впрочем, мистеру Фарреллу вам пришлось бы заплатить не меньше. После изнурительных процедур в суде, назначения экспертов и прочего вы получили бы от него счет, включающий расходы по делу... А в сумму моего гонорара уже вошли все возможные расходы. Вам не придется подсчитывать, сколько времени, сил и денег я потрачу на дело вашего сына. Вы уплатите лишь названную сумму. И не уплатите ничего, если ваш сын будет обвинен. Согласны?

Она заставила себя согласиться не сразу.

— Да, — ответила она, словно бы поразмыслив. — Эти условия меня устраивают.

— И еще. Если даже ровно через десять минут, — адвокат демонстративно посмотрел на часы, — если даже через десять минут прокурор по собственному побуждению или по любым другим причинам откажется от обвинения вашего сына, вы, тем не менее, уплатите мне семьдесят пять тысяч долларов. Даже если я пальцем о палец не ударю, чтобы заработать эти деньги...

— Ничего не понимаю.

По тонким губам адвоката вновь пробежала усмешка. Но его темные глаза не смеялись.

— Таковы мои условия, миссис Калхен. Моя основная деятельность, как я уже говорил, это деятельность детектива, следователя. Я предпочитаю действовать за кулисами. Возможно, я приведу в движение и другие силы, действие которых будет трудно объяснить впоследствии. Поэтому я не хочу ничего объяснять или доказывать мое участие в достижении результата. Я получу свой гонорар независимо от того, покажется он вам заслуженным или нет. Понятно?

Теперь она, как будто, поняла, в чем дело. Несмотря на весьма туманное объяснение. Вероятно, маленький адвокат даст кому-то взятку. Или приведет в действие другие рычаги, о которых он не может или не хочет распространяться. Но ей-то все это безразлично. Важен результат.

— Хорошо, — сказала она. — Я вас понимаю. Если Кларка освободят, вы получите свой гонорар полностью.

— Прекрасно.

Она наморщила лоб:

— А теперь вы хотите, вероятно, получить аванс?

Он опять едва заметно улыбнулся:

— Найдется у вас один доллар?

Она достала из портмоне помятую купюру.

— Дайте мне этот доллар, миссис Калхен. Благодаря вам. Это и будет авансом. И заверяю вас, миссис Калхен, если дело не увенчается полным успехом, я верну вам даже этот доллар.

Чуть больше месяца спустя Дороти Калхен нанесла Мартину Эренграфу свой второй визит. Теперь на маленьком адвокате был темносиний костюм в полоску и коричневый галстук со скромной вышивкой. Накрахмаленная рубашка как две капли воды походила на прежнюю. Лицо адвоката выражало озабоченность.

— Итак, ваш сын свободен, — сообщил он. — Все обвинения с него сняты. Отпала даже тень подозрения его в убийстве.

— Мне уже все известно. — ответила миссис Калхен. — Счастливее меня нет сегодня никого на свете. — Она согнула улыбку с лица и сотворила скорбную мину. — Но конечно, эта новая страшная история с тремя убийствами на этой неделе девицами омрачает счастье Кларка и мое собственное. Я как бы чувствую...

— Простите, миссис Калхен. — Она умокла и уставилась на адвоката. — Вы не забыли о нашей договоренности? Вы должны уплатить мне семьдесят пять тысяч долларов...

— Но ведь...

— Но ведь мы с вами все оговорили заранее, миссис Калхен. При успешном завершении дела вы должны выплатить мне гонорар в размере семидесяти пяти тысяч долларов. Разумеется, за вычетом одного доллара, который я получил в качестве аванса. Или вы считаете, что дело завершено недостаточно успешно?

— Дело, разумеется, завершено вполне успешно. — Миссис Калхен не могла отрицать очевидного. — Но ведь вы даже...

— Даже если бы я для этого палец о палец не ударил, миссис Калхен. Даже если бы прокурор по собственной инициативе отказался от обвинения еще до того, как

вы в прошлом месяце вышли из моего дома. Именно такую возможность мы с вами тогда обсуждали.

— Да, мистер Эренграф, но...

— Что означает "но", миссис Калхен?

Она сделала глубокий вдох и собралась с мыслями:

— Но эти три девицы... Каждую из них задушили, как и Олфи Паттон... И каждая из них, как и Олфи Паттон, стройная блондинка... Двоих у нас в городе, и третью за рекой, в Монтеклере... И у каждой вокруг шеи...

— Галстук, — закончил адвокат.

— Одинаковые галстуки, — уточнила миссис Калхен.

и вы ничего не предпринимали по делу моего сына... И лишь случайно появился этот маньяк и начал душить девиц... И притом такими же галстуками... И вы должны признать, что эти семьдесят пять тысяч, если бы вы их получили, словно бы с неба свалились.

— Вы правы. Именно с неба.

— Поэтому я посоветовалась со своим постоянным адвокатом — он не специалист по уголовным делам, он заботится о моих финансовых интересах, — и он считает, что вы должны согласиться с уменьшением гонорара.

— Галстуки Кэдмонского общества в Оксфорде, — добавил адвокат.

— Да, — миссис Калхен снова сделала глубокий вдох. — Очевидно, это дело рук какого-то маньяка... Просто ужасно даже представить себе, что кто-то убивает девиц лишь потому, что они похожи на его мать...

— На его мать? — удивился в свою очередь адвокат.

— Такое предположение высказал вчера по телевизору какой-то психиатр. Впрочем, он сказал, что это чисто теоретическое предположение.

— Да, конечно, — согласился адвокат. — Теории бывают порой довольно интересны.

— Так вот что я хотела сказать, мистер Эренграф, — перешла к делу посетительница. — Я, конечно, помню, как мы с вами договорились. Но с другой стороны, вы ведь лишь однажды посетили Кларка в тюрьме, вы провели с ним лишь короткую беседу, а затем, насколько мне известно, вас довольно долго не было в городе,

— Ах, это он так считает? И вы считаете, что можете предложить это мне?

Она старалась не смотреть адвокату в глаза.

— Да. И для меня это вполне очевидно. Разумеется, я охотно возьму ваши издержки по делу, хотя и не думаю, что они могли быть значительными. Да, и он рекомендовал мне выплатить мне сверх того гонорар в размере пяти тысяч долларов. Но я вам действительно очень благодарна и готова удвоить эту сумму; вы ведь согласитесь, что это не так уж мало? Да, у меня есть средства; я достаточно богата, но и я не могу позволить себе уплатить семьдесят пять тысяч долларов просто так, за здорово живешь...

— Вот таковы люди, особенно богатые, — заметил Эренграф, откидываясь в кресле и закрывая глаза. Потом снова открыл глаза и внимательно посмотрел на собеседницу. — Бедняки, те даже в отча-

янии не соглашаются с неприемлемыми для них условиями. А те, кто в лучшем положении, часто нарушают свое слово.

— Но я вовсе не отказываюсь от своего слова, — возразила миссис Калхен. — Дело в том, что...

— Извините, миссис Калхен, — перебил адвокат.

— Да?

— Я хочу кое-что сообщить вам. Правда, я не уверен, что это подействует, но все же попытаюсь. Самое лучшее, что вы можете сейчас сделать, это выписать мне чек на всю обусловленную сумму. Может быть, вы этого не сделаете, но потом пожалеете...

— Что это значит? Вы угрожаете мне?

— Ни в малейшей степени, — усмехнулся адвокат.

— Это вовсе не угроза, а предсказание, основанное на знании жизни. Если вы не уплатите, я кое-что расскажу, и в конце концов вам придется все же выплатить мне гонорар.

— Ничего не понимаю.

— Я тоже так думаю, — снова усмехнулся Эренграф.

— Вот вы говорили, миссис Калхен, о моих расходах. Вы сомневались, что по делу вашего сына у меня могли быть значительные расходы. Если бы я хотел перечислить эти расходы, я начал бы с билета на поезд до Нью-Йорка; затем 20 долларов на такси до аэропорта Кеннеди, включая мостовой сбор и чаевые — это ведь не так уж много?

— Но зачем это, мистер Эренграф?

— Далее. За авиабилет до Лондона и обратно, — продолжал адвокат. — Причем я всегда летаю первым классом; эту небольшую роскошь я могу себе позволить, поскольку плачу из своего кармана. Затем на прокат машины для поездки в Оксфорд и обратно. Как вы знаете, миссис Калхен, бензин подорожал и у нас в США, а в Англии он теперь дорог неизмеримо.

Она не спускала с адвоката глаз. Его руки, беспорядочно переключавшие лежавшие на столе бумаги, постепенно замедляли движение и наконец успокоились. Теперь он говорил медленно и совершенно спокойно:

— В Оксфорде мне пришлось обойти десяток магазинов мужской одежды. В нескольких магазинах галстуков Кэдмонского общества не оказалось. В четырех магазинах я приобрел по одному галстуку. Я полагал, что не следовало покупать больше одного галстука в каждом магазине, чтобы не привлекать к себе особого внимания. Эти галстуки, миссис Калхен, довольно оригинальны. На темносинем фоне имеется более светлая полоска шириной около двух сантиметров в центре и две узкие полоски по бокам, одна золотистая, другая яркозеленая. Меня лично такая расцветка не привлекает, я предпочитаю галстуки в более скромном стиле. Но галстуки Кэдмонского общества все же очень красивы.

— О боже!

— Были у меня и другие расходы, миссис Калхен; но так как я платил из своего кармана, не думаю, что стоит перечислять все подробно.

Адвокат заметил, что посетительница вот-вот упадет в обморок.

— Как я уже говорил, вам лучше было еще четверть часа назад выплатить мой гонорар. И вам было бы куда спокойнее, чем теперь...

— Но Кларк не убивал эту девицу!

— Разумеется, не убивал, миссис Калхен. Убийца — маньяк, одержимый манией преследования молодых женщин, напоминающих по виду его мать. Или может быть, его сестру. Или кого-то еще.

Она раскрыла сумочку, чтобы достать носовой платок.

— Теперь вы как будто уже хотите достать чековую книжку, но у вас дрожат руки. Вот вам стакан содовой, выпейте и успокойтесь. Ничего, миссис Калхен, все идет своим чередом. Ну вот, все прошло.

Ее руки уже не дрожали, и она спокойно выписала чек. Сумма: семьдесят пять тысяч долларов; выплатить: Мартину Эренграфу, адвокату; подписано: Дороти Роджер Калхен.

— Благодарю вас, сударыня, — проговорил адвокат, убирая чек. — А вот и доллар, который вы мне выдали в качестве аванса. Берите, берите!

Она положила мятый доллар в свою сумочку.

— Прекрасно. И вы, разумеется, вряд ли захотите рассказывать о содержании нашего разговора. Какой смысл?

— Нет, я никому не буду рассказывать подробностей.

— Разумеется, не будете. Прекрасно.

Она хотела было уже подняться, но вновь опустилась в кресло:

— Но... ведь вы сказали, что купили четыре галстука. — Он удивленно посмотрел на нее. И она спросила: — А что... с четвертым?

— Наверное, лежит где-нибудь здесь, — указал он на свой письменный стол, в котором было не менее десятка ящиков. Некоторые ящики были слегка выдвинуты. — А может, в этом комод лежат и все четыре галстука, разумеется, в фабричной упаковке, в целлофане. Ибо я лично предпочитаю носить галстуки более скромной расцветки. Так что покупка этих галстуков была пустой тратой времени и денег. Ведь этот одержимый имел свои собственные галстуки, которыми он душил молодых женщин. А те галстуки, что у меня — просто забавные сувениры.

— О!

— А возможно, миссис Калхен, история, которую я вам рассказал — чистый вымысел, вдохновение момента, чтобы побудить вас выплатить обусловленный гонорар. Может быть, я вообще не летал в Лондон, не ездил в Оксфорд, не покупал никаких галстуков.

Он подошел к креслу, в котором она сидела, помог ей встать и проводил к двери.

— Мы правильно делаем, когда верим в то, чего сами желаем. Вот туда, пожалуйста, по коридору, лифт слева. Если вам снова понадобятся мои услуги, вы знаете условия, на которых я веду дела. И возможно, вы порекомендуете меня своим друзьям — не упоминая, разумеется, деталей моего рассказа.

Она осторожно прошла по коридору, нажала кнопку вызова и стала дожидаться лифта.

Назад она не оглянулась. Ни разу.

Перевел Ал. Яковлев

Рисунки С. Мальшева

Разговорчивые рыбы

Неверно называть подводные просторы миром безмолвия. Современные приборы улавливают многие шумы под водой, есть среди этих шумов и рыбы "разговоры" и их "крики".

Некоторые виды рыб издают специфичные звуки, которые могут быть слышны даже вне воды. Наиболее известная в этом отношении жаба-рыба. Вот что рассказывает о ней "Жизнь животных" (том 4, часть 1):

"Замечательна способность жабовидных рыб издавать звуки, имеющие характер скрежета, хриплого ворчания или гудка. Звуки издаются с помощью сложного, сердцевидной формы плавательного пузыря. Тихой ночью у Атлантического побережья Америки можно слышать слабые звуки, напоминающие гудки, подаваемые судами в тумане, иногда до двух-трех раз в минуту. Их издает обыкновенная жаба-рыба. Непосредственно вблизи рыбы эти гудки имеют силу шума идущего поезда или заклепочной машины, достигая болезненной для уха интенсивности свыше 100 децибел. Звуки, выпускаемые жабой-рыбой, состоят из упомянутого гудка — "бу-уп!" — за которым следует короткое ворчание, заканчивающееся протяжным горловым рычанием".

Каков же механизм, с помощью которого жаба-рыба издает свои звуки? Она имеет огромный плавательный пузырь, прикрепленный к задней брюшной стенке: он наполнен сжатым воздухом и действует подобно барабану. С двух его сторон расположены две широкие плоские мышцы, которые при сжатии приводят в движение пузырь и вызывают вибрацию находящегося в нем воздуха, что и рождает характерные звуки разной тональности.

Раньше считалось, что способностью "разговаривать" обладают только морские рыбы. Однако в последнее десятилетие это качество было обнаружено и у небольшого числа пресноводных рыб. Например, австрийский биоакустик Фридрих Шаллер с помощью гидрофона исследовал бассейн Амазонки. Оказалось, что каждый второй или третий обитатель этой великой реки и ее притоков обладают "даром слова" (а обитает там более 2000 видов рыб).

Одна из разновидностей амазонских сомов (индейцы называют ее "пирарара") издает звуки, подобные трубному реву слонов. Эта сильная и массивная рыба (до 100 килограммов веса) использует для "разговора" жаберные крышки. Через них она с большой скоростью выталкивает воду и воздух, которые перед этим набрала в рот.

Другая амазонская рыба — хакари — издает звуки плавательным пузырем и двумя мышцами. Особенно сильные звуки эти рыбы издают в брачный период. Когда сотни самцов начинают свой концерт, их грохочущие звуки несутся далеко над водной гладью. Сом мандин "говорит" с помощью спинного плавника, имеющего отростки с зазубринами, которые при трении издают громкие пронзительные звуки. Еще одна рыба этого бассейна — песада — издает звук, подобный выстрелу из пистолета.

Вообще надо сказать, что характер звуков рыб — и морских, и речных — очень разнообразен. Одни звуки напоминают потрескивание или шелест, скрежет, рычание, другие виды рыб цокают, каркают, стонут. Звуки третьих похожи на барабанный бой или, скажем, птичий щелбет. А вот живущая у берегов Китая рыба цинголосус — настоящий музыкант — она может издавать звуки, похожие на колокольный звон, игру на арфе и на органе.

Чем, однако, объяснить, что именно рыбы Амазонки так "разговорчивы". Считают, что причина кроется в слабой прозрачности вод здешних рек. Притоки Амазонки, берущие начало в Андах, содержат в воде много растворенных минеральных веществ, которые придают воде цвет разбавленного молока. Другие притоки, которые текут через заболоченные джунгли, несут ил, который придает воде коричневый и даже черный цвет. Чтобы рыбы в такой воде могли общаться друг с другом, отпугивать врагов или объявлять, что "территория занята", природа в процессе эволюции и снабдила их "голосом". Вместо других способов общения — яркой окраски, световых вспышек, умения принимать специфичные позы и т. д.

Но если рыбы издают звуки, то, естественно, они должны и слышать их. Некоторые ученые считают, что рыбы обладают превосходным слухом, даже более совершенным, чем человек. Какой же орган является ушами рыб?

Еще в 1930 году экспериментаторы с помощью электрических исследований ответили на этот вопрос: рыбы способны воспринимать звуковые вибрации и что главную роль в восприятии звука играет опять же плавательный пузырь. Плотность тела рыбы мало отличается от плотности окружающей среды. В результате тело рыбы является "прозрачным" для звуковых волн, проходящих в воде. Плавательный же пузырь, наполненный воздухом, является единственной акустической преградой, от которой (и в которой) звук отражается и усиливается. Иными словами, плавательный пузырь, этот гидростатический аппарат костных рыб, который регулирует удельный вес их тела при перемещении на ту или иную глубину водоема, ко всему прочему обеспечивает рыбам слух, а в ряде случаев и голос.

Жемчужины — рекордсмены

С незапамятных времен жемчуг славился как изысканная драгоценность. В Древней Греции слово "перл" ("жемчуг") олицетворяло нечто чистое, деликатное, красивое и редкое.

Известно, что не каждая перламутровая горошина, найденная под створками раковины моллюска, представляет драгоценность. К ювелирным относится примерно 30 процентов от общей добычи жемчуга. Цена зависит не только от размеров, но не в меньшей степени от окраски, качества перламутрового слоя и формы.

Каковы же наиболее ценные (по качеству и размерам) жемчужины были добыты их ловцами?

Ответить на этот вопрос не так-то просто. Даже в официальных изданиях приводятся противоречивые сведения. Дело в том, что крупные жемчужины нередко переходили из рук в руки и далеко не всегда честным путем. Часто они просто пропадали в тайниках и сейфах тех, кто не любит рассказывать о своих богатствах. Вот и случалось, что крупная жемчужина, которой многие восторгались, вдруг исчезала и о ее судьбе никто ничего не знал, а спустя много лет сам факт существования этой жемчужины ставился под сомнение — не выдумка ли это?

В ряде источников указывается, что самая крупная (но не самая ценная) жем-

чужина была выловлена у берегов Филиппин в 1934 году. Однажды там не вынырнул из морских глубин ловец. Когда его товарищи спустились на дно, то увидели, что руку ловца защемила огромная раковина. Не в силах вырваться из этой западни, ловец задохнулся. Так и подняли его на берег с раковиной, вес которой, как утверждали очевидцы, превышал триста килограммов. Створки гигантского моллюска удалось раскрыть только с помощью стального прута. Внутри обнаружили гигантскую жемчужину весом в 6,4 килограмма; она имела бледно-розовый цвет с фарфоровым отливом а размеры – 14 на 24 сантиметра. Возраст моллюска был определен в 450 лет. По форме рекордсменка напоминала голову в чалме и потому ее прозвали "Перлом Аллаха". О дальнейшей истории этой жемчужины рассказывали разное. Где она сейчас?..

Ювелирные жемчужины имеют, конечно, значительно меньшие размеры. Первыми в списке рекордсменов фигурируют две жемчужины, хранящиеся в британской королевской сокровищнице. Это – "Жемчуг надежды" оригинальной каплевидной формы (вес 122,7 грамма). Вторая несколько меньше (90 граммов) и имеет цилиндрическую форму. Не менее знаменита жемчужина "Регент" размером с голубиное яйцо (вес 17 граммов), которая отличается превосходной игрой света. В литературе описана красивейшая жемчужина черного цвета – она была выловлена в 1904 году в прибрежных водах Мексики и получила имя "Царь ацтеков".

Удивительной и очень редкой драгоценностью считается жемчуг из нескольких сросшихся горошин. Рекордсменом красоты жемчуга такого рода считают "Большой Южный крест", найденный у берегов Западной Австралии. Это естественный сросток девяти больших горошин, расположенных в форме креста.

Хроники рассказывают о жемчужинах-красавицах, которыми некогда владели испанский король Филипп II и персидский шах Надир. Испанской короне принадлежали две голубых яйцеобразных жемчужины в 26,7 и 25,2 грамма. Надир приобрел свой "трофей" в одном из завоевательских походов. Это была грушевидная жемчужина весом в 26 граммов.

Если же перейти от хроник и легенд к фактам, то согласно "Книги рекордов Гиннеса", самой крупной жемчужиной в

мире (осязаемой!) является гигант в 6,3 килограмма. Эта жемчужина в 70-е годы была подарена американскому археологу Уилберу Кобби вождем племени на Филиппинах в знак признательности за то, что тот вылечил его сына от малярии. У этой жемчужины, как полагают специалисты, древняя история. Рассказывают, что около 2500 лет назад китайский философ Лао-цзы положил в моллюска маленький амулет. С тех пор потомки философа ухаживали за моллюском, создавая такие условия, чтобы родившаяся под створками раковины горошина росла быстро. Еще одна легенда? Но вот факт: в 1990 году эта рекордсменка была продана в Лос-Анджелесе за 25 миллионов долларов.

Получают крупные жемчужины и при их искусственном выращивании. Так несколько лет назад тайландская фирма "нага перл" продемонстрировала выращенную в западной части Сиамского залива жемчужину диаметром в 4 сантиметра и весом в 31 грамм. Правда, она была не идеальной шарообразной формы, а несколько вытянута.

Загадки птерозавра

Публикации известного американского ученого и фантаста Айзика Азимова касаются едва ли не всех проблем, которые волнуют человечество. Прошлое и будущее, космические просторы, океанские глубины и микромир, о всем у А.Азимова есть свои оригинальные суждения. Коснемся одной из проблем, которые рассматривает он.

Древние крылатые ящеры – птерозавры, вымерли внезапно, исчезли около 65 миллионов лет назад. Но с ними связан ряд интересных вопросов, ответы на которые не так-то просты. Самый интригующий такой: как эти существа размером с легкий самолет могли держаться в воздухе? До сих пор никто не дал исчерпывающего ответа на этот вопрос, хотя и есть гипотезы.

Птерозавры появились на Земле примерно 200 миллионов лет назад. Некоторые из них были не больше воробья, другие – гигантами животного мира. Размах крыльев птеронодена, жившего 70 миллионов лет назад, был более восьми метров – почти в три раза больше, чем у альбатроса. Но в то же время это существо весило не более 18 килограммов. В 1971 году в Техасе были найдены остан-

ки птерозавра, чей размах крыльев достигал 15 метров! С полной уверенностью можно сказать, что это самое массивное из всех земных существ, которые обладали способностью летать.

Наши представления о том, как летали такие существа, формируются на основании сведений о способностях летать, которыми наделены живые существа прошлого и настоящего.

Полет дело трудное. Чтобы размахивать крыльями в воздухе, необходима большая концентрация энергии. Значительная часть ее уходит только на то, чтобы подняться в воздух и затем удерживаться в нем. Из всех летающих наиболее распространены холоднокровные – насекомые. Они производят сравнительно мало энергии и поэтому, как правило, летают на небольшие расстояния. Сила гравитации, соответствующая их весу, незначительна и позволяет им сравнительно легко справиться с ней. Две другие группы летающих – птицы и летучие мыши – теплокровные. Они имеют возможность отдавать полету значительно больше энергии.

Все живущие сегодня пресмыкающиеся менее подвижны, чем птицы и млекопитающие. Вначале считали, что птерозавры были холоднокровными и не располагали энергией, достаточной для эффективного полета. Представлялось, что они каким-то образом карабкались на крутые скалы и оттуда бросались на добычу, планируя и лишь слегка размахивая крыльями. Сегодня многие ученые все же склонны считать, что ящеры летали "по-настоящему", не планируя, а энергично взмахивая крыльями. А так как эта работа требовала большого расхода энергии, все большее число специалистов приходит к мысли, что летающие ящеры должны были быть теплокровными. И еще: их тела были покрыты волосами, а не перьями.

Каким же образом они двигались по суше? Недавно в ФРГ обнаружены две достаточно хорошо сохранившиеся бедренные кости птерозавра. Их реконструкция позволила установить, что птерозавры двигались по суше с трудом, примерно как нынешние утки. Можно поэтому предположить, что при "свободном полете" они временами висели на деревьях или сидели на скалах, напоминая в этой части современных летучих мышей.

В. РОЩАХОВСКИЙ

Александр СЕМЕНИН

Земляничник

Кто бывал на южном берегу Крыма, конечно, обратил внимание на невысокие корявые деревца, увенчанные ажурно-светлой кроной из глянцево-блестящих листьев. Это земляничник крупноплодный, или земляничное дерево — житель Средиземноморья, давно «прописавшийся» в скверах и парках Черноморского побережья. Когда видишь его впервые, обращаешь внимание на кораллово-красный ствол деревца. Оно словно загорело под горячим крымским солнцем, уподобившись незадачливому отдыхающему, попытавшемуся в первый же день взять свое. По этой причине местные жители и прозвали земляничник «курортницей». Однако необычный облик она сохраняет лишь половину лета. В августе, на жаре красная кора, словно старая штукатурка, длинными лоскутами отваливается от стволов. Под опавшей, тонкой, как бумага, оболочкой обнаруживается нежно-зеленая молодая кора — она богата хлорофиллом и выполняет в этот период, взамен частично опавших листьев, функцию синтезатора органических веществ. Но появляются новые листья — и постепенно восстанавливается «курортный» цвет ствола: из зеленого он превращается в желтый, затем — в оранжевый и, наконец, опять приобретает броскую кораллово-красную окраску.

Земляничное дерево — растение морских побережий. В горы высоко не поднимается, предпочитая селиться на хорошо прогреваемых каменистых склонах, порой крутых и малодоступных. Возможно, благодаря симбиозу (взаимовыгодному «сотрудничеству») с почвенными грибами, окутывающими нитями своей грибницы (мицелия) корневую систему земляничников, они эффективно усваивают питательные вещества почвы.

Несмотря на экзотический вид и странные, на первый взгляд, «повадки», «курортница» имеет общую родословную с некоторыми растениями, широко распространенными в лесной зоне России. Так, в ближайшем родстве с нею находятся наши ягодные кустарнички — черника, брусника, голубика и клюква. Да и земляничное дерево названо потому, что его плоды похожи на всеми любимую ягоду.

В конце лета у земляничника распускаются небольшие кремовые цветочки с приятным нежным ароматом. Они не-

сколько напоминают изящные венчики ландыша, но еще более — маленькие «колокольчики» брусники или настоящего вереска. А поздней осенью вместо них уже висят красные плодики. Издали их можно принять за вишню (недаром «курортницу» называют иногда «морской вишней»), однако при более внимательном рассмотрении замечаешь их сходство с земляникой, только ягоды бывают поменьше и не покрыты мелкими «бордавками».

К сожалению, похожесть распространяется только на внешний вид плодов. Вкус же их совсем иной: они хотя и сладкие, но не ароматные и довольно приторные, имеют к тому же мучнистую консистенцию. Земляничник поэтому не отнесешь к категории очень ценных фруктовых деревьев. Плоды его редко едят в сыром виде; их консервируют и перерабатывают на соки, компоты и варенья.

Надеемся, что разочарование во вкусе плодов этого деревца не охладит энтузиазма любителей разведения южных экзотов в комнате. Ведь у земляничника столько других «достоинств»! Ради одного знакомства с ними уже стоит попытаться «приручить» в своем доме «курортницу».

С чего же начать? Естественно, первый вопрос: как размножить растение?

Тут сразу появятся некоторые проблемы.

Лучше всего, если вы приобретете немного свежих семян поздней осенью на Черноморском побережье Крыма. Именно свежих или пролежавших после созревания не более полугода; при длительном хранении их всхожесть резко падает. Сеют их в марте в почвенную смесь, состоящую из дерновой, перегнойной земли, торфа и песка, взятых в равных объемах. При температуре воздуха +22 — 24 °С первые всходы появляются через 12–15 дней. Когда у сеянцев сформируются 2–3 листа, их пересаживают из посевных плошек и ящиков в 7–9-сантиметровые горшки, заполненные почвой того же состава, с той лишь разницей, что доля дерновой земли в ней увеличивается вдвое.

Можно размножать земляничник также зелеными и полуодревесневшими черенками. Для этого в марте–апреле или в июле–августе побеги нарезают на 8–12-сантиметровые отрезки, которые высаживают в плошки или ящики, запол-

ненные песком или смесью песка с торфом. Укореняется земляничник довольно долго (за 5–6 месяцев). Чтобы ускорить развитие корешков, черенки до посадки держат 16–18 часов в растворе гетероауксина (1 мг на литр воды).

Молодые сеянцы и укоренившиеся черенки из ящиков и плошек высаживают в небольшие горшки. На дно горшков (на 1/4 их высоты) кладут несколько камешков керамзита или гравия, которые служат в качестве дренажа, препятствующего застаиванию воды и закисанию почвы.

Родина земляничника — прибрежные районы Черного и Средиземного морей, где большую часть года солнечно и жарко. Там «курортница» обитает в подлеске дубовых и сосновых лесов, но нередко приживается и на открытых каменистых склонах. Вот почему слывет она одновременно и очень светолубивым, и достаточно теневыносливым деревцем. Последнее особенно важно: значит, разводить земляничник можно и не в самых просторных и светлых комнатах.

Подкормку удобрениями проводят в течение всего года, поскольку «курортница» — вечнозеленое дерево, рост и развитие которого не прекращается и в зимнее время. Периодичность внесения удобрений: с марта по октябрь — раз в 10–15 дней, с октября по март — раз в месяц. Весной подкармливают растворами азотного (карбамид, аммиачная селитра) и полного минерального удобрения (нитроаммофоска). Летом полезно чередовать поливы растворами полного минерального и настоями органических удобрений (коровяк, птичий помет). Для лучшего заложения и развития генеративных почек в конце августа проводят подкормку суперфосфатом.

В осенне-зимний период полив сокращают, а деревца содержат в прохладных помещениях (температура воздуха +12–14 °С).

Зацветает земляничное дерево и дает первые плоды на 4–5 году жизни. При разведении в комнатах его формируют в виде раскидистого кустика, либо небольшого деревца с низким штамбом. Ранней весной, до начала роста побегов, их прищипывают; летом удаляют «на кольцо» ветви, растущие внутрь кроны, а также побеги, появившиеся на главных ответвлениях штамба.

Фото автора (см. на 3-й стр. обложки).

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

ВО ВТОРОМ ПОЛУГОДИИ 1994 ГОДА МЫ ОПУБЛИКУЕМ ДЛЯ ВАС:

Мелодраматическую повесть Елены Матвеевой «*Ведьмины круги*», в которой главный герой, пройдя нравственные испытания, обретает новых друзей.

Повесть Василия Щепетнева «*Кормить зверей воспрещается*».

Свою работу автор предваряет так: "Факт за фактом привели меня к убеждению, что лозунг о создании "нового человека для новой жизни" имел не переносный, а самый прямой смысл".

«Уральский следопыт» готовит подарок самым юным читателям:

один из номеров журнала мы посвятим детской литературе.

В нем – рассказы и повести Юрия Ковалея, Марины Москвиной, Сергея Георгиева и других детских прозаиков и поэтов.

ФАНТАСТИКА «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

...Итак, чистый разум, для краткости – Чер. Предположительно – это цивилизация, достигшая всех мыслимых высот и в силу своего развития отказавшаяся от бранных форм существования.

Распространенность в галактике – неизвестна, возраст – неизвестен.

Обнаружен полтора земных года тому назад...

О попытке контакта землян с этим объектом рассказывается в повести Дмитрия Баюшева, которая так и называется: «*Чистый разум*».

Совершенно иного плана – новая повесть пермского писателя Михаила Шаламова «*Парсуна*». Это – плутовский роман, ироническая *fantasi*,

среди героев которой – и Ванька из сельца Кукуева, что над речкой Кукушею

(он же – Иоанн Кукуефф, лорд Кукуйский), и король лютейский

Луи Красно Солнышко, и дочь его – "Софья Луинична",

и князь Кощей, и рыцарь Бова,

и даже... "политэмигрант" Конан-киммериец!

В портфеле отдела фантастики – рукописи молодых авторов,

в более же дальних планах – новые произведения

Владислава Крапивина, Сергея Другалея, Геннадия Прашкевича...

ОТДЕЛ КРАЕВЕДЕНИЯ

продолжит публикацию очерков из уральской истории XVIII века,

написанных главным образом на малоизвестных материалах,

раскрывающих прошлое духовной культуры Урала и его промышленности.

Будут напечатаны новые очерки из серии "Женщины Древней Руси".

Один из них – «*Горислава*» – расскажет о княгине-полочанке Рогнеде,

первой жене великого князя киевского Владимира.

Второй – «*Невеста из Царьграда*» – о византийской царевне Анне, ставшей

христианской женой того же великого князя, крестителя Руси.

Демидовскую тему продолжит в журнале иллюстрированный очерк

геолога Майи Рыжовой «*И еще о Санси*».

Автор доводит едва ли не до наших дней романтическую историю

знаменитого бриллианта "Санси", некогда подаренного Павлом Демидовым

своей жене Авроре Карловне Демидовой-Шернваль.

На «Уральский следопыт» проводится подписка во всех почтовых отделениях.

Стоимость 1 экз. журнала на 2-ое полугодие – 750 руб.

Расходы на доставку журнала определяются местными ведомствами.

У читателей Екатеринбурга есть возможность подписаться

и получить «УС» в редакции.

ЭТО И ДЕШЕВЛЕ, И НАДЕЖНЕЕ!